

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

- Е.С. Роговер.* Комедия «Женитьба» Н.В. Гоголя 2
Александр Миронов. Пьеса «Женитьба» Н.В. Гоголя как совершенно невероятное событие и горькая насмешка над любовным чувством 10

ПРОЗА В МАЛЫХ ФОРМАХ

- Наталья Ульянова.* Мифы и легенды о сотворении мира 16
Михаил Жаров. Любовь-бижутерия (рассказ)..... 19
Михаил Жаров. Ты живой (рассказ)..... 26
Наталья Рябухина. Взаперти... (рассказ)..... 40
Григорий Тельнов. Сильнее огня 43
Анатолий Тупицин. Романтик и незнакомка (рассказ)..... 47
Анатолий Тупицин. Творение (рассказ)..... 52

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

- Евгения Брякова.* Так бывает..... 56

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

- Стихи Евгения Мюллера, Ольги Довгопол (Маркова), Светланы Кузнецовой, Василия Денисюка, Юлии Мамыкиной..... 60

ПРОЗА XXI

- Наталья Менендес.* Разведенные мосты (повесть, продолжение)..... 79

ПОРТРЕТЫ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ

- Е.С.Роговер.* Константин Симонов (литературный портрет, продолжение)..... 120

О САМОМ ГЛАВНОМ

- Александр Кучеровский.* Лабиринт понимания 130

ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГРИМА

- Вадим Петров.* Катынь. Имелись ли мотивы для расстрела? 139

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

- Андрей Каратыгин.* Тайны гениев и житейская мудрость Аси Семёновны 149

Е. С. Роговер

КОМЕДИЯ «ЖЕНИТЬБА» Н. В. ГОГОЛЯ

В блистательном ряду драматургических произведений Н. В. Гоголя достойное место занимает комедия «Женитьба».

В истории создания этого произведения можно выделить три этапа.

Первый из них связан с созданием ранней редакции пьесы, которая начала была в 1833 году и называлась «Женихи». От этого варианта сохранилось только первое действие, хотя в комедии предполагались три акта. Действие протекает здесь в деревне (петербургская тема еще не затронута), в провинциальной помещичьей обстановке (купеческая среда еще не отражена). В единственном акте еще не действуют герои, которым позже выпадут роли главных участников событий пьесы, то есть еще отсутствуют Подколесин и Кочкарев. Однако невеста-помещица уже присутствует и занимает центральное положение. «Долго ли я буду в девках оставаться?» – вопрошает эта героиня, которую здесь зовут Авдотьей Гавриловной. Чтобы найти необходимых женихов, она посылает за ними на ярмарку, и в пьесе появляются Онучин (впоследствии Анучкин), Яичница, Жевакин и Пантелеев (позже он будет лишь упомянут в словах Феклы), соперничающие между собой. Каждый из женихов нравится невесте, и она, проявляя растерянность, не может выбрать наилучшего. Характеры автором лишь намечены, хотя пошлость каждого уже обнажена. В сохранившемся акте ощущаются традиции народной площадной комедии, вместе с которыми в одиннадцать явлений врываются элементы фарса и

грубого комизма (ссоры женихов и намеченная их потасовка).

Второй этап реализации гоголевского замысла относится к 1835 году, когда прежний единственный акт вырастает в полную, хотя и не законченную пьесу. Теперь действие происходит в Петербурге, появляется ряд городских реалий и два новых героя – Подколесин и Кохтин (ему суждено стать Кочкаревым) [1]. Комедия меняет свое название и становится «Женитьбой», что сказывается на ее проблематике, поскольку интерес переносится с женихов на пародийный процесс бракосочетания. Пьеса намечена к театральной постановке, и эту полную редакцию автор читает в московском доме писателя М. П. Погодина 4 мая 1835 года. Литераторы-слушатели воспринимают ее как возрожденный фарс и смеются так, «что некоторым сделалось почти дурно; но, увы, комедия не была понята! Большая часть говорила, что пьеса неестественный фарс...» [2]. Комедия в ту пору поставлена на сцене не была: во-первых, автора обескуражила реакция писателей, и стало ясно, что пьеса нуждается в очередных изменениях; во-вторых, вмешалась работа над «Ревизором», и переделку «Женитьбы» пришлось отложить на несколько лет, хотя в 1836 году автор возвращался – по просьбе М. С. Щепкина – к тексту пьесы, продолжая его совершенствовать.

Третий этап работы над пьесой приходится на 1841-1842 года, когда Гоголь завершает пересоздание своей «Женитьбы». Драматург окончательно выводит из комедии не только

тему любви, но и упоминания о ней, показывая, что процесс сватовства и выбора будущего супруга ныне часто исключает влечение, страсть, возвышенные чувства и эротическое наслаждение у персонажей. Элементы соперничества автор сохраняет, но придает ему пародированный характер, усложняя его испугом перед изменением прежнего бытия, растерянностью и мотивированной нерешительностью. Русская бытовая комедия выводится на путь реализма, широкой типизации образов и тонкого психологизма в объяснении человеческих поступков. Автор обогащает речевые характеристики всех героев, дает им окончательные имена (невеста получает имя Агафья Тихоновна). В окончательной редакции глубоко отражаются существенные изменения в современной Гоголю российской действительности. Не случайно автор переносит действие в купеческую среду, в которую пытаются внедриться представители чиновничества и военных слоев. Образы канонического текста позже получают переключку с проблематикой картин П. Федотова «Мышеловка» (1844-1846), «Разборчивая невеста» (1847) и «Сватовство майора» (1848), созданных после «Женитьбы». Окончательная редакция пьесы была опубликована в т. IV «Сочинений Николая Гоголя» и вынесена на суд зрителей в театральных постановках 1842 и 1843 годов.

Чуткий читатель не мог не заметить художественной связи «Женитьбы» с недавно опубликованной и поставленной на сцене комедией «Ревизор» (1836). Имя прежней героини-невесты — Анна Андреевна — передано жене Городничего. Черты Хлестакова во многом повторяются в Кочкареве, а «подколесинщина» — столь же широкое обобщение, как и «хлестаковщина». В обеих пьесах развит мотив зеркала, а в связи с ним разрабатывается тема отраженной в нем рожи, оказав-

шейся кривой. В «Ревизоре» эта тема получает выражение уже в эпиграфе, а в «Женитьбе» она звучит в словах Подколесина: «Знаю я эти другие зеркала. Целым десятком кажет старее, и рожа выходит косяком». В этом варьировании мотива И. Л. Вишневская пронизательно увидела «осязаемую лирико-сатирическую спаянность этих комедий» Гоголя [3].

В «Женитьбе» происходит такое же «совершенно невероятное событие» (как об этом говорит подзаголовок пьесы), какое — в несколько иных обстоятельствах — совершается в «Ревизоре». Но структура двухактной комедии достаточно своеобразна.

В первых ее явлениях Подколесин, открывающий представление, готовится к ожидаемому сватовству. Его заботят при этом две стороны дела: оповещение причастных к готовящемуся событию людей о том, какой у него чин, и приобретение необходимых вещей. Это и черный фрак (цветные больше подходят к чиновной «мелюзге»), блеск сапогов, хорошая вакса. Единственно, что не входит в круг его забот — невеста, имени которой, возраста и облика он не представляет. А когда в связи с появлением свахи о невесте речь по необходимости заходит, то Подколесина интересует прежде всего приданое и будущий дом о двух «елтажах», весьма «прибыточный». Первый акт призван представить портреты возможных женихов — Яичницы, Жевакина и Анучкина, благодаря чему читатель или зритель узнает о невежестве, убожестве и корыстном расчете претендентов на руку Агафьи Тихоновны. Тема выходной женитьбы и «электричество чина» оказываются здесь определяющими. Для Подколесина главенствующим началом становится то, что он — надворный советник, для Феклы важно, что Пантелеев — титулярный советник, для Яичницы существенно, что он — коллежский

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ассессор, а для Жевакина — что он лейтенант в отставке. Свойства невесты для всех оказываются интересными менее всего, ибо она — в ряду вещей, товар, имеющий меновую стоимость. Один из женихов называет жену «телегой», Кочкарев не видит разницы между женщиной и подушкой (и та и другая — белая).

Во втором акте автор сосредотачивает свое внимание на Кочкареве, развивающем энергичную деятельность, лишённую смысла и мотивировки. Благодаря его активности Подколесин ведёт соревнование с женихами и вырывается вперед. Агафья Тихоновна, хотя и не без колебаний, отдает свое предпочтение именно ему, Подколесину. При созерцании этого Ивана Кузьмича у нее даже «бьется сердце», он так вот и «лезет в руку», как признается невеста в своем монологе. Но в самый последний момент, когда затянувшийся ее выбор уже состоялся, счастливый суженый «становится на окно» и «соскакивает на улицу». «Маленькая комедия» завершается большим конфузом.

Одной из особенностей «Женитьбы» является перенос действия из общественной в личную, сугубо частную сферу жизни, более того — в круг интимных отношений изображенных героев, устраивающих свои судьбы. Казалось бы, здесь не может быть официальной зависимости людей друг от друга, чванливости, подбострастия, грубости, окрика и брани. Но обнаруживается, что именно эти черты господствуют у персонажей пьесы в мире интимных переживаний. Здесь поминутно звучат такие слова, как «белены объелись», «к дьяволу», «мерзавец», свихнула с ума», «старая подошва», «ведьма проклятая», «бес-тия этакая». В этом мире нет живых чувств, подлинно человеческих движений. Здесь царит грубая сделка и купля-продажа; тут люди вступают в темное царство откровенной пошло-

сти и обмана, и автор в своих картинах рисует мир, который позже предстанет в творениях А. Н. Островского.

Преимущественное внимание Гоголь обращает на характеры действующих лиц, изображение которых становится особенно заметным его достижением. Задача была исключительно трудной, поскольку драматург имел дело с пустыми и безличными существами. Однако автору пьесы удалось передать нрав и «задор» каждого персонажа, не сведя его обрисовку к абстрактной схеме.

Так, Яичница любопытен не только своей забавной фамилией, но и шумной деловитостью («я человек должностной, мне некогда»), откровенной прозаичностью интересов, педантичностью чиновника-экзекутора (он тщательно уточняет список вещей, составляющих приданое), заботой о материальных ценностях, грубостью и откровенной тупостью (для него сватание — «дело дрянь, ничуть не головоломное»), бесцеремонностью и неразборчивостью («дура, — говорит он, — тоже хорошо. Были бы только статьи прибавочные в хорошем порядке»). Для него важно не любоваться невестой, а осмотреть со двора дом. Если все сооружено крепко, он вечером же добьется «дела». Эти свойства примитивного жениха находят отражение в его языке. В последнем заметна пунктуальность, придирчивая точность («...я пришел узнать, какого роду лес, в каком количестве и к какому времени можете его поставить», — заявляет он. Трижды подчеркнутое слово «какой» относится отнюдь не к невесте, а к лесу и дровам), неразборчивость в выражениях и грубая раздражительность, с которыми он обрушивается и на сваху («черти бы тебя съели, ведьма ты проклятая!»), и на невесту («невесте скажи, что она подлец!»).

Задор Анучкина выражается в поисках невесты, непременно знающей французский язык и умеющей войти в

высшее общество, хотя сам он ни иностранного языка, ни достойных манер не знает.

Жевакин, лейтенант в отставке, причастный к морской службе, имеет претензию казаться галантным и даже романтичным, отчего силится упоминать о морских бурях и далекой Сицилии, виденной им в молодости, хотя образы эти в купеческой среде часто выглядят весьма неуместными. Женщина для Жевакина – подобие изящной вещи или цветка с приятным запахом («розанчик этакой»). Агафья Тихоновна привлекает его своей пухлостью и телесностью (ведь он «большой аматер со стороны женской полноты»). При этом Жевакин не стесняется громко заявлять о своей откровенной чувственности и о своих неудачах в деликатном сватании, которые пережил он уже 17 раз. Черты характера отставного лейтенанта зеркально запечатлелись в его речи. В ней преобладает склонность к изысканным уподоблениям и восторгам: «Натурально, сидит эдакая италианочка, такой розанчик, одета: манишечка, платочек». Однако неумеренное употребление сравнений с «розанчиком» свидетельствует о языковой бедности и лексическом однообразии. Об этом же говорит и неизменное употребление слов с уменьшительными суффиксами: «такой лакомый кусочек», «сними пушинку», «там как будто паучок лазит».

Наибольшие достижения реализма Гоголя связаны с созданием образов Подколесина и Кочкарева.

Подколесин – подлинное художественное открытие писателя. С одной стороны, он наделен чертами, свойственными петербургскому чиновнику, как его изображали в догоголевской литературе и как его рисовал сам Гоголь. Подколесин горд своим сравнительно невысоким чином надворного советника, отличается снобизмом и презирает чиновную «мелочь»:

секретарей и титулярных. Он весьма честолюбив и стремится увеличить свой вес в обществе, для чего ему и понадобилось жениться. Он достаточно пуст, труслив и ленив, и свойства эти тоже традиционны.

Но, с другой стороны, Гоголь передает совершенно индивидуальное, новое свойство Подколесина – присущую ему нерешительность, некую аморфность, сказывающуюся в поведении этого чиновника. Вроде он уже готов жениться, подготовился к браку вплоть до осмысления деталей, но начинает колебаться в своем решении. Вот он снова настроен на объяснение с невестой, но вновь что-то останавливает его, сказывается нежелание вносить изменения в свою обычную жизнь. Вроде он уже обошел других женихов и добился симпатии со стороны невесты. Но приверженность к привычному укладу существования одерживает верх. К тому же сказывается узкий кругозор героя, ограниченность его представлений о браке, подражательность другим, постоянство размышлений о себе и своем покое. Наконец, он вплотную подходит к намеченной цели, его готовность вступить в брак одобряется уже Кочкаревым, но в этот миг тяга к неподвижности и стоячести жизни заставляет его усомниться, встать на подоконник окна и прыгнуть вниз, оставив дом невесты.

Новизна психологии этого героя и глубинная типичность, широкая обобщенность этого характера оказались непонятыми зрителями первых спектаклей по пьесе «Женитьба» и определили растерянность тогдашней критики. Ей было трудно постигнуть ту истину, что «героическая» решимость совершить некое дело в мечтах или словесных заверениях – и нерешительность перед свершением самого дела схвачена Гоголем как черта индивидуальная и как свойство общественное, социальное. Топтание на месте и

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

нерешительность Подколесина великолепно сказываются в его репликах. Примером может служить недоговоренность и долгая пауза в его красноречивой фразе: «... как говорится, этого... вот позабыл слово!». И еще — удивительный монолог перед прыжком, сотканный из многочисленных «если бы...», «право...», «однако же...», «ну нет...».

Столь же новым, неожиданным и художественно выразительным стал характер Кочкарева. Этот герой пьесы весь в делах, поступках, свершениях, хлопотах, осуществлениях задуманного. Но его «делание» не имеет мотивировок; оно производится неизвестно зачем. Поэтому Кочкарев может сегодня отвергать то, что он утверждал вчера; может сейчас устремляться к цели, которая не считалась им важной совсем недавно. Его рвение бессмысленно, его энергия — зряшная. По существу, определенной цели у него вообще нет, или нет основательных причин для его бескорыстной суеты и активности. По удачному выражению И.Л. Вишневской, «Кочкарев и «кочкаревшина» символизировали собой бешено энергетическую либеральную болтовню, лавинно вздымающееся действие, порождающее мертвое бездействие... Кочкаревыми могли оказаться и ученые, и писатели, и крупные государственные деятели» [4].

Критика времен Гоголя совсем не обратила внимание на женские характеры. А между тем их воплощение в пьесе принадлежит к подлинным удачам драматурга. Агафья Тихоновна по-своему соотносится и с басней И.А. Крылова «Разборчивая Невеста», и с одноименной картиной П. Федотова. Разумеется, слово «разборчивая» в этих названиях звучит иронически. Образ, созданный Гоголем, тоже окрашен горькой иронией, поскольку нерешительность этой невесты, созвучная колебаниям Подколесина, и

ее опрометчивый выбор заслуживали смеха, сожаления и осуждения сразу.

С одной стороны, образ Агафьи Тихоновны соединяет в себе все грани идеальных представлений, которые вынашивают по-разному и Яичница (у невесты солидный достаток), и Жевакин (героиня полнотела и отдаленно похожа на мечтаемый им «розанчик»), и Подколесин (от недалекой Агафьи Тихоновны очень легко «улизнуть»). С другой стороны, в невесте нет ничего (даже французского она не знает, от высшего света далека, весьма наивна и глупа), ибо она попросту пуста. Этот образ — еще одно меткое социальное обобщение Гоголя. Речь этой невесты, насыщенная упоминаниями бытовых мелочей, иногда поднимается до такого их синтеза («Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»), что забавные фразы ее стали весьма уместными для политической публицистики, и ими не раз оперировал В.И. Ленин.

Великолепен и образ гоголевской свахи, которая изъясняется сочным трещоточным языком, насыщенным богатой народной фразеологией и пословицами. Таковы, например, ее речения типа: «Гляди налет на свой полет, а и похвастаться нечем: шапка в рубль, а щи без круп». Фекла — сваха, способная соединять невозможное, пользуясь гиперболами и обманом.

Но комедия Гоголя интересна не только ее яркими и обобщенными характерами, но и мастерством их распределения по группам. Первую пару персонажей составляют Подколесин и Агафья Тихоновна. Их скрепляет не только тяготение друг к другу, но и присущая им обоим нерешительность. Вторую заметную пару создают Фекла, сваха по профессии, и Кочкарев, выполняющий функцию свахи. Третью пару образуют тот же Кочкарев, оказавшийся неудачным сватом, и Подколесин, ставший несостоятельным женихом. Наличие этих союзов, вну-

тренне противоречивых, рождает смех при восприятии комедии. Пародирование женихом роли любовника, а его приятелем — амплуа наперсника — это комедийное начало пьесы усиливает.

«Женитьба» отличается и мастерством композиции. Пьеса начинается переживанием одиночества Подколесиним и невестой, этим же состоянием одиночества комедия и завершается. Возникает своеобразное композиционное кольцо. Великолепен конец пьесы: усилия свих завершаются «ничем»: Подколесин прыгает в окно и не выполняет своего обещания «не улизнуть». Этот прыжок — гоголевская полемика с теми комедийными построениями, которые начинались любовной завязкой, а кончались свадьбой. У автора «Женитьбы» в пьесе нет ни того, ни другого. Драматург не дает зрителям той женитьбы, которая была запрограммирована самим названием, и в этом состояла новизна предложенной композиции. Налицо лишь намерение героя вступить в брак, его честолюбивые мечтания совершить нечто для него невероятное, однако и намерение, и мечта остаются нереализованными. Подколесин обманывает и друга, и невесту, и самих обескураженных зрителей. То же надувательство совершает и Агафья Тихоновна, ибо ни один из ее женихов не становится ее мужем.

Редкостная новизна сюжета состоит в том, что в его основе лежит последовательная вереница неожиданных событий. Своих гостей-мужчин, которых так ждала купеческая дочь, она «вдруг» решительно прогоняет. «Пошли вон!» — восклицает она в IV явлении второго акта, хотя такие слова казались ей самой невозможными. Анучкин хочет перебраться со своих Песков в центр города, но его планы неожиданно расстраиваются. Жевакин хочет переместиться со своей 18-й линии в уважаемые городские кварталы, но его хотение столь же неожидан-

но оказывается напрасным. Подколесин разочаровывается в предложенной ему невесте, но затем неожиданно находит ее прелестной («Да теперь-то я... вижу, что она как будто хороша»). Но самой невероятной неожиданностью становится финальный подколесинский прыжок вниз и последующее его бегство «на Канавку», что «возле Семеновского моста». Все эти анекдотические нелепости вытекают из существа изображенных характеров и из нелепости тогдашней петербургской действительности. Поэтому они внутренне мотивированы и вполне оправданы. Сама же череда казусов, поворотов и неожиданностей делает пьесу удивительно смешной.

Комическое в «Женитьбе» обогащено сохранившимися в окончательном варианте текста фарсовыми элементами (подсматриванием в замочную скважину за переодевающейся невестой, сравнение носа красавицы с алебастром, рассматривание лысины Жевакина, возникшей «от лихорадки», словесные каламбуры) и «миражной» интригой, как определил ее Ю. В. Манн [5]. Однако все эти особенности мастерски используются автором в подлинно реалистической комедии, построенной на типизации образов и лишенной какой-либо идеализации жизни.

В этой пьесе отчетливо вырисовывается образ Петербурга тридцатых годов с его улицами, «линиями», каналами и мостами, с его Песками и Вознесенским проспектом, с его военными, украшенными «аполетами», модницами, портными и сапожниками, вездесущими чиновниками и купцами-гостинодворцами. Именно здесь оказалось возможным то «совершенно невероятное событие», которому посвящена комедия.

Хотя некоторые тогдашние критики находили гоголевскую комедию «шалостью большого таланта» или

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

пеской «не стоящей никакого внимания», пронзительный В. Г. Белинский дал «Женитьбе» высокую оценку. Критик находил, что эта пьеса является «исполненной истины и художественно-воспроизведенной картиной нравов петербургского общества средней руки», что в этой комедии много обобщенных характеров, например сваха, это «одно из самых живых и типических созданий Гоголя», с его яркой, колоритной фигурой, бойкостью и яркостью движений, или Анучкин, способный восхищаться «всяким плоским и грубым двусмыслием в водевиле». «Сколько юмора, какой язык, какие характеры, какая типическая верность натуре!» — восклицал замечательный истолкователь литературы [6].

Пьеса Гоголя, хотя и не сразу, но постепенно обрела богатую сценическую жизнь. Первые ее постановки в Александринском театре Петербурга (9 декабря 1842 года) в бенефис И. Сосницкого и в труппе Малого театра в Москве (1 февраля 1843 года) в бенефис М. Щепкина не были удачными. Причинами были слабое овладение гоголевским замыслом, неверное распределение ролей, спешная и неполноценная подготовка к представлению, приверженность (В. Живокини и других актеров) привычным фарсам. Да и публика была, как писал о ней А. Вольф, «сильно озадачена отсутствием сюжета» и «с недоверчивостью и сдержанностью отнеслась к ряду живых и высоко комичных личностей» в пьесе [7]. Но в этих спектаклях было немало мастерских созданий: успех выпал на долю Прова Садовского в роли Анучкина и А. Мартынова в роли Подколесина. После П. М. Садовский тоже стал играть Подколесина, и эта партия, закрепившаяся за ним, принесла ему славу лучшего исполнителя этой роли [8].

Позже успехом пользовался спектакль петербургского Литературного

фонда (1860), в котором ярко выступили А. Ф. Писемский, игравший Подколесина, и П. И. Вейнберг, исполнявший Кочкарева. Выдающееся место в сценической истории «Женитьбы» заняли актеры Александринского театра 1890-х годов К. А. Варламов (он воплотил страшный образ петербургского бюрократа Яичницы) и В. Н. Давыдов, создатель образа Подколесина на сцене. Тот же Давыдов блистательно играл эту роль в московском Малом театре в 1919 году, воплощая лирико-комедийный образ.

В начале XX века «Женитьба» была ярко и сочно поставлена в Херсоне В. Э. Мейерхольдом (1903-1904 гг.) и получила эксцентрическое решение в петроградской театральной мастерской ФЭКС (Г. М. Козинцев и Л. З. Трауберг реализовали в 1922 году «трюк в трех действиях», который синтезировал в меняющихся ритмах балаганное представление, цирк, кинопроекции, негритянский оркестр, мюзик-холл и фотографию). Интересным был спектакль, осуществленный Ю. Завадским в Третьей студии МХАТа (1924). Режиссер продолжил традиции Е. Вахтангова и М. Чехова и создал сложное по стилистике представление «Женитьбы», где таинственное соединилось с фантастическим и кошмарным. Большое значение имели игра теней, воплощение тревожных сновидений, шепот вместо голосов актеров, унылая и тоскливая мелодия, перебиваемая неожиданными пронзительными звуками.

Из более поздних, вполне реалистических решений можно выделить спектакль, поставленный А. В. Эфросом в Московском театре на Малой Бронной в 1974 году. Режиссер трактовал пьесу Гоголя как «шутку, но с большой долей драматизма». Он говорил о неудачниках, по-разному стремящихся к браку, но выбравших призрачную цель. Эфрос своеобразно «ошинеливал» комедию, вводя в нее тему бед-

ного, несчастного петербургского чиновника и ища глубокую мотивацию поступков и Подколесина, и женихов, и невесты [9]. В наши дни обращение к «Женитьбе» стало довольно частым, что говорит о возросшем интересе к этой гоголевской комедии и поисках разнообразных интерпретаций.

Ряд созданных в пьесе образов получил дальнейшее развитие в творчестве самого Гоголя и других драматургов. Так, образ Яичницы дал

толчок для создания образа Собакевича, Жевакина – для рождения фигуры Манилова, а Кочкарева – для Ноздрева. Подколесин стал своеобразным прообразом Обломова, Агафья Тихоновна явилась литературным прототипом Липочки в «Банкруте» А. Островского, а Фекла – его же многочисленных свах.

Таково историко-литературное значение «Женитьбы».

Примечания

1. *Слонимский А. Л.* История создания «Женитьбы» Гоголя // Русские классики и театр. – Л.; М.: Искусство, 1947. – с. 307-334.
2. *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – с. 14.
3. *Вишневский И. Л.* Гоголь и его комедии. – М.: Наука, 1976. – с. 180.
4. *Вишневский И. Л.* Гоголь и его комедии. – М.: Наука, 1976. – с. 190.
5. *Манн Ю. В.* Творчество Гоголя: смысл и форма. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – с. 220-221.
6. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959. – т. VIII. – с. 55-56.
7. *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1821 до начала 1855 года. – СПб, 1877. – ч. 5. – с. 100.
8. *Дурьлин С. Н.* П. М. Садовский в «Игроках» и «Женитьбе» Гоголя // Сообщения Института истории искусств, № 6. – Театр. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – с. 68.
9. *Кухта Е. А.* «Женитьба» Н. В. Гоголя на советской сцене 1920 г.г. // Пьеса и спектакль: Сб. статей ЛГИТМиК – Л., 1978. – с. 40-49.

А. Н. Миронов

ПЬЕСА «ЖЕНИТЬБА» Н.В. ГОГОЛЯ КАК СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНОЕ СОБЫТИЕ И ГОРЬКАЯ НАСМЕШКА НАД ЛЮБОВНЫМ ЧУВСТВОМ

Странное дело, — возможно скажет читатель заголовок настоящего текста и продолжит, что его автор видимо плохо читал известную комедию русского гения. Взамен уже автор статьи готов привести свои аргументы. В частности, даже самые первые представления обсуждаемой здесь пьесы вызвали у публики вполне резонные вопросы. Так в Интернете, в числе прочего, читаем следующие весьма примечательные наблюдения:

«На первых спектаклях “Женитьбы” в Александринском театре в 1842 г. публика пребывала в шоке, ожидая продолжения действия: “При падении занавеса в первое представление раздалось даже легкое шиканье”, — заметил историк петербургских театров А. Вольф; Литературное окружение Погодина увидело в “Женитьбе” простой фарс. С.Т. Аксаков об этом событии вспоминал: “Гоголь до того мастерски читал или, лучше сказать, играл свою пьесу, что многие понимающие это дело люди до сих пор говорят, что на сцене, несмотря на хорошую игру актеров, особенно Садовского в роли Подколесина, эта комедия... не так смешна, как в чтении самого автора... Слушатели до того смеялись, что некоторым сделалось почти дурно; но, увы, комедия не была понята! Большая часть говорила, что пьеса *неестественный* фарс, но что Гоголь ужасно смешно читает”».

То есть вышло так, что современники Н. В. Гоголя, несмотря на многочисленные и многолетние переделки и доработки пьесы, так и не приняли ее вполне. Возникает законный вопрос: что же помешало восприятию пьесы? Слабая (невывразительная) игра актеров или какой-то нераспознанный парадокс или даже дефект самого сюжета комедии? А вот еще один основательный предлог для поисков (из Интернета):

«Ниже приводится краткий рассказ о недоумении актеров, занятых в первых спектаклях “Женитьбы” в Петербурге и Москве. С московским спектаклем связан забавный случай. Многие полагали, что роли Подколесина и Кочкарева распределены неудачно: “Щепкин не может играть вялого и нерешительного творенья; а Живокини, играя живой характер, не может удержаться от привычных своих фарсов и движений” (С. Т. Аксаков). В результате актеры поменялись ролями, но спектакля все равно не получилось».

Как мы видим, с самого начала истории публичного представления «Женитьбы» что-то важное непрерывно ускользает от внимания как публики, которая реагирует сердцем, так и знатоков литературы, которые ослеплены изначальною верою в непогрешимость русского гения. Но ведь «шила-то в мешке не утаишь», а значит, рано или поздно причина из-

вестных неудач все же будет обнаружена (читаем в Интернете):

«Со стороны защитников комедии дело дошло даже до серьезного конфуза. Так, своеобразную трактовку образа Подколесина дал режиссер А. В. Эфрос в спектакле в московском Театре на М. Бронной (1974): «"Женитьба" — шутка, но с большой долей драматизма». В своем стремлении "ошинелить" комедию режиссер сумел по-новому прочесть мотивацию поступков героя комедии: "Иногда начинает казаться, что важно ему не то, что он слышит от свахи, а сам процесс разговора, потому что это хотя бы не спячка, это что-то другое, спячке противоположное"».

То есть известный советский режиссер превращает главного героя пьесы, фактически успешного "гражданского полковника" буквально в форменного придурка, который играет в фиктивную собственную женитьбу просто от скуки. Каково? Вот и выходит ровно то, что сама комедия «Женитьба» есть пьеса с подвохом или, если хотите, с какой-то изначальной порчей. Все иное никак не объясняет уже известные факты. И в самом деле: разве возможна подобная история в жизни? разве в здравом уме и памяти кто-то и где-то способен к такому поведению? Да, вполне можно понять конкурентов Подколесина, которые ищут себе в общей для них всех невесте кто приданого, кто образованное женское окружение, знающее французский язык, а кто-то и просто удовлетворения острого физического влечения к противоположному полу, который к тому еще, как говорится, «в теле». Но понять логику поведения Подколесина как вменяемого лица уже никак нельзя. Во-первых, он изначально готов к браку и последовательно к нему стремится (три месяца приискивает себе невесту, пошил фрак и заказал сапоги), во-вторых, он испытывает искреннее сердечное влечение к найденной ему невесте,

в-третьих, никаких весомых оснований для решительного отказа от женитьбы на ней в наличии и вовсе не имеется. Тогда кто или что, помимо мысли об ответственности лица, вступающего в брак, толкает его в окно в самый канун собственной свадьбы? Ответ на этот вопрос так и остается неведомым ровным счетом никому. Впрочем, возможно тут сказалась история с личной неудачной женитьбой и самого Н. В. Гоголя? С другой стороны, сам писатель составил о себе самом в связи с затронутым вопросом еще и такое понятие, подчерпнутое автором настоящего текста из Интернета:

«Еще в апреле 1840 года Гоголь писал Николаю Белозерскому, черниговскому помещику, с которым был знаком с нежинской поры: "Я же теперь больше гожусь для монастыря, чем для жизни светской". А в феврале 1842 года признавался поэту Николаю Языкову: "Я чувствую, что разорвались последние узы, связывавшие меня со светом. Мне нужно уединение, решительное уединение. <...> Я не рожден для треволнений и чувствую с каждым днем и часом, что нет выше удела на свете, как звание монаха". Эти слова могут служить ответом на вопрос, поставленный Гоголем спустя три года в названии статьи "Чей удел на земле выше", вошедшей в книгу "Выбранные места из переписки с друзьями"».

Таким образом, великий русский писатель, видимо вполне невольно или безотчетно, выводит своего героя Подколесина резко и внезапно из-под уз Гименея, полагая нечаянно тем самым ему путь к подлинному благу монашеского бытия? Кстати, об этом же повествует и сама история создания «Женитьбы», изложенная также в Интернете, в которой вполне причудливо меняется вся смысловая канва пьесы:

«В 1833 году, он приступает к работе над "Женитьбой", комедией, которая в первоначальном варианте

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

носила название “Женихи”. Пьеса эта имеет длинную творческую историю. На протяжении ряда лет она подвергалась неоднократным переделкам, прежде чем получила окончательную редакцию. Дошедшие до нас сцены “Женитьбы” в первой редакции (“Женихи”) по своему очень выразительны; они содержат в себе живой и острый набросок ряда образов комедии. Действие ее – в отличие от окончательного текста – происходило в помещичьей усадьбе. Бойкая, разбитная владелица поместья Авдотья Гавриловна хочет выйти замуж; по ее поручению сваха Марфа на ярмарке ищет женихов. В помещичью усадьбу съезжались претенденты на руку и сердце Авдотьи Гавриловны, среди которых были Яичница, Анучкин, Жевакин, Пантелеев. Однако в числе действующих лиц комедии еще нет Подколесина, Кочкарева, становящихся в дальнейшем основными героями “Женитьбы”. Отдельные персонажи комедии уже в первой ее редакции отличались своей особенной “характерностью”. Жевакин, например, с увлечением рассказывал о своем путешествии в Сицилию. Анучкин заявлял о своем желании иметь жену, знающую французский язык. Между женихами происходило острое столкновение. Взбешенный грубыми отзывами Яичницы о морских офицерах, Жевакин хотел вызвать его на дуэль. Появлявшаяся среди женихов Авдотья Гавриловна не могла ни на ком остановить свой выбор, заявляя, что все женихи ей одинаково нравятся. В полном своем виде первая редакция комедии до нас не дошла; однако есть основания предполагать, что она была закончена. Об этом свидетельствует не только чтение у Дашкова, но и письмо Гоголя Максимовичу осенью 1834 года, в котором Гоголь сообщал: “На театр здешний я ставлю пьесу, которая, надеюсь, кое-что принесет мне, да еще готовлю из-под полы другую”.

Ставить в театре Гоголь намеревался, несомненно, “Женитьбу”, ибо другой законченной пьесы у него в это время не было. Под пьесой, которую он “готовил из-под полы”, писатель подразумевал комедию “Владимир третьей степени”, над которой он работал исподволь, испытывая большие сомнения насчет ее судьбы. Первая редакция “Женитьбы” не удовлетворила Гоголя. Весной 1835 года он существенно перерабатывает пьесу. Действие ее переносится в Петербург, в купеческо-чиновную среду, вводятся новые герои – Подколесин, Кочкарев, носивший вначале фамилию Кохтина. В мае того же года писатель читал свою комедию в Москве, в доме Погодина в присутствии многих литераторов. Она вызвала оживленные толки, однако настоящего одобрения здесь не встретила. Мнение погодинского кружка не было для Гоголя достаточно авторитетным. Верной, глубокой оценки нового произведения Гоголь, как всегда, ожидал от Пушкина, чье мнение имело для него решающее значение. Осенью 1835 года он писал ему, находившемуся в то время в отъезде: “Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою мою комедию, которой в вашем кабинете не найдется и которую я принес вам для замечаний”. В этом же письме Гоголь просил Пушкина дать ему сюжет для новой комедии. Беседы с Пушкиным в этот период привели, как известно, к возникновению замысла “Ревизора”. Полностью поглощенный захватившей его идеей создания социально-сатирической комедии, Гоголь приостанавливает работу над “Женитьбой”. Гоголь приложил еще немало труда для совершенствования своей комедии. Окончательная отделка “Женитьбы” была завершена в 1841 году, а впервые опубликована она была в собрании сочинений писателя».

Как мы видим, Н. В. Гоголь и сам много изменял в своей пьесе, делая

ее своего рода невольным слепком со своей личной судьбы. Почему вдруг так? Да потому хотя бы, что поведение главного героя комедии Подколесина, прыгающего в окно за минуту до обретения им вождельного личного счастья, должно иметь хоть какое-нибудь объяснение. То есть русский писатель, видимо решая параллельно и свою собственную участь в части вопроса о приискании себе самому жены, приходит к окончательному выводу о невозможности этого. В результате личные переживания Н. В. Гоголя и приводят к уместности мысли о прыжке героя комедии из окна. Другое дело, что для описанного в пьесе лица такое поведение выглядит противоестественным и даже невозможным. Иначе говоря, в нем нет и следа серьезных колебаний самого писателя, для которого женитьба так и не стала желанным предметом. Впрочем, в результате этого фактически выборочного переноса личных исканий автора на участь его героя и приводит к известному недомумению публики, так и не признавшей уместности прыжка Подколесина из окна, по крайней мере без последующего возвращения его в дом. С другой стороны, Н. В. Гоголь, пытаясь удерживать внимание публики, совершает в своей комедии известный грех *горькой насмешки над чувством любви*. Где доказательства? Извольте. Перед нами сцена решительного признания и соответствующего ему решения:

«Кочкарев (*соединяя руки*). Ну, Бог вас благословит! Согласен и одобряю ваш союз. Брак — это есть такое дело... Это не то, что взял извозчика, да и поехал куды-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вот только мне времени нет, а после я расскажу тебе, что это за обязанность. Ну, Иван Кузьмич, поцелуй свою невесту. Ты теперь можешь это сделать. Ты теперь должен это сделать.

Агафья Тихоновна потупляет глаза.

Ничего, ничего, сударыня; это так должно, пусть поцелует.

Подколесин. Нет, сударыня, позовольте, теперь уж позовольте. (*Целует ее и берет за руку.*) Какая прекрасная ручка! Отчего это у вас, сударыня, такая прекрасная ручка?.. Да позовольте, сударыня, я хочу, чтобы сей же час было венчанье, непременно сей же час.

Агафья Тихоновна. Как сейчас? Уж это, может быть, очень скоро.

Подколесин. И слышать не хочу! Хочу еще скорее, чтобы сию же минуту было венчанье.

Кочкарев. Bravo! хорошо! Благодарный человек! Я, признаюсь, всегда ожидал от тебя много в будущем! Вы, сударыня, в самом деле поспешите теперь поскорее одеться: я, сказать правду, послал уже за каретою и напросил гостей. Они все теперь поехали прямо в церковь. Ведь у вас венчалное платье готово, я знаю.

Агафья Тихоновна. Как же, давно готово. Я в минуточку оденусь».

Ниже читаем признание Подколесина своему приятелю Кочкареву сразу же после своего объяснения с невестой:

«Подколесин. Ну, брат, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отец родной для меня не сделал бы того, что ты. Вижу, что ты действовал из дружбы. Спасибо, брат, век буду помнить твою услугу. (Тронутый.) Будущей весною навещу непременно могилу твоего отца.

Кочкарев. Ничего, брат, я рад сам. Ну, подойди, я тебя поцелую. (*Целует его в одну щеку, а потом в другую.*) Дай Бог, чтоб ты прожил благополучно (*целуются*), в довольстве и достатке; детей бы нажили кучу...

Подколесин. Благодарю, брат. Именно наконец теперь только я узнал, что такое жизнь. Теперь предо мною открылся совершенно новый мир, теперь я вот вижу, что все это движется, живет, чувствует, эдак как-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

то испаряется, как-то эдак, не знаешь даже сам, что делается. А прежде я ничего этого не видел, не понимал, то есть просто был лишенный всякого сведения человек, не рассуждал, не углублялся и жил вот, как и всякий другой человек живет».

То есть главный герой комедии на краткий миг как будто бы пробуждается или вполне оживает. И в том причина именно любовное чувство, которое буквально пронзает его вполне абстрактный образ. Затем уже в дополнение к сказанному ранее Подколесин произносит еще и следующие прочувственные слова:

«В самом деле, что я был до сих пор? Понималли значение жизни? Не понимал, ничего не понимал. Ну, каков был мой холостой век? Что я значил, что я делал? Жил, жил, служил, ходил в департамент, обедал, спал, — словом, был в свете самый препустой и обыкновенный человек. Только теперь видишь, как глупы все, которые не женятся; а ведь если рассмотреть — какое множество людей находится в такой слепоте. Если бы я был где-нибудь государь, я бы дал повеление жениться всем, решительно всем, чтобы у меня в государстве не было ни одного холостого человека!.. Право, как подумаешь: чрез несколько минут — и уже будешь женат. Вдруг вкусишь блаженство, какое, точно, бывает только разве в сказках, которого просто даже не выразишь, да и слов не найдешь, чтобы выразить».

Тем самым Н. В. Гоголь не оставляет всем нам никаких шансов для неприятия за Подколесиным весьма выраженного любовного влечения к молодой женщине из вполне приличного дома. Мы видим, что главный герой комедии решительно желает самому себе скорейшего венчания, полагая тем свое подлинное благо. И здесь же, буквально через минуту, герой Н. В. Гоголя вдруг сообщает, буквально огорошивая публику, еще и такое странное помышление:

«Однако ж что ни говори, а как-то даже делается страшно, как хорошенько подумаешь об этом. На всю жизнь, на весь век, как бы то ни было, связать себя, и уж после ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего — все кончено, все сделано. Уж вот даже и теперь назад никак нельзя попятиться: чрез минуту и под венец; уйти даже нельзя — там уж и карета, и все стоит в готовности. А будто в самом деле нельзя уйти? Как же, натурально нельзя: там в дверях и везде стоят люди; ну, спросят: зачем? Нельзя, нет. А вот окно открыто; что, если бы в окно? Нет, нельзя; как же, и неприлично, да и высоко. (*Подходит к окну.*) Ну, еще не так высоко: только один фундамент, да и тот низенький. Ну нет, как же, со мной даже нет картуза. Как же без шляпы? неловко. А неужто, однако же, нельзя без шляпы? А что, если бы попробовать, а? Попробовать, что ли? (*Становится на окно и, сказавши: «Господи, благослови», — соскакивает на улицу...*)».

То есть Подколесин, как говорится, на глазах у изумленной публики внезапно и вполне решительно отрывается от собственного сердечного чувства, полагая тем свою неожиданную задачу бегства из-под венца очень уместной и даже мудрой. Но куда он бежит? И главное — зачем или для чего? Кроме этого, совсем неясна даже умозрительно его последующая участь, ведь для нее не остается ровно никакого внятного смысла? Загодя же совершенно не ясно, что ищет главный герой комедии в своей женитьбе, то ли положения женатого человека, то ли семейного счастья, то ли вообще чего-нибудь нового. То есть явное отсутствие цели женитьбы и порождает сам отказ от нее. Иначе говоря, Н. В. Гоголь заставляет Подколесина совершать то, что ему и вовсе не нужно. Поэтому отрицательный результат очевиден изначально, и лишь досада на автора комедии в сознании внимательного читателя его непременно

дополнение. Кроме того, сама фигура главного героя комедии не имеет в себе самой никакой твердой почвы, так как она представлена публике без близких и родных, без ясных подробностей его привычной жизни. То есть она подобна выдуманной конструкции, искусственно вставленной в сюжет настоящей комедии. Также нет никаких сведений о личных пристрастиях Подколесина. В результате его схематичный образ вполне уподобляется смыслу фантома, который лишь отчасти напоминает живого человека и, будучи его моделью в натуральную величину, имеет сугубо узкую функцию. Таким образом, и выходит то, что главный герой комедии лишь отчасти жив, тогда как в целом его как бы и нет вовсе. Здесь же можно заметить, что бегство из-под венца во времена Гоголя означало неизбежную потерю репутации как жениха, так и невесты, включая возможные судебные преследования. Однако ответы на все эти непростые вопросы так и остаются непроясненными. В результате напрашивается сам собою неприятный

вывод, что Н. В. Гоголь, изображая Подколесина, либо слукавил о нем несколько, либо и сам запутался, пытаясь и вожаденное им внимание публики удержать при себе, и какую-то важную мысль при этом ей же сообщить. Однако, на круг все вышло вполне конфузно и даже обидно для автора «Женитьбы», в которой, как и в «Ревизоре», где на сцене фактически нет никакого ревизора, нет уже и самой женитьбы. Впрочем, это всего лишь, строго говоря, *смысловедческая* оценка пьесы, тогда как с литературоведческой стороны каких-либо претензий к ней или нареканий и вовсе не имеется. То есть она просто удивительно хороша собой. Для подтверждения сказанного выше достаточно посмотреть советский кинофильм 1977 года «Женитьба» режиссера Виталия Мельникова. В нем писательский гений Н. В. Гоголя представлен максимально выпукло и ярко. Но презрение к законам подлинной жизни во время рассказа о ней не может быть заслугой и гения литературы.

Наталья Ульянова

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

ПИРАМИДЫ АЦТЕКОВ

Эти величественные сооружения и по сей день находят в непроходимых лесах Мексики, особенно высоко в горах. Ученые считают, что эти пирамиды построили ацтеки задолго до прихода белого человека в Америку. Сами ацтеки, скорее всего, не всегда были природными обитателями континента и вообще Земли. Самые первые из них прибыли на нашу планету за десять-двенадцать веков до нашей эры. Первые ацтеки создали довольно непривычное для земного жителя сооружение — пирамиду с усеченным верхом. Первоначально пирамида представляла собой способ общения с покинутой родиной. В новолуние и полнолуние верхние части пирамиды образовывали прямой угол, и луч, который отражался от них, мог на короткое время прощупывать пространство. Через несколько столетий земная ось поменяла свое отношение к звездному небу, и связь тогда стала невозможна. Позднее ацтеки нашли иное применение пирамиде.

Древние города ацтеков были приспособлены не для жизни в земных условиях. Чрезмерно высокие потолки (пять-шесть метров), так как древние ацтеки были три-три с половиной метра ростом. Огромное количество земных растений вокруг домов с удушливым ароматом (чтобы понизить концентрацию кислорода и заглушить запах озона, образующийся во время грозы). Искусственные светильники, — так как у ацтеков было слабое дневное зрение, и чрезвычайно сильно развита способность видеть в темноте. И, наконец, глубокие колодцы для воды, которую ацтеки умели обеззараживать природными способами.

Города были рассчитаны на проживание всего нескольких семей с ограниченным количеством человек. Все города соединялись между собой посредством подземных переходов, а галереи имели отдельные ходы под землей ко всем пирамидам. Подземная часть пирамиды всегда была втрое меньше ее надземной части, внизу собирались все сокровища, драгоценности и тайные знания, написанные на глиняных табличках.

Ацтеки жили в своих городах очень уединенно, почти скрытно. Они практически не общались с соседними индейскими племенами. И очень неохотно пускали чужих людей в свои поселения. С наступлением нашей эры ацтеков оставалось всего несколько сотен человек, причем среди них в основном преобладали женщины. Это обстоятельство

заставило древнейшую расу вступать в кратковременный брак с мужчинами ближайших индейских племен. В результате чего дети рождались меньше ростом: полтора-два метра и физически более приспособленные к земной жизни. Продолжительность жизни у ацтеков первоначально приближалась к трем-четырем столетиям, затем она сократилась почти втрое. Погребение состояло в том, что мертвеца превращали в мумию и хоронили в подземельях городов. Постепенно в джунглях образовались города мертвых. Новое поколение ацтеков частично утратило древние знания и превратило некоторые пирамиды в подобия храмов Солнца и Луны. Во время различных фаз Луны ацтеки приобретали свою природную способность видеть в темноте и общаться на расстоянии. С наступлением на планете пятого века нашей эры численность ацтеков уменьшилась примерно до двухсот человек. Они постепенно утрачивали все свои способности и генетически растворились в ближайших индейских племенах. Таким образом, в настоящее время какие-то гены древних ацтеков присутствуют в древних земных расах — красной и черной.

КУЛЬТУРА МАЙЯ

Примерно в то время, когда на северном материке появились ацтеки, в южной стороне появилось не менее загадочное племя — народ майя. Жили они на планете очень недолго, но сумели оставить следы своего пребывания. Скорее всего, майя — потомки обитателей жилых планет созвездия Льва. Майя обосновались на Земле сразу, они очень быстро возвели свои крупные города, поселки, освоили все средства передвижения, вплоть до космических кораблей. В сухой каменистой почве они проложили большое количество каналов, которые помогли создать высоко в горах огромный зеленый массив. Длинные посадочные полосы они строили из мелких плоских частей и заливали крепчайшим скрепляющим раствором. Сверху они производили впечатление отрезка асфальтового шоссе. Ограждение они делали из красного и черного базальта, в начале и конце полос устанавливали горящие светильники. Подобные устройства действительно предполагали посещение нашей планеты космическими обитателями. Несколько кораблей действительно прибыли на Землю, но их корпуса быстро разрушились под действием земной атмосферы, содержащей значительное количество кислорода. Пришельцы остались, и скоро уже ничем не отличались от земных племён майя.

Майя смогли применять к условиям Земли свой календарь, который состоял из тринадцати месяцев, неравномерно распределенных в течение всего года. Иногда число месяцев или дней в них могло увеличиваться или уменьшаться. Это чаще всего зависело от того, должны были быть в жизни майя благоприятные или неблагоприятные дни. Майя считали, что в жизни не должно все идти очень гладко, люди должны учиться преодолевать трудности. Календарь майя, кроме чисел и дней недели, отражал все фазы Луны, Солнца, а также движение некоторых планет и звезд, которые хорошо видны с Земли (Марс, Ве-

нера, Сириус и другие). Они могли рассчитывать влияние приливов и отливов на земную поверхность, хотя сами они жили высоко в горах. Свой календарь они изобразили на каменных стенах в виде отдельных плиток, иногда на этих плитках выбивались отдельные факты из природного мира – землетрясение, наводнение, сильный ветер.

Из среды майя выделилась каста врачей и каста жрецов. Врачи отлично владели хирургией, мануальной терапией и были прекрасными знатоками мозга и психики человека. Среди народа майя также был распространен гипноз как средство лечения физических и психических заболеваний.

Михаил Жаров (Кинешма)

ЛЮБОВЬ-БИЖУТЕРИЯ

(рассказ)

1

Секретные агенты, они существуют, и не обязательно, чтобы боевой дух изо всех дыр, а, например, как я.

— Вань, стань агентом, — зевнув, сказала Кристина. — Андрею позарез агент нужен.

Поясню. Кристина — моя несчастная любовь. Андрей — опер уголовного розыска, любовь уже её, Кристины, и, видимо, счастливая.

— У них там графики, планы. Он не успевает никого найти, и если вовремя не заведёт нового агента, то его лишат квартальных.

Кристина работает в морге, однако навещать её там исключительно приятно. Она сидит в отдельном кабинете и ведёт регистрацию мёртвых душ. Кабинет её всё равно, что сказочная сокровищница. Кристина обожает бижутерию, и в каждый свой визит я приношу подвески, браслеты, кулоны и прочую дребедень. Наносил столько, что Кристина стала украшать бижутерией цветы в горшках, полки, люстру, наколотила в стены гвоздиков, чтобы развешивать бусы и кольца. Кабинет сверкал и покачивался, а за его стенами лежали и не двигались мертвецы.

— Ну? Подпишешься под агентом? Считаю, что я прошу.

Как ни назови Кристину, нимфоманка или блядь, люблю её. Не объяснить.

— Что это такое, агент-то? — спросил я зло.

— Андрей говорит, что ничего особенного. Просто подпишешь контракт и будешь помогать.

— Помогать? — у меня перехватило дыхание, а то бы рассмеялся.

— Понарошку! Будешь только числиться, а если что-нибудь про кого узнаешь...

— Зря ты обо мне так.

— Да подпиши ты и забудь! — Кристина посмотрела на меня с тем блеском в глазах, за который любили её все трое: я, Андрей и муж... и может быть, ещё кто-нибудь, про кого я не знал и знать не хотел.

— Увы, Кристина! И себя уважать перестану, и твоего Андрея подведу.

— Просто подпиши! — она вдруг посмотрела без блеска, сообщая, что впредь я, возможно, его не удостоюсь.

— Подумаю.

- Некогда. Андрей ждёт тебя к трём часам. Считаю, тебе скоро к нему.
- Без меня — меня женили! — сухо усмехнулся я. — Когда успели стовориться-то?
- Вчера.
- Сука всё-таки. Но люблю.
- Ах ты, жук! — она схватила меня за грудки и потащила на кожаный диван времён самодержавия. — Спорить ещё будешь со мной!

2

Пришёл я к трём. Смотрю, бегают Андрей по коридорам, хохочет с коллегами. Видно, что среди них он душа. Враг мой, соперник по всем человеческим и животным правилам.

Завёл меня Андрей к себе в кабинет и сию секунду увеличился в размерах, став тем жандармом и сатрапом, которого боятся все русские, и я, соответственно.

— Ты понимаешь, что дело серьёзное? — спросил он, будто я ему навязывался.

— Дык! — пожал я плечами, куда, мол, деваться, а то сам не знает, ради кого я пришёл.

— Надеюсь на тебя. Не подведи! — кольнул он меня зелёными, отравленными глазами, и выложил бланк контракта, где в углу стояло: «Совершенно секретно (по заполнению)».

— Расписываться кровью? — сострил я шуткой, которую Андрей слышал, наверное, от каждого кандидата в агенты.

— Как там Кристина? — спросил он в свою очередь.

Я закинул руки за голову и потянулся, изображая приятную усталость.

— Кристина — хорошо! — кряхтя, ответил ему.

Что он сделает мне, когда мы с ним оба-два незаконные? Пусть Кристина блестит ему глазами ярче, но арифметически я чаще с ней, чем он. У него работа такая. День и ночь, сутки прочь.

— Псевдоним выбирай сам, — сказал Андрей и показал в пустую графу белым, отполированным о бумагу пальцем.

Я думал минуту. Оказалось, нелёгкое это дело. Пинкертона, Зорро, Чёрный плащ...

— Пиши, — торопил Андрей, мечтая расстрелять меня за Кристину. И я назло написал: «Поршень».

3

Вечером дышал и не дышал, соображая, рассказать ли Илюхе о том, кто я теперь, кроме как санитар. Трепетал будто двоечник перед мамкой. И, конечно, не рассказал.

Илюха из тех друзей, какие есть не у всех. Мы с ним со школы, и каждый день он роднее, чем вчера, и давно роднее брата. Встречаемся

мы по вечерам у него в гараже, и я рассказываю о Кристине, а он слушает, скосив глаза в кучу. Не шевелится.

Раньше косоглазия у Илюхи не замечалось, он окосел от внезапной взрослой жизни. Жена, трое детей и работа преподавателем в художественной школе. После стопки желает петь, а после двух не видит ни зги и ушибается о любое препятствие.

Художник, вот и слушает мои оды о Кристине. Видит в нашей с ней истории не дурь, а красоту и поэзию, хотя иногда замечает:

— Погубишь себя.

Вечерами мы делаем ножи. Или нет, не так. Я делаю, а он украшает. С меня — клинок, с него — гравировка и резная рукоять. Тем и живём. Иногда изготавливаем эксклюзивные вещи. Например, недавно нам заказывали копию морского тесака, и я купил Кристине золотой набор с изумрудами, а Илюха вставил дома пластиковые окна.

4

Прошёл месяц после моей горе-вербовки. Я забыл и каяться. Зато вспомнил обо мне Андрей.

— У тебя есть что-нибудь по наркоте? — спросил он, не здороваясь.

— Что? — не понял я.

— Говорю, информация по наркотикам есть?

— С чего бы? Я что, наркоман?

— Какая разница! Подумай и перезвони мне вечером, доложи.

Во дурак. Конечно, я не перезвонил и не доложил. А на следующий день Кристина выдала:

— Ты зачем Андрея подводишь? Он тебя по-человечески попросил!

— Так не знаю я...

— Ну и что? Узнавай!

Кристина смотрела без блеска, мёртво, и на диван меня не звала.

— И вообще, кто мне этот Андрей? Начальник? — у меня потекла с трясущихся губ слюна. — Ты дура?

Она усмехнулась и больше со мной не разговаривала.

5

Ладно, решил я, придумаю что-нибудь или навру. Походил, покурил, вспомнил. Как-то из дворовой сплетни слышал, что в ближайшей к городу деревне Любаны цыганская семья насадила во всех пустующих огородах коноплю, а дома к тому же фасуют героин. Позвонил Андрею, сказал.

— Я бы сам тебе рассказал про них, — равнодушно отреагировал он.

— Ты внедрись к ним, тогда и поговорим.

— Это как?

— Смотрел «Место встречи изменить нельзя»? Вот и действуй, как Шарапов в банде «Чёрная кошка». Поезжай, договорись с ними о покупке наркоты. Обычное дело.

Кристина тоже благословила:

— Надоел нить. Надо — значит езжай.

Оделся я поплоче и отправился на автобусе в Любаны. Дорогой держал ухо востро, но народ загадочно молчал, будто люди знали, что я шпион, и при мне ни о чём ни-ни!

В деревне то же самое. После вопроса «где тут у вас цыгане?» — на меня смотрели бестолковыми затылками.

— Парень! — вдруг позвал меня дедок с вилами в руках. — Иди, чего скажу.

Голос его был ласковый, и я подошёл.

— Из милиции? — спросил дедок. — Цыган ищешь?

Приехал, называется, внедряться...

— У них расставлены дозоры, — шептал дедок. — Сначала дети, потом старухи. Да и вся та улица цыганская. Незаметно не пройдёшь, всполошишь их. Кто тебе нужен? Те, что иконы крадут, они живут в зелёном доме. Те, что по самоварам и всякому хламу — в жёлтом. А в красном...

Ясно, мне в красный дом. Пошёл, и, действительно, в начале улицы наткнулся на детей мал мала меньше, которые, завидев меня, понеслись по дворам с вестью о чужаке. В самой улице встретились несколько больших цыганских старух. Эти немедленно достали из густых одежд сотовые телефоны и стали звонить, оглашая улицу изящной цыганской словесностью.

6

Возле красного дома я ощутил себя Сергей Сергеичем Паратовым. Вокруг меня кричали взрослые и дети, выли старухи, однако вряд ли они желали мне здоровья, счастья и любви. Спустя пять минут у меня закружилась голова, и я уже хотел бежать, но из калитки вышел высокий старик в чёрном кожаном плаще и кожаной шляпе. Гвалт стих.

— Что надо? — спросил старик.

— Купить, — сказал я и придал лицу суровую таинственность.

— Что купить?

Я пожал плечами, будто для меня было всё равно, что покупать: героин, анашу или косметику «Avon».

— Ну? Что? — нервничал старик.

К своему ужасу я забыл, какие бывают жаргонные синонимы наркотиков. Думал-думал и ответил:

— Чего непонятного? Человеческие органы мне нужны! — сказал и зачем-то от всей души улыбнулся.

От детей в меня полетели камни, а от взрослых — чёткий и выразительный русский мат. Одна бабка схватила меня за чёлку и выдернула клок волос, над которыми сию секунду затараторила считалку, из которой я разобрал: «...усохни!.. усохни!..»

Бочком-бочком я выбрался из шумного хоровода и рванул вдоль по улице, преследуемый камнями и проклятьями. Громкий успех, браво!

Меня догнала «копейка», и водитель, цыган лет тридцати, окликнул меня:

- Садись, подвезу!
- Я пройдуся, – легкомысленно ответил я.
- Ты дурак? – удивлённо спросил цыган.

Так-то оно так, дурак, но вместо ответа я сел в машину. Молчишь – за умного сойдёшь.

Внутри были ещё двое, лобастые и при этом совершенно русские. Почему-то мне не захотелось кричать, как в советском кино: «Наши! Братцы! Родные!» Другие времена.

Поехали по неведомым дорожкам, полем, лесом – лесом, полем. «Наши» сразу обыскали меня на предмет скрытой аппаратуры, и, не найдя, загрустили, сказав мне об этом:

- И что теперь с тобой делать? Чаем тебя поить?
- Откуда узнал про нас? – спросил цыган.

– Руслан сказал. Руслан Сапогов, – само собой вылетело у меня; просто раньше где-то слышал, что у цыган Руслан Сапогов – это то же, что у нас Сергей Смирнов и у дворняжек Дружок или Шарик.

– А что дрожишь-то? – оглянулся на меня цыган. – Ломает? Давно торчишь?

- Год, – соврал я наугад.
- Ладно. Хоть ты странный, но так и быть, гуляй.

И высадил меня чёрт пойми где. Зато на этом свете, не на том.

7

Застал я Кристину на работе одетой идти домой.

– Ну как? – спросила она, повязывая на шее алый платок.

Я орал и бил перед ней кулаками, а на люстре качались бусы. Кристина, закончив с платком, сказала:

– Позвони Андрею. Объясни ему, а не мне, почему у тебя ничего не получилось.

– Точно! – воскликнул я.

Достал телефон, набрал Андрея и крикнул:

– Гандон!

Доложив, швырнул телефон о стену.

Потом пять дней не видел Кристину.

И десять дней не видел её.

Месяц!

Вечерами сводило от работы руку. Понял, что пошлая мудрость про любовь, которая болезнь, – правда. Смешно, но даже по утрам, пуча глаза на унитаза, я мычал: «Кристина!»

С тоски взялся за стихи, и чтобы в каждом была рифма с Кристиной. Витрина, тина, бабуина, перина, Буратино... Накропал ворох, перечитал – срамота. Плюнул, купил огромную брошь, которой можно было бы украсить фасад здания, и с нею в морг.

Пришёл, а там оба, то есть Кристина и Андрей. Сидят, пьют чай и мне не предлагают. Я утвердился на грешном диване, закинул ногу на ногу, третий лишний.

— Значит, договорились, напечатаешь мне справку сразу, как будет экспертиза, — сказал Андрей Кристине, деловито закуривая сигарету.

Я разглядывал его, крутя в руках красивую коробку. Ведь он тупой! Он, если говорит что-то серьёзное, то всегда курит, чтобы подбирать слова во время очередной затяжки.

— Кстати! — посмотрел на меня Андрей, долго выпуская дымок. — Требуется реальная информация по оружию. По огнестрелу или холодянке, не важно. Главное, срочно.

— Ишь ты! — покачал я головой.

Андрей вдруг стремительно пересел из-за стола ко мне на диван.

— Вань, пропадаю! — шепнул он и положил мне на плечо ладонь. — Клянусь! Если сегодня-завтра ничего не сделаю по оружию, то всё, сократят меня. Ты же знаешь, как у нас сейчас там.

— Откуда мне знать? — проворчал я, отодвигаясь и уводя плечо из-под его руки.

— Я всю агентуру на уши поднял, и, как специально, никакой информации. Край!

Кристина села передо мной на колени и зашептала:

— Давай, Вань, поможем ему! Один раз, и больше ни разу, — глаза её блестели, как никогда, и на Андрея она не смотрела, внушая мне, что третий здесь он, а не я. — Вот ты с кем-то ножки делаешь и продаёшь... — она тронула меня за коленку.

— Убить вас обоих! — вскочил я, и, уходя, бросил коробку с брошью на стол, усыпанный конфетными обёртками.

8

Отличный парень — скажет про меня любой. Спорить не буду, это правда. Со мной и выпить весело, и бурагозить не люблю. В армии отслужил два года, а не как сейчас, год.

Почему же с женщинами не везёт? Упала мне эта Кристина! Понятно же, что не суждено нам с ней зажить по-человечески. Любовь наша — бижутерия, не больше. Почему я не могу, как Илюха? Чтобы дети, жена-хозяйка... Да потому, что боюсь. Проще зарабатывать на браслет или кулон, чем на семью. Много нас, романтиков.

— Илюх! — говорю. — Получится у меня нормально жить, как ты живёшь?

— С Кристиной? — спросил он, скосив глаза.

— Нет, не с ней.

— Получится.

— Илюх! — говорю дальше. — Сегодня продадим сразу три ножа, и втридорога. Я договорился, но сам я будто посредник. Мол, есть мастер, звать Илюха, который делает здорово, но дорого.

— Хорошая новость, — улыбнулся Илья. — Как раз дома шаром покати, ни копейки.

Отправились мы вместе к центральной почте, куда обещал явиться покупатель. Встали в липовом скверике около пустой скамейки, на которой до нас сидели ногами.

— Скоро, — сказал я, посмотрев на часы. — К пяти подкатит, если не обманет. Без десяти уже.

Ровно в пять к нам подошёл серый человек, без лица и возраста. Встретишь и не отличишь от тени. Он поздоровался с Илюхой, а со мной не стал. Я сделал шаг в сторону, чтобы не попасть в кадр видео-глазка, который прятался в ненарочной проранке на ветровке человека.

— Посмотреть бы, — сказал человек Илюхе.

Илюха достал из пакета куль ветоши, развернул. Внутри лежали три чудесных ножа, место которым в ценной коллекции между кизлярским кинжалом и генеральским кортиком.

— Как договаривались, — человек протянул Илюхе деньги.

В ту секунду, когда произошёл обмен денег на ножи, мир изменился. Воздух дрогнул от воплей: «Стоять! Уголовный розыск!» Словно черти из-под земли, на Илюху наскочили двое людей, таких же серых, как покупатель, которые до этого сливались с тенью лип, корой и грязью.

Один из них заламывал опрокинутому Илюхе руки, а другой прижимал к земле коленкой Илюхину голову.

Он, друг мой Илюха, таранил ясные глаза, которые были уже не косяе и не в кучу. В них фотовспышкой застыла страшная правда, что всё, конец, дети без отца.

Я пробежал несколько шагов и наигранно упал. Договаривались же, что для вида меня тоже схватят! Забыли.

Илюху загрузили в поддетевшую Ниву, и вскоре я остался один, с напрасной грязью на штанах.

Спустя полчаса, когда уже я доливал в себя ноль-пять водки, позвонил восторженный Андрей:

— Спасибо, дорогой! Отлично сработал! Классика! — и добавил, хохоча: А друг-то твой обосрался, когда его ломали! Они часто обсираются. Спасибеще!

9

Во время дознания Илюха не сказал обо мне ни слова. Будто он сам, один, делал ножи. Верил, что выгораживает меня.

Месяц, а может быть дольше, я ходил к нему домой и приносил детям гостинцы. Потом перестал.

Уже год я работаю на Андрея. Получаю вознаграждение. Не ахти какое, но на бижутерию хватает. Главное — быть отличным парнем. Иметь друзей, которые тебе доверяют. Тогда знаешь, у кого дома на всякий случай обрез, у кого после бабки, умершей в муках, остались наркотические обезболивающие... за каждым что-нибудь да есть.

Тем более, Андрей и вправду туповат. Ему не дано ловить крупных птиц, а вот делать вместе со мной показатели на простачках — самое то.

Что?.. Нет, ада я не боюсь.

Боюсь Суда. Там-то меня и рассекретят.

ТЫ ЖИВОЙ

(рассказ)

1

На груди Ивана росла шерсть, и женщины отдавались ему с той обречённой покорностью, с которой раньше жертвовали себя кощерам, минотаврам и другим древним денди. Его густой волос бурно лез через ворот и между пуговиц одежды, а тонкие рубашки спереди дыбились, благодаря чему стать Ивана имела пышный вид. Вдобавок далеко вперёд выдавался хрящеватый нос, а голубые, едва не в пол-лица, глаза дополняли внешность до сходства с мультипликационным Мамонтёнком.

Невинность у Ивана отняла парикмахер Наталья, застав его врасплох, пока он был ещё только пушистым, но не мохнатым подростком. Сидели они, молчаливые, летом на лавочке и стеснялись своих разных возрастов. Душные запахи, вечерний визг ласточек, а в углах уже ждала своего коварного выхода ночь. Вдруг Наталья глянула на Ивана сплошными чёрными глазами, как кошка на мышшь. Не успел Иван подумать о плохом, она накинулась и стала душить его поцелуями. У него кончился воздух сказать, что весь день катался на мотоцикле, поэтому пыльный, не надо его облизывать, это, наверное, вредно и невкусно.

С шеи она спустилась к его груди и стала хватать губами кудри, как сладкую вату. Иван не вытерпел и помог Наталье на той же лавочке. Что его тогда удивило, так это то, как горячо было внутри Натальи. Оно там, значит, и болело. Однако, оказав первую помощь, Иван только усугубил. До утра Наталья водила его по лавочкам и со звериной нежностью облизывала, вынуждая проводить над ней раз за разом новое врачевание. Ивану же хотелось есть и спать.

— Сколько у тебя было раньше? — спросила утром Наталья, хлопая усталыми, будто слепыми, глазами.

— Впервые, — ответил Иван, счастливый, что пришло время прощаться.

— Не ври! — обиженно фыркнула Наталья и отвернулась, чтобы не показать ликование. — Это у меня в первый раз так.

Познакомился Иван с Натальей у неё на работе, пообещав ей принести вечером только что вышедший «Титаник». Вот куда делась кассета, а то он совсем забыл, кому дал смотреть. Как же выглядела Наталья? Тоже забылось. Чёрная, тонкая. Вроде, всё. А, да — тревожно и даже трагически пахла, как освежеванная тушка.

С тех пор Иван с любовью, а чаще без неё, врачевал женщин. За мужних и нет, важных и простых, глупых и через силу образованных. Сеансы начинались одинаково: женщина тёрлась о его грудь щеками, как любят ласковые кошки.

Возмужав, он стал привередой. Особенно Ивана заботили их ногти. Потёртый маникюр, если женщина считалась хорошей хозяйкой, он мог извинить, но ляпы педикюра считал оскорблением, будто к нему

на грудь просилась не женщина, а солдат после марш-броска или какой-нибудь дядька, который не меняет носки, как старики не меняют политические убеждения.

Он стал чуток к запахам и плевал на тех женщин, которые приносили на себе дух своего дома, мужа или детей. Больше всего запах копился у женщин в волосах, и чаще это был душный запах супружеской постели. По Ивану, женщина должна была пахнуть только своим организмом и своими жидкостями. Возможно, также приходят в бешенство медведи, когда чуют носом другого самца или медвежат. Им нужна самка, которая хотя бы на время одного соития будет казаться непорочно одинокой.

Лёгкость, с которой Иван получал женские тела, приносила ему много лет лишь пользу. Пока другие не досыпали, отчаянно рифмуя вновь, кровь и любовь или приручали дам вечерними выгулами и сладкой подкормкой, Иван бережно строил карьеру адвоката.

Проблемы начались ровно в тридцать, как по будильнику. Первый звонок прозвучал глухо, потому что им был удар кастета. Иван не предполагал, что муж изящной принцессы Ирины окажется типом с лицом и характером отъявленного Маяковского. Шрам получился размашистый, от челюсти и далее по щеке, что подтверждало поэтическое вдохновение автора.

В следующие встречи с доминантными самцами Иван действовал по правилу «лучшая защита — это нападение» и, не здороваясь, бил локтем. Неожиданность и локоть раза три рекомендовали себя безотказными, пока не произошёл грустный случай.

Осенним предгрозовым вечером, когда сама природа за окном забавлялась в жанре психологического триллера, резко и особенно настойчиво зазвонил телефон.

— Иван Николаевич? — холодно, в стиле Хичкока, спросили в трубке. — Надо срочно встретиться.

— По какому поводу? — не дрогнув, поинтересовался Иван, сгибая и разгибая в локте руку.

— По поводу Светланы, — ответил Хичкок, — моей жены.

К назначенному месту Иван шёл, соображая, о какой Светлане пойдёт речь. О той, что из аптеки, или о дежурной по вокзалу? Или была какая третья, но забылась?

В безлюдном дворике стоял тяжёлый, как туча, человек, а рядом с ним урчал внедорожник, размерами с трактор. Иван сходу применил локоть, и человек даже взбрыкнул в воздухе ногами. В эту же секунду небо взорвалось и обрушилось на землю шипящей, как кипятилок, водой.

На обратном пути под вспышками грозы Ивана осенило. Он вспомнил и Светлану, и хуже того, вспомнил побитого им человека. То был муж подзащитной, хозяин автозаправки Хоботов. Иван с ним недавно встречался, и Хоботов обещал, что добудет документы, которые позарез требовались для победы в деле его жены. На счастье Ивана Хоботов-Хичкок потом так и не вспомнил, что с ним произошло. Сам виноват, проще надо быть с людьми и не задавать загадки.

Хард-рок сыграли ангельские трубы над головой Ивана, когда он отправился в гости к красавице Юле, о которой можно было сказать, как

о Солнце: «Двум Юлям не бывать». Муж её, понимая, что владеет чем-то уникальным и неповторимым, начал все три их квартиры прослушкой, а также платил охране, которая работала в три смены и не столько охраняла, сколько невидимо следила за Юлей и собирала компромат.

Муж Тимур был больше, чем бандит. Тимур был абрек. Почти каждую неделю он устраивал разбой, о которых боязливо умалчивали телевидение и газеты — слишком смело и несовременно действовал он, тем самым грозя заочно стать живым героем. Ведь сейчас можно быть злым и кровожадным, но героем — нельзя. Так же, как становится зазорно зваться мужчиной.

В манере раннего Сталина Тимур с тридцатью отборными витязями останавливал и грабил товарные поезда. Совершал он это торжественно, с пальбой и со свистом, оставляя после себя связанных машинистов и милиционеров. Убивать он не любил.

Юля впустила Ивана в квартиру, показывая пальцем: «Тихо!». Её лицо, перенасыщенное красотой, было в алых и белых пятнах. Видимо, в ней боролись леденящий страх и жгучее нетерпение.

Открыли на кухне и в ванной воду, включили во всех четырёх комнатах телевизоры, но и после этого говорили шёпотом.

— Давай, я у знакомых техников с ментовки попрошу аппаратуру, — шептал Иван, — найдём все жучки.

— Попроси, — ответила Юля и нырнула носом в расхристанную грудь Ивана. — Хочу тебя!

Раздеваться не стали. Юля лишь приспустила с себя мягкие махровые штанишки и повернулась к столу.

— Сегодня так, а то я боюсь, — сказала она.

Лицо её раскалилось, и смотрела она с мукой в глазах, как смотрит киса, которую заботливые хозяева не выпускают весной на улицу.

Сзади она была похожа на подвешенную на нити гирьку, настолько тонкой была её талия и так широко раздавался зад. Иван положил ладони на её холодные ягодичы, и Юля напряглась, как трусливый пациент в ожидании укола.

Машины буксуют на некатаных дорогах, вот и Иван вошёл в Юлю не сразу, а с натугой. Он знал, что она не ложится с Тимуром, отважным только с поездами. Внутри Юля оставалась узенькой, труднопроходимой девочкой. Её и Тимура женитьба таила в себе ту загадку, на которую имеются не один, а несколько ответов, и все неправильные.

Лишь Иван утвердился в Юле, и Юля начала подтанцовывать в томительном фламенко, как вдруг телефон, лежавший перед ними на столе, разразился дагестанскими гармошками, а на экране высветилось «Тимур». Словно слепой глаз уставился на них, а вместо музыки заполонил комнату издевательский смех. Продолжать стало мерзко, и Иван ощутил, что у машины сдуваются колёса.

— Алло! — взяла Юля трубку.

— Пусть он выходит, — расслышал Иван громкий голос. — Я жду на улице.

— Про кого ты? — спросила Юля, и зад её, минуту назад игривый, тяжело опустился.

— Не шути со мной! — крикнул телефон.

Иван подался назад и вышел из Юли, будто из тёплого дома на осеннюю улицу. Даже передёрнуло.

Юля отложила телефон и косо улыбнулась:

— Пойдём, выпьем. За встречу.

На кухне ждал стол, насколько лакомый, настолько в эти опасные минуты и печальный.

— Мне стакан, — отодвинул Иван от себя рюмку.

Подняли тревожный тост за чтобы-всё-хорошо.

— Лёнчик со второго этажа ещё живой? — пылко спросил Иван, не закусив после стакана.

— Живой, — ответила Юля. — Хочешь, как в прошлый раз?

С пятого этажа Иван спустился на второй и аккуратно постучал в дверь, снизу до верха покрытую следами от подошв. Аккуратно стучать следовало не из вежливости, а потому что дверь могла упасть даже от громко сказанного слова.

— О, Ванька-романтик! — обрадовался Лёнчик, сберётший трезвую память на лица. — Опять бежишь?

Лёнчиком он звался противозаконно. Его уменьшительно-ласкательная юность минула в доядерную эру, и выглядел он мало сказать старым, выглядел он — вечным, как истина о вине. Размеры Лёнчика превышали общечеловеческие, что тоже мешало воспринимать его детское имя. А если бы пришло кому в голову его взвесить, то вслед за цифрой 120 должны были бы стоять вместо килограммов литры.

В качестве приветствия Иван вручил хозяину початую бутылку и прошёл внутрь. По пути к балкону пришлось повстречать ещё нескольких водяных и русалок, но почести им были лишни.

У Ивана имелся двойной опыт прыгать со второго этажа из питейной квартиры. Так что и на сей раз он приземлился удачно и эффектно, с кувырком. Увы, поглазеть на трюк приехали на двух автомобилях черноокие мужчины с плотными туловищами.

— Брат, мы его взяли, — рапортовал один из них по рации. — Он за домом. Приём!

Иван, озираясь, тщательно отряхивал одежду и ощупывал, будто отбил, локти. Решить вопрос бить или не бить, помогли ещё две прибывшие машины, в одной из которых сидел Тимур. Конеч.

Как полагается истинному лидеру, Тимур не имел человеческого роста и лишь немного возвышался над землёй, чуть выше дворняжки, если ей встать на задние лапы. При этом он умел смотреть с высоты птичьего полёта. На лице его имелся свирепый острый нос неизвестного назначения, каким можно было разве что до смерти клевать пернатую добычу. Юля звала мужа грифоном.

— Поехали! — позвал Ивана Тимур, кривя тонкие, как порез, губы.

В дороге молчали. Оба знали, что впереди ждёт страшное, но Иван зевал, а у Тимура тряслись руки. Иван зевал в голос, будто вынуждая, чтобы его оговорили, а Тимур, сжимая зубы, скалился, лишь бы молчать.

Выехали за город, свернули на грунтовую дорогу, и Иван произнёс:

— Тимур!

Водитель сбавил скорость, чтобы не трясло и стало тише.

— Тимур, давай поговорим без них. Минуту.

— Сиди ровно! — ответил тот.

— Тогда поговорим при всех, — настаивал Иван.

— Рамазан! — сказал Тимур водителю. — Останови!

Вдвоём они отошли от кортежа в бесцветное осеннее поле. Тимур по пути чесал рукой в кармане куртки.

— Тебе не стыдно? — спросил Иван и скривился, изобразив на лице разочарование.

Тимур встал и, забыв про зуд в кармане, вынул руку, сжатую в кулак.

— Ты думаешь головой-то? — напирал Иван. — Зачем ты столько людей собрал? Чтобы они видели и знали, что ты не можешь справиться с женщиной? Они потом тебя будут слушаться, а? Они пойдут за тобой? Ты думал?

— И што ты предлагаеешь? — Тимур разжал кулак.

— Сделал бы всё тихо. Или сам бы меня или заплатил бы кому, но без показухи. А то ведь позор для такого, как ты. У тебя имя, авторитет. Да и я не последний человек в городе, меня знают. Надо же было устроить такую войнушку! Машины, рации!

Тимур слушал и не перебивал. Вдалеке на дороге осталась вереница автомобилей и два десятка разбойников, которые маялись в ожидании, что их тоже позовут на разговор.

— Если бы я тебя не уважал, то и не говорил бы, — закончил Иван.

Он шарил ногой по бледной траве и кусал губу. Хотелось жить.

— А ты в чём-то прав! — сказал Тимур и поглядел не свысока, а откуда-то из адских глубин. — Сука не захочет — кобель не вскочит.

Ивана, живого и счастливого, отвезли домой, а вечером ему позвонил Тимур и сказал, что Юля упала с балкона. Больше не сказал ничего.

2

Как она выглядела на земле, когда похороны и потом — где могила, Иван узнавать ни у кого не стал. Он начал озорничать.

Раньше милиция клацала зубами, зная, что того или иного злодея будет защищать Иван. Следствие и дознание на дух не переносило его самого, его костюмы с металлическим отливом, зеркальные ботинки и крокодилий портфель. На всякий допрос или судебное слушание он являлся, сияя, как в ЗАГС.

— Что? — обречённо вздыхал следователь в его наглые глаза, — Опять пришёл всех жуликов по домам распускать?

А он улыбался и изящными белыми пальцами интеллигентно заправлял за узел галстука кудри, которые щекотали ему кадык.

Ивану боялись давать на ознакомление дела, это было всё равно, что давать кочан капусты на ознакомление козлу. Он брал толстые, толще Пятикнижия Моисея, тома и искал в них первоначальный материал — грязные, мятые листочки, исписанные кривым бессонным почерком и пропитанные никотином. Здесь-то Иван и в самом деле чувствовал себя, как в огороде, смакуя огрехи. То разные чернила, хотя по сухим каплям на листьях было ясно, что писалось в дождь, и шариковую ручку

оперу пришлось поменять на гелиевую. То в неверной графе стояла дата, и наплевать, что протокол писался ночью в подъезде без лампочки. Фальсификации, и всё тут.

Понятые от вопросов Ивана теряли речь и сознание, а он, спрашивая, мотал на палец кудряшку, торчащую из прорехи между пуговиц. Следователи и дознаватели, бывало, что и плакали, когда он, играючи, разваливал дела, которые, казалось, можно было отдавать на Страшный Суд, и ангелы сказали бы спасибо. Слава Ивана достигла пика, когда судья Фирсова не смогла вынести решение об аресте Галины, цыганки, наводнившей героиню несколько городов. Фирсову вынесли из зала суда с инсультом.

Так было, а стало...

— Дежурный сегодня кто, Ваня? — спрашивал следователь, созваниваясь с адвокатами. — Слава Те, Господи!

На раз-два Иван принялся колоть своих подзащитных или подначивать их подписать показания им же на беду.

— Ваня придёт? — говорили сыщики, уставшие биться со злодеем, упёртым, как земная ось. — Значит, можно будет домой свалить раньше. Ваня расколет.

И приходил он, ослепительный, прямой, и также манерно поправляя на шее выбившиеся лохмы.

— Кто у нас сегодня? — спрашивал.

— Новый Раскольников! — угодливо объясняли ему. — Восемнадцать лет отроду, четыре судимости. Изнасиловал и ограбил старушку, семьдесят четыре года. Целый день крутим-вертим, молчит.

— Отдельный кабинет, и десять минут не беспокоить, — диктовал Иван свои скромные условия.

Один на один он говорил молодому Раскольникову:

— Ты золотой парень! Я бы молился на тебя, будь у меня такой сын. Я вижу людей, верь мне. Поэтому делай, как я скажу тебе.

Не через десять, а через пять минут Иван выходил из кабинета и бросал следователю:

— Начинайте допрос. Скажет всё, как было.

Если требовалась грубость, то Иван выражался настолько живописно, что у видавших виды оперов стыла кровь и по-дамски грелись щёки. Имея же дело с элитой криминала, он просто хитрил. Помогало имя и слава прежних побед. Но до поры.

Не в первый раз он взялся защищать Олега Святославовича Трофимова, тайного князя мужеложников. Олег Святославович занимался гирудотерапией, то есть пиявками. У него имелось маленькое помещение в здании автовокзала, комната, разделённая медицинскими ширмами, за которыми стояли кровати для процедур. В рабочее время на кроватях лежали гипертоники и симулянты, а в вечернее — сам доктор и с ним кто-нибудь однополый.

Внешность его мало содержала в себе от идеалов гей-культуры. Большое, обрюзглое, как у испорченного мертвеца, лицо. Фигуры был излишек, особенно там, где ей не место: на животе, седалище, и вообще ниже подбородка начиналась одна обильная фигура.

Помещение же на вокзале служило лишь прихожей к его насыщенной жизни. Полнокровная жизнь кипела на даче, что находи-

лась в деревне на берегу Волги и внешне ничем не отличалась от остальных деревенских изб. Характерным было название деревни — Содомовка.

В чахлый деревянный домик с плохой банькой, в которой ветер дул по ногам, каждую неделю съезжался богемный люд. Работники столичных инстанций, депутаты, ну и птицы помельче, вроде деятелей искусств, которые повседневно мыли посуду и убрали из бани кал после оргий.

На работу Олег Святославович ездил на большой и чёрной, как ночь, машине с номерами администрации. За рулём сидел, конечно, не сам, а штатный водитель. Ни один крупный законопроект, касающийся жизни города и области, не принимался без благословения Олега Святославовича, хотя к своим сорока пяти он с трудом читал и не умел писать.

Защищать его было проще, чем сходить за пивом. Основную работу делали друзья с политических и бюрократических Олимпов, а на долю Ивана оставалось присутствовать для вида, как, например, по делу о самообороне. Олег Святославович оборонялся от сотрудника милиции, который размахивал палкой в ответ на обычную просьбу Олега Святославовича познакомиться. Суд признал, что на месте подсудимого любой бы задушил хама, а надругаться следовало даже до, а не после, чтобы знал.

В дни же Иванова озорства Олег Святославович вжился в роль пьявки и допустил некоторые неудобства по отношению к клиенту своей клиники. Рядовой случай из практики и не больше. К тому же Трофимов ждал гранта от Олимпа здравоохранения на развитие гирудотерапии в регионе, и поднимать бучу из-за строптивого клиента ему было попросту недосуг. Поэтому такое плёвое дело он полностью доверил Ивану.

На допрос Иван принёс уже готовый бланк протокола, набитый от имени следователя.

— И он это подпишет? — спросила девушка-следователь, хлопая изумлёнными глазами, будто смотрела на салют.

— А куда он денется, — улыбнулся Иван.

— Зачем это тебе?

Вместо ответа Иван вдруг согнулся от смеха.

— Представь потом его лицо! — выдавил он, задыхаясь.

Судья зачитывал постановление, сбиваясь и кашляя. Очевидно, не верил в выпавшую на его честь миссию.

— ... признать виновным... в совершении преступления, предусмотренного...

— Ванюш! — гортанно, будто горло слиплось от мужского семени, спросил Олег Святославович. — Что этот дурак читает?

Судья, услышав про дурака, закончил уверенно и чётко:

— ... сроком на три года с отбыванием в колонии общего режима.

Иван сидел зачарованный, стараясь лучше запомнить текущую минуту. Именно сейчас крошилась в щепки его карьера, да и жизнь, в любом её понимании, делалась зыбкой, как сон.

А затем он на весь зал рассмеялся. И смеялся в следующие дни, подписывая договоры дарения на дом и машину, обналичивая счета в двух банках. И совсем его прорвало на хохот, так, что по-пороссячи визжал,

когда молчаливые крепыши привезли его на знаменитую дачу и передали в руки троим постояльцам. Эти трое волоком потащили Ивана к бане, а он выскальзывал, обессиленный от смеха.

— Помешался, что ли? — сказал один из них, бородатый и мощный, настоятель деревенского храма.

— Какая разница! — проворчал молодой депутат областной думы.

В предбаннике Иван, неожиданно перестав смеяться, натужно покраснел. В лица карателей ударил густой запах.

— Да у него из всех щелей! — вскрикнул стройный юноша, стриптизёр. — Пусть сначала моется, свин!

Ивана закрыли в бане, лишив цепочки с крестиком, ремня и шнурков. Внутри оставили ему бак с холодной водой, деревянный ковш и простынь.

— Десять минут тебе! — крикнули уже из-за закрытой двери.

Да, помыться требовалось, но лучше было погибнуть грязным, чем чистым достаться этой богемной компании.

Иван прошёл в натопленную парилку, ковшом выудил из печи лиловый от жара булыжник и завернул его в простынь, которую для надёжности сложил втрое и скрутил, чтобы держать обеими руками. И чокнутый хохот, и полные штаны, и грозный банный кистень он придумывал на ходу. Голова работала бешено, и, кажется, было слышно то, как пощёлкивают в мозгу импульсы. Сердце, спасибо ему, не боялось и стучало тяжеломерно, напористо, будто отбивало «Прощание славянки».

— Я всё! — позвал Иван, встав у двери и закинув на плечо увесистую простыню.

— Шустрый, как вода в унитазе! — смеясь, сунул в проём голову стриптизёр.

От удара он стремительно слёг на пол и загромоздил собой проход. Иван, боясь соскользнуть, пробежал по нему твёрдыми шагами, как по дорожной каше. Следующим надо было встретить бородатого батюшку, ибо уронить его потребуются сил и стараний.

Батюшка сидел в предбаннике за резным столом, держа в руке выпитую рюмку. Он успел качнуть головой, и камень лёг ему на плечо, что оказалось даже лучше. В широком плече хрустнула ключица, и батюшка, матерно ёкнув, замер, тараща изумлённые от боли и страха глаза.

Депутату, видимо, пришли на ум тяжкие мысли, потому что он, обхватил руками голову, согнулся и побежал к выходу. Иван успел опустить камень ему на зад, после чего несчастный опрокинулся на спину и развратно раскинул в стороны ноги. Известная «поза лягушки», когда ломаются кости таза.

— Выздоровливайте! — коротко попрощался Иван.

Теперь ему предстояло самое трудное. Добраться в соседний город на той стороне Волги. Там ждал единственный приют. Сделать такой вояж с полными штанами, без денег и чтобы незаметно, можно было только пешком. Семь километров пути. Начало декабря. Надёжного льда нет, потому что ещё не пришли настоящие морозы. С Богом!

Не опасаясь, что пустятся в погоню, Иван шёл медленно, три часа, и всякую секунду в своих мыслях умирал. Через каждые два-три шага

лёд под ногами трагично трещал, и звук уходил в глубину, туда, где ждала Ивана тёмная, холодная смерть. Вот она, заветная грань, между-между — белая, припорошенная снежком.

Приходилось петлять, огибая чуть прикрытые ледком полыньи, а то и промоины, в которых ещё отражала небо вода. Путь получался не семь, а все четырнадцать километров. А как была прекрасна земля впереди, Господи!

Молясь, Иван наконец вступил на берег и только сейчас ощутил, что в штанах изрядно прибавилось, и об оледеневшую ширинку изнутри журчит свежая счастливая струя.

3

Конспиративной квартирой Иван обзавёлся полгода назад, после встречи с кастетом. Нет-нет, тогда он не поддался неврозу и его не стали одолевать сны о кастрации. Однако убежище завести решил. Чтобы было.

Дорого квартира не встала, потому что находилась в городе, в котором и в советские-то времена имелось одно предприятие, химический завод, а последние двадцать лет не работало и оно, превратившись в сталинградские руины. Вслед за исчезновением из жизни города трудовых человеко-часов, произошёл исход и самих людей, и самого времени. Остались лишь смена дня и ночи, а из людей назо прогрессу и модернизации доживали свой век рыбаки да горстка символических бюджетников. К примеру, действовал отдел милиции, в дежурной части которого стояла низенькая деревянная клетка, годная разве что для овец, а над столом дежурного, вместо президентского портрета, висела икона Богородицы, застеклённая выпуклым экраном от чёрно-белого телевизора. Сотрудников числилось ровно столько, чтобы, по-старинке, сообразить на троих.

А ещё по единственной асфальтовой дороге, которая тянулась вдоль всего волжского города и местами поросла травой, ходил автобус. Ивану запомнилась поездка в нём, когда он только что уладил дела с покупкой и спешил на вокзал. Проблема была в том, что приобретённая квартира находилась в противоположном от вокзала конце города на расстоянии семи остановок, и хотя в запасе имелся час, однако после минования автобусом четверти пути в распоряжении осталось времени вдвое меньше. Не то, чтобы успеть, какое там, в экскурсионной поездке по городу были все шансы проголодаться и захотеть в туалет.

— А-аа, простите, за полчаса мы не успеем на вокзал? — взгустнув, спросил он водителя.

В ответ водитель просиял улыбкой Юрия Гагарина, и — поехали! Он мчал без остановок, не впуская и не выпуская других пассажиров. Мало того. Уже сидевшие в автобусе люди не ругались, а успокаивали Ивана, что он успеет, называя его кто братом, кто сынком. В результате на вокзал водитель пригнал быстрее, чем то же самое смог бы сделать герой «Такси-1, 2, 3, 4».

Ключ от квартиры Иван достал из трещины в стене подъезда. На месте была и спичка, вставленная в дверь для заметки на случай, если бы пытались вскрыть.

В квартире имелись запасы: по одной коробке — тушёнки, сгущёнки, рыбных консервов; чай, кофе, сигареты; рыдно-мыльное. Плюс канистра спирта и в тайничке деньги, рассчитанные на пару билетов дальнего следования. Там же — газовый пистолет, переделанный под боевой.

Со стакана разбавленного спирта Иван уснул голый на пыльном диване. Проснулся он, когда за окошком во дворе стояла ёлка, бедно украшенная блестящим дождиком. Канистра была пустая. Всюду пустые консервные банки, и в них окурки. Кудри на груди свалялись. Из зеркала смотрел дядюшка Ау.

Иван умылся, обналичил тайничок и вышел на улицу, прихватив сумку, заплесневелую «Аэрофлот». Свет едва не выжег глаза, а воздух опалил лёгкие. Слезы, казалось, хлынули даже через нос, будто после полной ложки хрена. С мыслями об экономии Иван купил портвейна. Сумки должно было хватить на дня три русского сна.

В русских ведь больше силы, чем требуется просто для безделья, и если нет войны или комсомольскихстроек, то вечный русский гасит силу, чтобы она, невыработанная, не разрушила его самого. Так Иван и поступал.

Тайничок пустел, но до весны должно было хватить. Почему-то Иван ждал тепла. Наверное потому, что все чего-то ждут и рассчитывают, что ожидаемое принесёт счастье. Времена года годились тоже.

Шёл он как-то в злобный мороз за аптечными флаконами (эх, да!) и считал, сколько остаётся денег до конца зимы, будто если их окажется мало, то весна не наступит. Цифры царапали мозг и от любого неосторожного поворота головы осыпались в гортань. В очередной раз отхаркав нерешённую арифметическую задачку, Иван встал и обмер. Перед ним на автомобильном номере красовались самые жуткие три цифры и три буквы.

Кабы «Х666УЙ», Иван бы только рассмеялся. Дураков полно. Но перед ним была машина Олега Святославовича. Хуже было только то, что свободный Олег Святославович стоял прямо на пути Ивана, и, хуже некуда, — с ним был стриптизёр.

— Да не понимаю я тебя! — ругался Олег Святославович на стриптизёра, который страшно мычал и несуразно махал руками; видимо, после банного бульжника, он стал глухонемым и невменяемым.

— На! Лучше напиши, где его видели! — протягивал Олег Святославович блокнот.

Иван шатнулся назад, но бежать означало обнаружить себя. Поэтому Иван сказал:

— Мужики, дайте закурить.

Олег Святославович искоса глянул на него и взбесился:

— Кто мужики?! Пошёл отсюда, быдло!

И тот и другой расступились.

— Вот тоже! — услышал Иван о себе в спину. — Таких надо вместе с Ванюшей убивать, чтобы землю не топтали!

Деньги иссякали, весна пришла, а счастье медлило. От недостатка вина напали бессонница и, конечно, тоска. Да такая тоска, что всё внутри дрожало, а снаружи бурлили слёзы. Жаль было глупый мир и несчастное солнце, горевшее зря. И уже по-собачьи выл Иван, и ладони наполнялись капелью из глаз, когда он вспоминал Юлю.

Стало ослепительно ясно, что Юля была его судьбой. Он любил её тогда, и дело шло к тому, что они должны были сбежать от Тимура. Жить и рожать детей. Как люди.

И не он ли, чтобы спасти свою овечью шкуру, намекнул Тимуру, что Юля корень зла? А?

Иван довёл себя до того, что ему достаточно было произнести её имя вслух, и в грязной, тёмной квартире с обрезанными за неуплату проводами начинались рыдания.

Деньги кончились внезапно, будто их и не было. День Иван просидел без вина. Думал, умрёт. Второй день без сигарет, но к вечеру не выдержал и пошёл на улицу стрелять у встречных.

День третий стал голодным. Хотя еду уже стрелять не пойдёшь. Или?.. На пятый день ноги сами понесли к хлебному киоску. Голод сначала жевал желудок Ивана, а потом принялся грызть позвоночник.

Из окошка киоска пахло не просто хлебом, пахло жизнью. Иван ходил кругами, как ходят собаки, и ждал, кого попросить. Считается, что труднее всего в первый раз сказать «я люблю тебя». Нет, в первый раз труднее — «дайте хлеба».

Три часа вокруг да около. Несколько раз Иван подходил к покупавшим людям, но в последнюю секунду цепенел. Сдался он, что называется с потрохами, когда купила хлеб бабка. Она положила буханку и батон в советскую авоську, и авоська околдовала Ивана. Он побрёл вслед за бабкой, поскуливая и скрипя зубами.

— Отломите мне немного! — неожиданно для себя громко сказал он, будто его кто-то подтолкнул.

Бабка шла, глухая.

— Отломите мне немного! — громче прежнего, потея, повторил Иван.

Она купила ему целый батон...

Иван спрятался за киоском и ел там, рыча от радости. Спешил до боли в челюстях.

Сытость не наступила, он мог сейчас съесть ещё два таких же батона, но голод стих.

А какой сегодня день недели? Об этом Иван спросил у проходившего мимо паренька в антикварной куртке-варёнке. Пятница? А сколько времени? Двенадцать?

Сегодня Иван может кое-что сделать. И не важно, что он не знает, какое число и месяц. Может быть, конец марта, или в разгаре апрель, наплевать. В пятницу можно поймать Тимура! От Юли Иван знал то, чего не знали опера и верные соратники.

Несколько лет назад Тимур встал на ту порочную тропинку, на которой гибнут многие равные ему бандиты. Взялся он за героин и спустя пару месяцев превратился в ничтожество без имени, друзей и денег. Выхаживаться поехал он в Дагестан, в высокогорный аул. Отъедался

там мясом, пил молоко, молился, и старики звали его по родственному — Тимучин.

На Русь он возвратился здоровым и злым, что для друзей, что для врагов, одинаково. Однако ни те, ни те не знали, что он оставил себе пятницы. К пяти вечера по пятницам он приезжал на тайный адрес с полным пакетом фруктового мороженого.

К пяти по пятницам его ждал Славик. Обычный неудачник, из тех, что плодятся в наше время со скоростью мышей. Стремительная биография: не учился, не женился, не работал, а в графе увлечения — опиаты. Внешность тощая, но изысканная, в стиле могильной решётки. Вот и весь Славик.

Мороженое требовалось, чтобы их рвало, и через рвоту приходил кайф. Хотя иногда Тимур привозил полный багажник дорогой еды и постоянно давал Славику деньги, причём сверх того, чего стоил заветный грамм.

Славик часто произносил фразу: «Горжусь, что у меня такой друг!», а Тимур ничего подобного ему не говорил, но смотрел на Славика особенно. Пятничные их встречи значили нечто большее, чем «совместное употребление». Во встречах сквозило что-то нежное, не высказанное, женское, но Тимур убил бы, если бы ему кто намекнул об этом. И Славику убил бы. Разве что в наркотических полуснах они оба думали друг о друге.

В квартиру Иван зашёл только за тем, чтобы взять пистолет. Присаживаться не стал, потому что дом не родной, и традиции в нём поддерживать охоты не было. Остаться до следующей пятницы — роковая глупость. Время вышло. Весна звала. Вперёд, подонок!

Впрочем, смысл сегодняшнего похода был тоже сомнителен. Найти Тимура, да. Узнать у него, где находится могила Юли, да. И всё?

Не совсем. Иван хотел сесть у могилы и подумать. Посмотреть на фотографию (или рисунок) и решить: как дальше. Чудилось, что озарит именно там, рядом с могилой, и нигде больше. Почему? Наверное, потому, что он будет думать откровенно.

Или решит хлопнуть себя, далеко не ходя, между оград. Или вернуться в неродной город и худо-бедно браконьерить, надеясь, что со временем о нём забудут. Или начать воевать. Чтобы нет? Пойти к Дуплету и взять у него что-нибудь получше переделанного газового. Дуплет — гений. В сарайчике мастерит пистолеты и револьверы под какой захочешь калибр. Безотказные, что приезжают купить даже московские киллеры. Дуплет за многое благодарен Ивану, и, возможно, если подождать, то вытворит что-нибудь совершенно эксклюзивное, хоть с драгоценной инкрустацией.

От фантазий о себе как о ночном мстителе отвлекла церковь. Она высилась над Волгой, задумчивая, а в окнах, подобно мыслям, горели свечи. Зайти? Но денег нет даже на дешёвую свечку, чтобы поставить за упокой души Юлии. Помолиться и покаяться? Там, на небе, и так про него всё знают. Да и что рассказывать? Свои тяжкие порноанекдоты? Не в церкви же! Иван перекрестился и пошёл вниз по берегу, к Волге.

Достаточно было глянуть на реку издали, чтобы понять — на календаре апрель. В некоторых местах лёд темнел пятнами величиной с футбольное поле. Иван снова перекрестился. Сегодня, если провалиться, то сил выбраться не будет. И идти надо наискосок, не в Содомовку, а в город. Примерно километров десять. Только-только успеет к пяти часам, если не утонет.

Лёд трещал всюду, и под ногами, и вокруг, сам по себе. Иногда ноги звучно проваливались в воду, что говорило о наших новых зимах, в которые то тепло, то холодно, и оттого река замерзала слоями, где твёрдо, где рыхло.

Страх кусал и жалил, сосал кровь, но больше мучила жажда и дрёма. Белый хлеб в желудке бродил и пух, отчего Иван постоянно ел подтаявший чёрствый снег. А спать клонило так, что хотелось лечь прямо здесь, на льду.

С полпути Иван уснул. На ходу. В голове переливались яркие, красочные видения: то прыгал на него радостный родительский пёс, то старый школьный друг дарил ему книжку, то творилась волнительная бредятина, которую никогда не запоминаешь. Сон пропал уже на берегу.

У первого встречного Иван спросил время — двадцать минут пятого. Хорошо.

Две пятиэтажки буквой «Г», в углу подъезд Славика. Иван встал возле лавочек, на виду, не боясь, что Тимур его узнает, худого, грязного, бородато-лохматого. Бомжа.

После зимней алкогольной спячки он перестал чувствовать время и оттого скоро начал нервничать. Не понимал, сколько уже — больше пяти или пока нет.

Тихо! Едет... Белый двухместный «Мерседес», шурша резиной, подкатил к подъезду. Пора!

Иван подошёл напрямик к пассажирской двери, открыл её и проворно влез в салон.

— Ты кто, абезьяна? — со смехом воскликнул Тимур; наглость гостя его развеселила.

Иван навёл ему на живот пистолет.

— Ваня я.

Тимур вглядывался минуту, не меньше. На пистолет же ни разу не покосился. Наверное, каждый день, если не каждый час, воображал себе подобное, доводил себя до состояния медитации, тренируясь достойно выдержать мгновения перед смертью.

— Ваня? Ты живой? — вытаращил он глаза. — Я думал, што тебя... А пистолет-то зачем? Денег хочишь?

— Юля где похоронена? — спокойно спросил Иван. — Место объясни.

— Какая Юль? — улыбнулся Тимур.

— Ты дурак?

— Ты про жену мою, што ли? — Тимур зло рассмеялся. — Ты думаешь ана умерла? Да ана, как крыса, живучая!

— Шутишь? — Иван похолодел.

Тимур улыбнулся ему жутким оскалом.

— Ты дурак так шутить? — Ивана затрясло и он чуть отклонился назад, готовый выстрелить.

— Пагади, не ари! — махнул Тимур рукой и взял с подставки телефон. — Юлька только силизёнку парвала да ногу сламала. Сейчас храмает немного, но мне и такая не нужна.

— Ты что делаешь?! — взвинулся до визга Иван, видя, что тот набирает чей-то номер.

— Пагади! — огрызнулся Тимур и положил телефон на панель.

Долго ныли по громкой связи гудки, а потом оборвались.

— Алло, Тимур! — ответила Юля. — Ты зачем звонишь?! Что ты ещё хочешь?!

Иван дрожал, пистолет скакал в его руке.

— Что молчишь, Тимур?! Зачем, говорю, звонишь?

— Юля... — хрипло позвал Иван. — Юль!

— А? — не поняла она. — Кто это? Ваня?..

— Да, я, Юль.

— Ты живой? Я думала...

Она плакала.

Тимур поглядел на блестящее лицо Ивана и вышел из машины.

Наталья Рябухина (Липецк)

ВЗАПЕРТИ...

(рассказ)

..Взаперти,
Как в прокуренности — не дышать...
Он ветшал,
Или мир от него уезжал,
Или просто, хроническим кашлем, не стало везти...
Телефон,
Пережитком глухим, пыль глотал...
Старый шкаф,
Охранявший костюмы до лучших времён,
Был смешон,
А растянутый кич-капюшон
Своим видом озябшим запугивал новенький
Скайп.
..Был женат,
Но жена не смогла умереть,
И стареть,
Или может задерживать смерть —
Улетела, калёным железом чиркнув:
«ВИНОВАТ!..»
Лучший сын
Кукушонком был отдан другим —
Дорогим
Бабе с дедом, иконно седым,
Рано старым, но преданно строго следящим за ним...

...Обглоданный почтовый ящик, свидетельствующий о хронической жизни на земле, обычно расстраивал Вадима информацией о необходимости отсчитывать тяжело планируемые суммы на оплату квартиры. Сегодня в нём явно что-то изменилось. Бумажный почтовый конверт казался таким же анахронизмом, как выдавший советскую действительность городской телефон. Увидев знакомую фамилию в графе «отправитель», Володя почему-то представил... зоопарк, липкое, исчезающее в жарких руках мороженое, и рыдающего от невозможности просунуть руки в клетку с обезьянами ребёнка... «Сын!..» — ударило в голову резко, щемяще, до тошноты. Господи, почему вот так, по почте? Есть же скайп, выстраданное, принадлежащее только им двоим, время и едкое, как микстура от кашля, чувство вины от неправильно прожитой жиз-

ни... Тетрадный листок был почти чист, за исключением фразы, которая лишила Вадима последней надежды на невозможность изменения привычного порядка вещей: «Папа! У тебя родился внук!»

...Внук — почти что не ребёнок,
 Это ближе к берегу.
 После долгого забега
 И разрыва перепонок,
 Не случившихся открытий,
 Не добившихся потомков,
 Там, где нестерпимо ломко —
 Кто-то из ванильной прыти!..
 Не за что, а вопреки,
 До последних слёз на плахе,
 Вдруг, родившийся в рубашке,
 Внук!
 ...Прощеньем за грехи.

Как, когда, почему так поздно сообщили? Вопросы, тяжёлыми бильярдными шарами, перекатывались в полушариях и не находили пустые информационные авоськи. Сети, сеть, сети... Володя бежал через ступеньки к спасительному интернету...

...Суета, суета, суета —
 Жизнь не тратится на передышку.
 — На семью, на жену, на детишек?..
 — Нету времени прыгнуть с моста!..
 Небоскрёб, небоскрёб, небоскрёбы —
 Долгий лифт, как падение в пропасть..
 В нём — межличностных чайний робость
 Разновидностью клаустрофобий...

...Сын Вадима Саша, умненький и рано оперившийся, был занят делом. Вернее, спасался им от жизни. Вернее, выбрал компьютер заменителем всего остального. Он жил в компьютере, ел в компьютере, работал и развлекался тоже в компьютере. Он же, компьютер, и заразил Сашу бредовой, но уже начинавшей приобретать опасную тенденцию, возможностью выбраться-таки из состояния перманентного одиночки, к своим приличным годам не имеющего семью и детей... Честно признаться, у Саши не было даже девушки. Иногда, в лифте, во время долгого путешествия домой, он успевал познакомиться и даже влюбиться в одну из своих многотысячных соседок по небоскрёбу. Они выходили вместе на её этаже, чтобы у неё дома неловко вспомнить о своей половой принадлежности. Но потом Саша забывал номер её квартиры, а в лифте они больше почему-то не сталкивались. Затем ему надоело и это. Обретение семьи стало таким же нереальным, как подышать морозным воздухом где-нибудь в парке. Саша хотел ребёнка! Ребёнок казался ему чем-то из мира настоящего, по-взрослому трудного и где-то счастливого. Современные технологии научились подстраиваться к

многогранному калейдоскопу человеческих фобий самым извращённым способом. Для того чтобы произвести себе подобного, можно было даже не выходить из дома. Достаточно было иметь здоровую генетику, компьютер и контракт с виртуальными партнёрами. Один из них являлся носителем генетического материала иной половой принадлежности, а другой, точнее другая, обладала возможностью безпроблемного и недешёвого вынашивания. В реальной жизни все трое должны были категорически не знать друг друга. Продвинутой Саша не долго занимался поиском желающих заработать и обуреваемых различными комплексами девушек. По соглашению, всех троих разделяли колючие проволоки разных государств и специальные компьютерные программы, отнимающие возможность узнать хоть какую-нибудь достоверную информацию об участниках этого действия...

...Когда Вадим, мокрый от волнения и даже не успевший натянуть на голову свой привычный капюшон, услышал от сына и даже увидел, как тот произносит этот абсурд, он почему-то выкрикнул хрипло: «Ты вырос!..» и оба они на разных концах сети минут пять молчали обескуражено...

— Ничего сынок, лучше так... Будем любить его все, может встречаться чаще... — он почти плакал.

— Ну, чего ты разволновался так?! Живой же он и наш к тому же. Скоро привезут... — удивлялся сын.

— Почему письмом сообщил, сынок? Перепугал до смерти...

— Хотел по-человечески. По-настоящему как-то...

* * *

...Небоскрёб гудел на разные голоса. На 39 этаже счастливый Саша обсуждал со своим впервые увидевшим сыновью квартиру отцом выбор достойной няньки для малыша. На 54 — радостная от случайных денег за странный и выгодный анализ, молодая, но перспективная кандидат наук Света, предвкушала долгожданные траты на свою лабораторию. Олечка, милая, послушная девочка, с приобретёнными в результате многосестринского детства паническими атаками и детофобией и безудержно пытающаяся преодолеть эти страсти хроническим суррогатным материнством, пряталась от действительности на 17...

Григорий Тельнов (Москва)

СИЛЬНЕЕ ОГНЯ

Лесник Юрий Матвеев пять суток тушил пожар на острове Голец в Белом море. Один на один против стены огня. Без рации, без надежды на помощь. При таком раскладе у человека нет шансов на победу. Почти нет. Но Матвеев не отступил. И победил вопреки всему.

Первыми дым над островом заметили летчики. Радировали лесникам:

— На Гольце не то костерок, не то пожар!

Диспетчер Приморского сельского лесхоза позвонил домой Юрию Матвееву:

— Николаич, над Гольцом летуны дым видели. Проверь сигнал.

От деревни Гневышево, где живет Матвеев, до Гольца сорок верст. Это если по прямой, воздухом. Но самолет ради островка площадью двести гектаров нынче поднимать накладно. Архангельские лесники еще за прошлые полеты с авиаторами не расплатились. Если идти водой, путь почти вдвое длиннее — фарватер запутан, словно лабиринт.

Остров Голец со всех сторон окружен мелями. Пройти туда можно только в прилив. Да и то только при полной луне, когда вода поднимается максимально высоко.

Матвеев сунул в рюкзак пакетики с китайской лапшой. Положил коробок спичек и сигнальные свечи.

— Юра, куда ты? — всполошилась жена.

— В море. Порыбачить.

— Сенокос же!

— Я быстро, Анжелика. За пару дней обернусь.

МЕЛЬ

Катер у Матвеева своей постройкой. Осадка — всего двадцать пять сантиметров. И на волне устойчив. Как раз для Белого моря. Вот только в баке пусто. Пошел к соседу:

— Одолжи солярки!

— Что это тебя припекло? Как на пожар.

— Угадал. Над Гольцом дым видели.

Сосед нацедил канистру:

— Бог в помощь, Николаич!

Вслед за Матвеевым на борт прыгнула спаниель Ночка, его постоянная спутница. Но в этот раз брать ее с собой не хотелось.

— Кыш, пошла домой!

Собачонка умоляюще глянула на хозяина. Он сжалился:

— Ладно, помощница. Все не один. Веселей тушить будет!

До Гольца дошли за шесть часов. Почти дошли. Вот он, остров.

Как на ладошке. А не причалишь — и в прилив мелко.

Над островом висел белый дым. Горел лес на побережье. У Матвеева сжалось сердце. Лесник знал там каждую сосенку. Обветренные солеными ветрами, они росли не столько вверх, сколько вширь. Мужественные деревья. Одним словом — поморы.

Юрий Николаевич глянул на Ночку:

— Ну что, барышня, полюбовались на пожар. Теперь прикажете домой поворачивать?

При слове "дом" собачонка радостно завиляла обрубок хвоста. Лесник вздохнул:

— Думаешь, я домой не хочу? Позарез мне надо в деревне быть. Дел выше крыши. Самая пора косить пока дождей нет. Но лес-то на Гольце сторит! Потому как кроме нас с тобой, Ночка, его тушить некому. Жребий нам такой выпал. Поэтому назад нам никак нельзя! Дождемся ночи, авось с бризом проскочим...

К ночи с моря потянул северо-западный ветер. Матвеев почувствовал, как катер подхватывает волна:

— А ведь пройдем, Ночка! Точно!

Волна подняла судно и пронесла над мелью. Словно на крыльях.

ЛЮДИ

Лесник подвел катер к песчаной косе. Заглушил движок. Теперь он не только видел, он слышал пожар. Треск горящих сосен разносился в тишине гулко, словно выстрелы. В охваченных пламенем ветвях свистел ветер. Деревья стонали. Этот стон казался Матвееву предсмертным криком...

Лесник налил во в фляжку воды, опоясался веревкой. ("На случай, Ночка, если в болото попаду, чтобы из трясины выбраться"). Топор в руки — и вперед. Благо на Беломорье ночи летом светлые, все видно.

Он обошел пожарище. Прикинул — очаг большой, гектара два. Сухой валежник и старая хвоя на земле горят, словно порох. Если не остановить, огонь расплзется по всему острову. Нужен встречный пал.

Лесник вернулся к катеру за сигнальными патронами. Их решил использовать как запалы. И тут он увидел людей.

Их было шестеро. Двое мужчин, двое женщин и двое ребятшек — мальчик и девочка. Растерянных, испуганных. Матвеев прикинул, как он выглядит со стороны. Огромный, под десять пудов весом, бородатый мужик. Перепачканный сажей да еще с топором в руке.

— Не бойтесь. Лесник я, а не пират! — пошутил Матвеев.

— Это не мы подожгли, — засуетился мужчина постарше. — Мы туристы. Из Северодвинска приехали на моторке на выходные отдохнуть, а тут уже полыхает!

— Не оправдывайтесь. Знаю, что не вы. На пожарище видел расщепленную сосну. Молния в нее ударила. От нее все и занялось.

— Мы поможем!

Матвеев поморщился. Лучшей помощью было бы, если бы они побыстрее унесли отсюда ноги. Скомандовал:

— В лес — ни ногой! Держитесь на косях. Да за детьми присмотрите. А с пожаром я сам справлюсь!

ОГОНЬ

Матвеев решил тушить огонь огнем. Пустить на пожар встречный пал. Выбрал рубеж. Сложил на нем костерки и стал ждать. Запалить костры нужно в тот момент, когда лесной пожар подойдет так близко, что появится встречная тяга.

Воздух вокруг стал сухой, горячий. Потянуло дымом. Матвеев лег на землю рядом с Ночкой. Здесь дышалось легче:

— Ну что, барышня, думаешь, уже жарко? Это еще холодно!

Собачонка взвизгнула — инстинкт приказывал бежать от огня.

— Рано, Ночка!

Подувший в сторону пожара ветер Матвеев уловил по шевелению ветвей. Теперь счет шел на секунды. Лесник бежал от костра к костру, поджигая сигнальные свечи. Оставалось совсем немного. И тут он почувствовал, что не успевает. Пожар был быстрее его. Матвеев проклинал свою полноту. Зря! По валежнику, в тяжелых сапогах-броднях, когда в легкие попадает не кислород — дым, даже чемпион мира по спринту не пробежал бы быстрее.

Спасла лесника Ночка. Словно компас, вывела к берегу. Матвеев упал на песок. Его бил кашель. До рвоты. Отравился, наглотавшись дыма. Он погладил собаку:

— Один ноль не в нашу пользу, Ночка. Но мы живы, значит счет не окончательный!

И потерял сознание.

НОГИ

В полузабытьи Матвееву привиделась зима. Тот давний год, когда он был не лесником, а полярным пилотом. Его самолет сел на вынужденную в тундре. Рация не работала, поднималась пурга. Матвеев отправился за помощью. Восемнадцать километров до поселка Варандей по снежной целине. Память о том дне осталась на всю жизнь — обмороженные ноги. Но людей и самолет он тогда спас.

Матвеев был хорошим пилотом. Как отец, который летал в Арктике еще в войну. Друзья называли Юрия счастливым — девять тысяч часов налета и ни одной аварии. Он ушел из авиации, когда закрыли аэропорт на его родном Кегострове. Не захотел уезжать, подался в лесники...

Очнулся Матвеев от боли в ногах.

— Вот напасть! — пожаловался он Ночке. — Добегался!

Стиснул зубы и заставил себя подняться. Сделал шаг, другой. Его пошатывало, но ноги все-таки слушались. По берегу добрал до катера. Взял новый запас сигнальных свечей. И пошел к лесу.

— Эй! — услышал он окрик за спиной. К нему бежали туристы.

— Вам плохо? — тревожно глянула в глаза женщина.

Матвеев попытался улыбнуться:

— Нормально. Не волнуйтесь. Я справлюсь! Ждите на чай.

ПАЛ

В этот раз права на ошибку не было — на больных ногах от пожара не убежишь. Лесник готовил встречный пал тщательно, словно сапер мину. Для атаки выбрал самое узкое место на острове. Рассчитал, сколько времени займет путь от костра к костру. Подпустил огненный вал на пятьсот метров.

— Пора, Ночка!

Матвеев поджег собранный в кучи валежник. Вот он, его огненный фронт! Пламя стеной шло навстречу пожару.

Он считал секунды. Сейчас встретятся две огненных стены и...

Раздался взрыв. Это разом выгорел кислород в сжатом между пожарами воздухе. И пламя погасло.

— Получилось! Поживем еще, Ночка!

Он вышел на берег счастливый.

Подошел к костерку, вокруг которого сидели туристы.

— Теперь почаевничаем!

Утром северодвинцы засобирались домой. Позвали с собой лесника.

— Я пока остаюсь. Боюсь, как бы вновь не загорелось. Позвоните жене, скажите, что у нас с Ночкой все хорошо. Пусть топит баню!

ТРУД

Лесник рано радовался. Огонь лишь притих. То там, то здесь с треском вспыхивали притаившиеся под хвоей искры. Матвеев сбивал пламя березовыми ветками. Только бы не дать огню разгореться!

Матвеев потерял счет времени. Устав, выбирался на берег. Закрывал глаза. Этот отдых нельзя было назвать сном — пятнадцать минут дремотного забытья.

Однажды он вскипятил воды. Бросил в котелок "Бич-пакет". У лапши был вкус сажи и дыма. Матвеев заставил себя проглотить еду:

— Нам, Ночка, сила еще понадобится!

Лесник решил окопать пожарище. Труд получился долгим. То и дело приходилось бросать лопату и тушить вспыхивавшие огненные языки.

— Боже, пошли дождь! — молил он.

Закончил ров — и в небе появились тучи.

— Слава тебе, Господи! — перекрестился Матвеев.

С приливом он отчалил домой. Вошел домой черный, как его спаниель Ночка. Жена не стала спрашивать, где муж пропал пятью сутками. Прожженная брезентовая куртка рассказала все лучше любых слов.

Матвеев набрал номер лесхоза:

— Пожар на Гольце ликвидирован. Выгорело четыре гектара.

Потом пошел в еще теплую баню. Скинул одежду, растянулся на полке и уснул.

Ему снился дождь.

Анаталий Тупицин (Волгоградская область, г. Николаевск)

РОМАНТИК И НЕЗНАКОМКА

(рассказ)

К даче подъехал новенький «Мерседес». Но ворота не открылись. Из машины вышел мужчина среднего роста; среднего возраста; средние одетый. Ничем не привлекательный. Шагнул к калитке. Она распахнулась. Он вошел. Охранник сказал:

— Прямо пройдите по аллее, Романтик. Там — коттедж.

Встретила его у входа в коттедж ничем не привлекательная женщина средних лет. Проводила по массивной дубовой лестнице на второй этаж. Распахнула одну из филенчатых дверей:

— Вот ваши апартаменты, Романтик.

Это была просторная, со вкусом отделанная комната. Посредине — большой старинной работы письменный стол с накладной резьбой, столешница обтянута зеленым сукном. Облицованный белым мрамором камин с позолотой, несмотря на большие размеры, вписывался в интерьер. И если еще учесть старинный стул с высокой резной спинкой да не приметный диван у задрапированной стены, то это, пожалуй, вся обстановка.

Из черной сумки Романтик извлек портативную пишущую машинку «Олимпия», пачку писчей бумаги в 250 листов, капиллярную ручку. Все это легло инородными предметами на плоскость стола. Он писал по-старинке, не признавая современных ноутбуков, компьютеров. Испысывал листки мелким почерком, правил, затем перепечатывал.

Из черной сумки он достал початую бутылку коньяка и малюсенькую хрустальную рюмочку. Это он водрузил на широкую полку камина. Бывший алкоголик, он много не пил, но вечером, обессилив до опустошения, выпивал пятьдесят (ровно пятьдесят!) граммов хорошего коньяка.

Одна из стен комнаты была полностью из затененного стекла и выходила на балкон, где стояло кресло-качалка. Оттуда открывался вид на старый, подернутый у берега бледной ряской пруд. На том берегу пруда высился густой ельник, в темноте которого выделялась белая островерхая башенка, видно, какой-то дачи. А дальше шло поле. А дальше, в слюдяном осеннем воздухе — желто-бурая строка леса. Октябрь стоял на редкость солнечным, деревья были особенно ярки на фоне глубокого голубого неба.

Романтик был бомжем. Зыбкая осенняя даль пробуждала в нем непроходящее чувство холода. Он подошел к камину, бросил несколько березовых поленьев, оторвал кусок бересты, скрутил его, зажег индийскую длинную каминную спичку-лучину, затрещала, развертываясь, береста, огонь, прыгая, побежал по сухим дровам. Романтик пододвинул

стул. Он неподвижно и долго просидит у камина. Как все романтические натуры, он любил смотреть на огонь, бегущую воду и бездонно безоблачное небо.

— Время ужина, Романтик, — прервал его размышления о вечном голос женщины.

Ужин был обильным. За столом сидели только он и охранник, который пытался почесать язык от скуки и замкнутости дачного пространства, но быстро сообразил, что Романтика не разговорить. Чай пили в глубоком, под чмоканье, молчании.

* * *

Романтика киностудия купила год назад.

С лотошных книжных развалов, с телеэкранов «лились» потоки крови. Сюжеты боевиков, детективов, ужастиков не щекотали уже нервы обывателей, мыльные телесериалы уже не отрывали от кухонных дел хозяек. И киностудия искала нишу. Тогда-то один из режиссеров принес опубликованный несколько лет назад в мало кому известном журнальчике рассказ, точнее, новеллу «Следы раннего детства» — пронзительно-щемящую романтическую историю о мальчике и девочке.

Собственно, дело было не в самом сюжете — такового в новелле и не было; дело было, скорее, в той энергетической наполненности фраз, в простых словах, выстроенных в тактический ряд так, что они магически проникают в подсознание человека и вызывают там бесконечность ассоциаций, живо рождая образы светлого прошлого: того, что было, могло быть, или желаемо быть у каждого.

Начался поиск Романтика. Так окрестили автора странного произведения. А пока шли поиски, киностудия успела снять фильм, в основу которого и легла новелла. Видеодиски разлетелись мгновенно, но тиражировать больше не стали (временно), дабы создать ажиотаж вокруг нового слова в кино.

* * *

Романтика нашли на вокзале. Он жил тем, что развозил на тележке продукты по киоскам. Жил он тут же, на вокзале, в малюсенькой подсобке, что отводятся для инвентаря уборщиц, согревался от движка холодильной камеры — одну из стен каморки она и составляла. Дурно воняющего, с похмелья его привезли на киностудию. Вначале он не ображал, что хотят от него кинодельцы. Когда же налили полстакана коньяка, и он выпил, закурил протянутую сигарету «Данхилл», улыбнулся и сказал:

— Вас понял, господа-товарищи. Утром — товар, вечером — деньги...

— Утром — товар, утром — деньги, — поправили его.

Контракт был подписан задним числом, за что романтику заплатили сто долларов. Так киностудия подстраховалась на случай нарушения авторских прав при использовании его новеллы.

Баксы поменял Романтик на вокзале в киоске и в тот же вечер пропил почти все «деревянные» (однако, успев приодеться), прощаясь с собутыльниками по работе, прощаясь с этой проклятой вокзальной жизнью, как он думал, навсегда.

* * *

Романтик просыпался рано: в 5.45. Выпив с вечера приготовленный стакан сока, он сел за письменный стол, положил стопку бумаги, в верхнем правом углу листа написал: «13 oct. 2009 г.». Заголовок крупно вывел посередине: «За синим лесом, на реке Таруске».

Канва этой романтической истории уже жила в подсознании Романтика. Он знал: начнет писать, а там вещь сама по себе будет развиваться, расширяться, пробивая неожиданные ходы, но по сюжету логически обоснованные, рождаст будет новые коллизии, нагнетая внутренний накал страстей и переживаний главных героев. Но самое тяжелое: связывающие, ключевые фразы, особенно первые. В них сконцентрирована вся та энергия, которая и дает инерционный толчок движению произведения. Мучительные эти часы в поиске нужных словосочетаний вытягивали из Романтика все жилы, словами лопались нервы, часто душно-бессонными ночами образы его будущих и прошлых творений теснились, отталкивая друг друга в его возбужденном воображении. Часто спутанные и смутные мысли, представления выливались в странные стихи. Он их записывал редко; они либо терялись, а если и успевал записать пришедшие строки в толстую тетрадь, то она все равно, тетрадь эта, бесследно исчезала, он заводил новую, но пропадала и та. К стихам он относился, как к дорогим, но надоевшим игрушкам. И когда на вокзале звучал из динамиков шлягер, слова которого он когда-то написал (а без спроса и ведома их, чуть переделав, одели в современную музыку, даже не упомянув на «СД» автора слов), он с тихой грустью вспоминал, чем были вызваны эти легко-ритмические стихи, ставшие популярной песней. Однажды по пьянке он сказал, что это он написал слова песни, над ним просто посмеялись...

Некогда имя Романтика было на слуху в писательской среде, как подающего надежды молодого автора. Но публиковали его мало. Режим требовал ура-победных произведений и крепких жизнеутверждающих стихов, а не копания в замкнутом мире личных переживаний и созерцательности, не абстрактных стишков о безответной любви и философичных — о бренности бытия. 13 лет назад Романтик уничтожил все, что было написано им, а это — дюжина внушительных папок с законченными и незаконченными новеллами, повестями, тысячами стихов, записок, наблюдений, дневников. И ушел в жизнь. Весь скарб его помещился в сумке, поистине: все свое ношу с собой. Не написал он за годы скитаний ни строчки.

Но уже первый его сценарий был успешным. Снятый фильм по нему стал лауреатом престижного кинофестиваля. Автор сценария в титрах не значился: таковы были условия контракта — режиссеры являлись якобы и авторами сценария. Романтик никогда не видел филь-

мов, снятых по его произведениям; не хотел видеть, говоря, что это негативно может повлиять на его дальнейший творческий процесс. Так он говорил.

* * *

Незнакомку Романтик увидел на второй день приезда. Она шла медленно по берегу пруда. Он стоял на балконе, уперев взгляд в даль, словно в строке леса пытался прочесть единственно нужную для сценария фразу. Что-то томительно-долгожданное было в образе Незнакомки. Забытое или несбывшееся? Так мы порой встречаемся с открытым взглядом человека и тоном в этом взгляде, ощущая трепетно зовущее, близко знакомое, генно необъяснимое влечение. Это — за гранью нашего сознания.

Незнакомка шла медленно. Распушенные ее волосы были осенними светлыми, как листва берез; они так же контрастно выделялись на фоне капюшона темно-зеленой куртки, как косы берез выделялись на фоне темно-зеленого ельника. Почувствовав на себе взгляд, она повернулась и посмотрела в сторону Романтика. Мило улыбнулась. Он знал, что так и будет: будет этот призывно-загадочный взгляд распахнутых светлых глаз, лучистых, которые изменят его судьбу.

...Когда он потом с мутным сознанием и трепетавшим сердцем сядет за стол, то напишет: «Она была божественно прекрасна». А ночью побегут торопливые строчки бисерным почерком:

Средь звезд прозрачна и легка.
Мы шли дорогой детски-ясной.
Любовь была совсем близка.
Издалека
Годов, сомнений...

Но это, это — из его будущих ночных стихов. Сегодня же лежали пять отстуканных на машинке страниц, которые скоро оживут на экранах, и тысячи, миллионы людей уставятся в экраны телевизоров, в душах их шевельнется росток ностальгии: и у них в светлом прошлом было это, или могло быть, а, может, желаемо быть сейчас... Но никто и никогда не узнает, в чей душе и чьем мозгу родилось это дорогое, такое близкое, колдовское очарование, такое понятное и созвучное их душам.

Романтик никогда не смотрел свои фильмы.

...Незнакомка шла по берегу пруда, а тихий вечер вышивал золотом на закате деревья. И случайно вышел ее — Незнакомку. Для него — Романтика.

* * *

Дни были — не осенне-тягучие, как обыкновенно бывает в это время года, а звонко-быстрыми и светло-вдохновенными. Сценарий шел легко. Занимали мысли о Незнакомке. А вместе с мыслями о ней про-

сыпался бунтарский дух его юности, гордость человека одержимого, те качества, которые принесли ему страдания и непонятие, вплоть до неприятия, со стороны даже близких людей. Он вдруг осознал, что долго литературным рабом быть не сможет.

Впрочем, для него этот вопрос весьма спорный. Попробуй нынче пером заработать на жизнь? Ему платят сто баксов за сценарий, создают все условия для работы, комфортабельные условия. Месяц он живет на прекрасной даче, на полном довольствии. Неделю после отдыхает, предоставленный полностью себе. Свободен! Конечно, платят мало. Но можно, в конце концов, поехать разгружать вагоны на товарную станцию. Да и по старой памяти, когда он остается без гроша, идет на вокзал, и, если кто из бригады грузчиков загулял, его из многочисленных жаждущих заработать бомжей берут в первую очередь работать. Как еще зарабатывать? Книжку издать? Где ж брать деньги на ее издание? Спонсоров не сыщешь, а идти на поклон он не приучен. Да и потом: раскупит ли ее, избалованное низкопробной литературщиной, нынешнее поколение читателей? Может, как его сокурсники по университету, писать льстивые, рекламные, а то и «разоблачительные», «скандальные» статьи-однодневки в продажных газетенках? Деньги, они, конечно, не пахнут. Но, право, лучше вагоны разгружать.

А он? Что пишет он? Работа над очередным сценарием — это не только деньги: герои возвышенно-духовные, светлый их внутренний мир — выход (не только для него, но и для тысяч, миллионов зрителей!) из вонючей и грязной помойки жизни, которую он прошел до дна.

* * *

Сегодня Романтик понял, что влюбился в Незнакомку. Он знал это еще тогда, когда увидел ее в первый раз. Он долгие годы ждал этой встречи. Всю ночь его больное воображение творило идеальные картины их совместной жизни: не более и не менее — все, или — ничего! В сущности, оно создавало очередной сценарий. Встал Романтик с тяжелой головой, а день под стать его настроению выдался смирным. Вышел на балкон. Там где ельник, шла она. Легка! Словно ждала его. Улыбнулась издали. «Взгляду взгляд издали. // Кто ты, Незнакомка? // Улыбнулась. И века // Замелькали звонко.» Стихи, стихи... А она то ли приветливо, то ли прощально взмахнула рукой. И он, подавив робость, решился.

С непривлекательной женщиной, которая работала по коттеджу, приходил вечером помогать мальчонка лет десяти, ее сын. Иногда Романтик просил его сбегать в магазин за сигаретами, за коньяком. Мальчонка непременно выпрашивал на жевательную резинку. Когда получал сверх того еще купюру, глазки его блестели. Романтик попросил мальчика отнести конверт, объяснил кому вручить надобно.

— А-а-а... Этой? У пруда, — мальчонка недвусмысленно повертел пальцем у виска.

Романтик сунул ему десять рублей. Поднялся к себе. Стал укладывать немудреные пожитки. Завтра он уезжал. В дверь постучали. Вошел «посыльный».

— Вот, — сказал он. — Эта передала.

Сердце бухало, как тогда, в детстве, когда он получал записки от одноклассницы.

«Спасибо за теплые стихи. Мне никогда никто не посвящал стихов. Но Вы выдумали меня, создали образ в своем воображении. Я — простая, обыкновенная женщина. Давайте встретимся и поговорим. непременно завтра. Анна.»

Строки записки стучали в его голове, сердце казалось в каждой клеточке его естества. Они возбуждали, порождали непреодолимое желание близости и нежности, что он давно уже не испытывал и не имел. Романтик шагал по комнате. Выскакивал на балкон. Вдыхал осеннюю прелесть. Но прохлада ночи не могла погасить вспыхнувшую в нем чувственность. Он почти не спал в эту ночь. Лишь к утру забылся в смутном сне, а очнувшись, улыбнулся своим терзаниям: они были наивно-несбыточными, даже глупыми, уже уплывающими от него в марево тех пространственных измерений чувств и переживаний, временные понятия которых неподвластны нашему разуму.

* * *

К даче подкатил новенький «Мерседес». Но ворота не открылись. Из калитки вышел мужчина среднего роста. Среднего возраста. Средне одетый. Ничем не привлекательный.

Он сел в машину. Достал из черной сумки стостраничную рукопись. Отдал. Ему протянули стодолларовую купюру.

Романтик обернулся в сторону пруда. Ему показалось, что там, на темно-зеленом фоне мелькнули светлые осенние волосы. Машина быстро набирала скорость. Он попросил остановиться. Вышел из машины и спешно затрусил по мокрому асфальту назад. Сумка была не тяжелой: все свое с собой он нес в новую жизнь.

Но, подходя к старому пруду, подернутому у берегов бледной ряской, не знал Романтик, что часом раньше приехавший муж увез Анну — Незнакомку.

В его сценарии этого не было.

ТВОРЕНИЕ

(рассказ)

1

Уж которую светлую ночь он не спал; они, ночи эти, были белым-белым от свежего богатого ныне снега и от низкой луны; сметанная застоялость этих ночей не струилась, а ползла густо, заволакивающее-горбато;

оттого они, светлые ночи эти, длились нещадно долго. Белая постель проваливалась душной подушкой, топорщилась сбившейся простыней, наваливалась тяжело ватным одеялом. От вынужденного лежания рука немела от кончиков пальцев, сначала тупая боль отдавала в суставе локтя, затем обострялась и резко пронзала ключицу, впивалась колко в самое сердце.

Сегодня он не выдержал: встал, оделся, пошел в сад, где с осени бросил лежать не распиленными, не расколотыми толстые комли деревьев, взял лопату, стал откидывать сыпучий на крепком морозе снег; вскоре зачернела кора стволов.

А вот и оно, что звало в эти тягучие ночи: оно представлялось ему... Нет, не этим кургузым обрубком древесины, нет, оно было живым образом Той, то ли голенастой девчонки из далекого-далекого прошлого, в которую он был влюблен по-мальчишечьи робко, то ли строгим белым лицом умершей много лет назад жены, то ли таявшим томительно-печально смутным женским ликом с распущенными льняными волосами; этот образ стал ему настолько дорог, что он уже не мыслил без него длинные зимние вечера и бессонные ночи; он стал замечать, что разговаривает с этим видением, советуется, ворчит и сетует на суетность и бессмысленность оставшейся своей жизни; и если поначалу он понимал, что этот загадочный лик женщины — всего лишь плод его воображения, то со временем уверовал, что когда-то с этой женщиной был близок (словно всю жизнь прожил), только почему-то потерял ее на время.... Ну, пусть не совсем так, пусть: когда-то они виделись лишь мгновение, — от этого тоже тепло и трепетно душе его, хотя все-таки приятнее было думать, что она была (и не просто была — была всю жизнь, ту, другую жизнь, может, выдуманную, воображаемую, но близко-ощутимую), она была с ним, его единственной любимой, потому он видел ее всю в этом черном, перевитом годами да степными кручеными ветрами комле; светлый Лик ее он видел в этой светлой ночи.

2

Он был Мастер. Всю жизнь проработал столяром. Он понимал дерево, точнее даже — чувствовал его, знал характер, структуру, повадки той или иной древесины, заготовки из нее; он мог предугадать по каким-то, даже ему самому неведомым признакам, что вот эта досочка, уже прогнанная на рейсмусе для стенок ящика стола, с уже фрезой «ласточкинским хвостом», даст вот здесь, у этого еле заметного ковыльнувшего волокна, трещинку, не сейчас даст — со временем; или вот эта — сколотая дубовая заготовка (выдержанная, как ей полагается для изделия, восемь лет) ни за что не пойдет на филенку, ее витиеватость не поддастся прямолинейной обработке, сколы упрямо будут выскакивать из подведенного до остроты бритвы полотна рубанка; мало того: даже обработанная на фрезерном станке с напрягом, она ни за что не ляжет рядом с другими заготовками в цельную деталь, будет капризно отталкивать от себя соседей справа и слева, образуя всякий раз щель, что недопустимо в филенке; не принудит ее к этому ни столярный, ни то, что ныне в

ходу, клей ПВА; лучше с ней не спорить, такой у нее характер, из нее можно сделать то, к чему она благоволит, к чему стремится в самовыражении, в своей упрямой индивидуальности: обточенная искусно понявшим ее Мастером, она навеки угнездится балясиной, держащей перильце крыльца, радуя глаз человека, — она свое место нашла!

Он был Мастер. Он болел. И когда на мебельной фабрике с подобающей его квалификации работы (в последние годы фабрика все чаще простаивала, хватая случайные заказы), он и ушел, как говорили, на заслуженный отдых.

Каждое утро, превозмогая немочь, он брел к верстаку в свою маленькую мастерскую, пробовал что-то делать: нестандартные рамы на окна, мелочевку всякую; заказывали иногда бабы, те, которые еще держали коров, немудреные, однако, не выпускаемые почему-то предприимчивыми людьми, посудины для сбивания масла — этакие народно-выдуманые, причем не так давно, компактные деревянные механические машинки вместо бабушкиных колотушек, громоздких и не таких эффективных. То еще с какой надобностью деревянную обращались. Делал он все, но делал как-то автоматически, оттого деревяшки артачились, они не любят бездуховного обращения с собой; если у него что-то и выходило, то выходило каким-то безжизненным, ширпотреб. Крупная слеза катилась по его заросшей сивой щетиной щеке, растекалась на дрожащем подбородке.

Он был Мастер. Он делал за свою жизнь из дерева буквально все: от табуреток до сложнейших сервантов-горок с замысловатой, неповторимой резьбой. Но никогда Мастер не резал из дерева не то что птички, не говоря уже о других образах. И вот на склоне лет он почувствовал извечный зуд творчества, который не дает покоя, который возраст не признает, который, если вползет в человека, в душу его и сознание, то ведет либо к взлету, либо к падению. К Мастеру пришло ощущение готовности создать неповторимую красоту, зов того непонятного разуму порыва, дающего бьющие через край силы и замирание души, сладкое от непостижимого взлета вдохновения.

3

Еще только светало, светало совершенно незаметно: сметанная густота ночи становилась прозрачнее и прозрачнее, а Мастер снимал звонким топором кору с того самого бревна, в котором он увидел светлый Лик ее.

Бывают дни: они впрессовывают такие периоды жизни человека, что кажется ему — свершились за эти дни годы; совершенно необъяснимое явление времени, когда пик жизненных обстоятельств вдруг выбрасывает нас будто лет на несколько вперед от дня сегодняшнего, в другое временное измерение. Наиболее остро эти временные парадоксы наблюдаются у людей, побывавших за гранью этой жизни, пред ликом смерти; чудом возвратившийся оттуда человек приобретает другой взгляд на жизнь, словно в другое время, и то, что для других живущих настоящее, для него — прошлое, а то и единое: прошлое, настоящее и

будущее. Проявляется подобное и после творческого всплеска, вылившегося в то или иное Творение; чем значительнее и талантливее созданное, тем длиннее временной период, в зависимости от того, сколько накопленной энергии потребовало самовыражение, той энергии, что копит годами, а то и целую жизнь, человек в себе. Эти временные несоответствия наиболее видны тогда, когда вдруг, в одно мгновение, ты становишься далек от своего Творения до такой черты, что оно начинает жить самостоятельной жизнью, кажется уже и не тобой сотворенное, и словно не было этого мучительного (и самого счастливого!) процесса воплощения разума и души твоей в этом Нечто, не принадлежащем уже тебе Творении. О кому? Кому оно теперь принадлежит? Почему оно вызывает теперь у людей чувства, затрагивающие неведомые дали из разума и переживаний, всплескивает в душе гимн жизни? Но — это не твое, это — его, созданного тобой. Но ушедшего безжалостно от тебя, невозвратно, навсегда! В этом Творении — то высшее, что с пьедестала сегодняшнего, обыденного кажется тебе уже недоступным, и ты бессилён понять: как же ты сумел сотворить это — высшее Творение? Не понять потому, что ты уже далек во времени от него.

4

Мастер стоял, лицо его светилось, на порозовевших щеках золотилась щетина от яркого весеннего солнца. А на него смотрели загадочно глаза той, Лик которой теперь ожил в дереве. Она закинула левую руку, поправляя свои распущенные льняные волосы. Этот томный выразительный жест, тугое тело, что, казалось, порывисто дышит, просвечиваясь под легким одеянием, — все ждало неутоленной любви и материнства. Такой он Ее увидел.

Ему дано было увидеть. Дано было сотворить!

Евгения Брякова (Оренбург)

ТАК БЫВАЕТ...

Я ПРИШЁЛ ПО ПРИГЛАШЕНИЮ К ЭТОЙ УДИВИТЕЛЬНОЙ ДЕВОЧКЕ. ОНА СИДЕЛА И ГРЕЗИЛА.

Белый, зелёный и красный. Обмакнуть кисточку в воду и снова: белый, зелёный, красный.

Белый, зелёный, красный. Три цвета, по кругу, туда – обратно. Белый, зелёный, красный.

– НЕМНОГО РАССКАЖУ О СЕБЕ, – СКАЗАЛА ОНА, И Я НЕОЖИДАННО УВИДЕЛ, ЧТО ОНА СЛЕПА.

– Я всегда любила рисовать. Не знаю, хорошо у меня получается или плохо, но рисовать я люблю. Когда рисуешь, главное не то, что ты рисуешь, а то, как ты это делаешь. Линия – что, цвет – как. Я никогда не умела рисовать линий, а вот с цветом у меня всегда всё было в порядке. Я всегда чувствовала его. Цвет – это эмоция, сила, радость, грусть, воздух, огонь, небо... Да, с цветом у меня всё в порядке.

Я чувствую его. Вы понимаете, что значит чувствовать цвет? Это легко на самом деле. Я прикасаюсь к жёлтому – и мне тепло, и радостно, и щекает. А если капнуть в жёлтый немного синего, совсем чуть-чуть – тепло станет прохладным, свежим, как ветер в солнечный день. Как, вы не знаете, что такое прохладное тепло? Это одновременно и холод, такой холод, какой бывает у лимонада из холодильника, и лёгкий, едва заметный жар... Ой, простите, я увлеклась.

Цвет – это жизнь. Цвет – живой. А лучший друг цвета – свет. Благодаря ему цвет каждую секунду меняется. Жизнь цвета не зависит от художника, цвет меняется только благодаря свету.

Ну вот, я уже готова назвать себя художником. Не слушайте меня, на самом деле я не художник, я просто люблю рисовать. У меня есть один огромный мольберт и один небольшой, чтобы я могла рисовать на улице, много-много бумаги, вся моя комната завалена цветными карандашами и тюбиками краски, кисточки лежат повсюду, сегодня утром, например, одна больно ткнулась мне в бок, когда я ещё лежала в кровати... Но я не художник. Правда, мама несколько раз хотела показать мои рисунки своим друзьям из художественного училища, она сказала, что им точно понравится, но я попросила её не делать этого.

Девочка улыбнулась, помолчала секунду и снова окунула кисточку в воду.

– Я никогда не училась рисовать. Сначала не хотела, а потом было уже поздно. Я не жалею об этом, но есть люди, для которых это важно. Такие, как моя мама. Недавно она предлагала пригласить мне учителя. Сказала, что если мне это так нравится, я могу учиться, несмотря

ни на что. А я не хочу. Ведь этот человек... Учитель должен будет приходиться ко мне, пытаться заставить меня понять, рассказывать, показывать...

Она тихонько рассмеялась.

Подул ветер, надулись прозрачные занавески на окне, за дверью что-то зазвенело. Она подняла голову.

— Слышите? Это музыка ветра, кто-то подарил мне её, кажется, уже целую вечность тому назад. Я просыпаюсь под неё каждое утро. Посмотрите, я её однажды нарисовала, где-то справа на стене должна висеть... Да, где-то там. Та, что в тонкой белой раме.

Я посмотрел в ту сторону, куда она указывала. Среди десятков картин на стене в белой раме была только одна. Издали мне показалось, что это большое объёмное голубое пятно. Я подошёл на несколько шагов ближе и ахнул.

Все оттенки голубого, которые только могут существовать в природе. Циан, похожий на искры солнца в морской воде, лазурь, похожая на высокое небо в полдень, почти прозрачный льдисто-голубой, тоже похожий на небо, только морозным зимним утром, что-то переливалось сталью, в некоторых линиях сиял яркий ультрамарин... И ещё сотни оттенков, названий которых я не знал, которым я даже не мог подобрать подходящее сравнение. Они вихрились, переплетались, распрямлялись вертикальными полосами ближе к нижней части границы рисунка и уходили куда-то за его пределы. Снова подул ветер, надулись шторы, пуская тени и солнечные зайчики по всей стене, снова что-то зазвенело — и рисунок ожил. Все полосы, завихрения, переплетения пришли в движение, по поверхности словно прошла зыбь, бумага будто запульсировала, будто задышала под изгибами цвета. А я не мог вдохнуть, я смотрел и не мог оторваться от этой голубизны, от этой ясности прозрачных движущихся линий, от этого живого, от этого дышащего существа. Сердце сжалось, что-то оглушительно застучало в висках. Я не мог пошевелиться.

Через секунду всё закончилось.

Замолчал звон, замерла занавеска. У меня закружилась голова, я сделал шаг и упал назад в своё кресло.

— Скажите, пожалуйста, что-нибудь. Вам нравится?

Тоненькая светлая девочка повернулась на стуле в мою сторону и уверенно улыбнулась, не открывая глаз. Я с трудом смог выдавить что-то одобрителное.

— Знаете, иногда мне хочется узнать, что на моих рисунках. Вернее я, конечно, знаю, что на них, но я бы хотела увидеть их так, как видите вы, вашими глазами. Ведь вы, наверное, видите не только цвет, как я. Интересно, получают ли у меня линии? Я, конечно, говорила, что линии — не главное, но всё-таки здорово было бы уметь их рисовать...

Она тряхнула головой и также с улыбкой продолжила:

— Я знаю, зачем вы здесь. Вы не первый врач, к которому обратилась мама. Но знаете, всё в порядке. Правда. Я люблю цвет. То, что я его не вижу, не значит, что я его не чувствую. То, что я его не вижу, не значит, что его нет. Я справлюсь. Все рисунки, которые есть в этой комнате, я создала уже после того, как... После. Я всё ещё могу рисовать, а больше

мне ничего не надо. Вам не нужно беспокоиться обо мне. Пожалуйста, скажите это маме. Не нужно обо мне беспокоиться. Всё будет хорошо.

* * *

Когда наше время подошло к концу и я уже собрался уходить, она окликнула меня и попросила на секунду вернуться в комнату. Я вопросительно посмотрел на её мать. Та кивнула.

Стены в комнате окрасились в цвет розово-оранжевого заката. Она легко взяла меня за рукав и подвела к мольберту.

— Пока мы разговаривали, я всё представляла себе вас, всё думала, какой вы. Вы мне очень понравились, — она снова улыбнулась этой своей робкой улыбкой. — Я очень давно не видела людей, поэтому не могу нарисовать настоящий портрет. Но я могу нарисовать вас таким, каким чувствую. Вот, пожалуйста, возьмите его. Это мой подарок.

Тогда я не успел толком разглядеть рисунок. Передо мной мелькнула яркая белая точка, окружённая чем-то зелено-красным. Я ещё ничего не увидел, а она уже сворачивала его и вкладывала мне в руку.

— Я слышала, что вы сказали маме. Спасибо. Может быть, теперь она перестанет изводить себя, ведь она ни в чём не виновата. Это был несчастный случай. И я всё ещё могу жить, я должна жить, мы обе должны жить.

Мы немного помолчали. Закат за окном становился всё ярче.

— И ещё я слышала, как вы меня назвали. Творец. Создатель. — Она вздохнула и покачала головой. — Никогда не говорите никому такого. Потому что если это окажется неправдой, человек не сможет с этим жить.

Мы помолчали ещё немного. Снова подул ветер, зашевелив колокольчики где-то за окном. Я понял, что мне пора уходить.

Её мать встретила меня у порога грустной улыбкой. Она проводила меня до ворот и пожала руку. Я кивнул ей на прощанье и оглянулся. Из окна дома, отодвинув штору, выглядывала тонкая светловолосая девочка. Я знал, что она не сможет этого увидеть, но помахал ей. Ветер растрепал её волосы, а закат окрасил лицо жёлто-оранжевым.

* * *

Я больше никогда не видел ни эту девочку, ни её мать. Через несколько месяцев меня пригласили работать в институт в другом городе, и я уехал. Больше никогда я не занимался психологической реабилитацией детей. Эта девочка была моим последним пациентом.

Много лет спустя я снова был проездом в том городе. У меня было четыре часа между поездами, и, поскольку в этом городе у меня никого не было, я решил найти их дом. Сам не знаю, зачем.

Новые хозяева сказали, что купили дом у пожилой супружеской пары. О слепой девочке-художнице они никогда не слышали. Почему-

то они разрешили мне войти и осмотреть дом. Наверное, я не был похож ни на грабителя, ни на маньяка.

Я быстро нашёл её комнату. Она была абсолютно пуста, как оказалось, новые хозяева только что переехали и не успели ещё заставить её мебелью. На белых стенах играли блики заката. В окно подул ветер, и взметнулась несуществующая занавеска. Я закрыл глаза и услышал звон колокольчиков...

Евгения Владимировна Брякова учится в 11 классе гимназии №2 г. Оренбурга. Её интересы — чтение книг и наблюдение за окружающим, психология и физика, люди и их взаимоотношения, соционика и Япония... Япония — давняя и страстная её мечта. Женя уже несколько лет изучает японский язык и культуру.

Рассказ «Так бывает...» — первый в задуманном цикле небольших рассказов об ощущении и понимании жизни, людей и себя в этом мире.

ЕВГЕНИЙ МЮЛЛЕР

г. Санкт-Петербург

ВОЛОГОДСКИЙ ТРИПТИХ

Встреча

Ты помнишь – автобус почти что проехал развилку:
легко ли в октябрьской тьме разглядеть поворот.
И громко стучали по мерзлomu в комьях суглинка
две пары сапог, и во тьме лишь светлел отворот

твоих голенищ. Ты любил завернуть их пониже
с армейских времен – уж таким был убогий наш форс.
И как и тогда – разворот недочитанной книжки
торчал в сапоге. Между тем, полуночный мороз,

продавленный сквозь мелкозерное звездное сито,
уже серебрил в колеях очертания луж.
«Однако под утро, боюсь, во дворе из корыта
Хавронье не пить, – ты заметил. – Аль, слышь, или уж

молчком околел?» – Ты взглянул и привычно поправил
очки, притыкая за дужку их ближе к бровям.
«Поди, добредем. От силов, с полчаса, слово право,
шагать до деревни, а ей – тихо двигаться к нам».

А может, и вправду мы только стояли на месте?
Взглянуть выше черных, скрещенных в качанье ветвей –
недвижное небо смотрело жестоко и честно,
тебе обещая лишь мрак, хочешь – пой, хочешь – пей.

«Не дрейфь. Воң, уже Рукины две могучие крыши, –
кивнул головой ты на видный у леса сарай. –
Теперь до Горы ты, поди, и один бы уж вышел,
ведь прямо идти – ты запомни на всякий случай.

Вот в этом малиннике видел братан мой медведя,
когда вместе с батей в июле пошел за корьем.
Не врет, потому что в тот день, поздно вечером едя,
я видел следы, их еще не размыло дождем.

Да, было б светло – я встречал бы тебя с мотоциклом.
Угробиться нынче не долго на этих буграх.
Нести тяжело? – потянулся ты к сумке набитой. –
Своих мы не грабим. Давай, хоть возьмем на растяг.

Неплохо еще, если б ты чуть приехал пораней.
В конце сентября мы косили еще солонух.
Последний мой гриб в ночь мороз до того остеклянил,
что стал он прозрачным, включая улиток и мух.

Меж тем поредели деревья у края дороги,
и на косогоре поскотины черная жердь
вскочила зигзагом, и сразу почуяли ноги –
дорога чуть в гору пошла, и хотелось смотреть,

как, темного неба чернее и слабо белея
дымком – только звезды и были еще в этом мраке сплошном, –
пять изб на верху косогора столпились несмело,
и в двух три окошка светились приветным огнем.

«Вон, первая наша. Конечно, хоть это не Питер,
Но нынешней меркой деревня не так уж мала».
Ты снял и ладонью фуражку по ободу вытер.
«Так, в сенях и кухне горит, значит, мать не легла».

«Не спите? Веду... Гость чуть было в Торжок не уехал.
Глазее, смотрю, в нашу темень в окно у дверей.
Скидай сапоги. Вижу, куртка из рыбьего меха.
Коль что – в сенях ватник висит для почетных гостей».

Давай-ка к столу. Поглядим-ка, чем хата богата.
Картошка вот, студень, грибы да яичек пяток.
Вот драники, типа оладий – ну, хватит на брата.
А вот – самовар. Из него, чай, не пил ты чаек.

Грибы – это наш вологодский царь-гриб, в просторечии – рыжик
Его запасая, мы соли немного кладем.
Заго до весны – хоть в пирог, хоть, в супец иль, я вижу,
с лучком, чесночком, как сейчас, закусить подаем».

«Надолго ли к нам?» – «Говорит, что пробудет неделю.
Конечно, когда с голодухи ранней не сбежит». –
«Чегой-то? Теперь-то? В июне – так вправду мы ели
Толченый лучок с простоквашей. А нынче ль не жить?»

Всего-то полно. Позарезана уж и скотина...»
«Короче, как слышишь, нам хватит рогов и копыт».
«Да ну, у тебя, что ни слово – так тут же бухтина.
Чай, гость не такой. Может, снова чаечку налить?»

«Я вот что... Мне завтра, кровь с носу, в лесничество утром.
Ты, хочешь, с ружьем погуляй иль поедем со мной.
Посмотришь бардак, называем который мы мудро
«лесное хозяйство», как принято нашей страной».

Коль так, то – пора. Мать, как гостю, тебе постелила
на новом диване. А я на полу буду спать.
Тюфяк и две шкуры медвежьи позволят премило
соснуть, ну а мыши, дай Бог, до утра не съедят».

«Послушай, негоже сгонять так хозяина гостю.
Ложись на диван, ну а я – так, когда еще случай придет

под шкурой поспать?» – «Коли хочешь, так я-то не против.
Мать всыплет – не с бани, белье, по ее, пропадет.

А то, может, оба? Тюфяк шириной позволяет.
Легли. Но не долго, боясь сон нарушить, лежали молчком.
Не виделись сколько! И вот, службу то вспоминая,
то кто как живет – в разговор все пошло чередом.

И все же тепло, маета, поздний час, да и ужин скромный
свое одолели – вдруг слышу, ты мерно сопишь.
Я словно один оказался в дому незнакомом и темном,
где ходиков стук лишь усиливал полную тишь.

Свет звезд, наполняя собой еле видно окошко,
уже пропадал на герани лапчатых листьях.
Лишь белая печь, как в ответ им, светилась немножко,
да маятник, вправо смещаясь, блестел на часах.

И были ли в мире в ту ночь еще два человека,
еще незадолго до этого жившие каждый в своем
родном уголке, кто б еще так по-дружески крепко
обнявшись, так сладко с улыбкой уснули вдвоем?

На бревнах

Как будто что-то выдернул дергач
из темноты, сгущающейся сразу
за жердями поскотины, где глазу
уже не в силах было мчаться вскачь

по лугу, что как скатерть на ветру
меж лесом и деревней изогнулся,
и с час уже кустом не шелохнулся
в хладеющем осеннем вечеру.

Когда немного выпито до дна
с простой, какая дома есть, закуской,
как это хорошо и как по-русски
на бревнах посидеть на склоне дня.

У каждого хозяина они
на всякий прок лежат сзади забора
среди щепы, трухи, коры и сора,
какой обычно окружает пни.

Здесь не сидят то этак, а то так,
одна лишь есть устойчивая поза,
неважно под тобою что – береза
или сосновый, без коры голяк.

Она предполагает, что в руке,
опертой о колено, папироска
иль сигарета, или козья ножка,
и мысль при этом где-то вдалеке.

Здесь хорошо, к примеру, рассказать,
как ехал поездом, и что была соседка

красы такой, какую встретишь редко,
особенно, когда ее искать.

Что легок был, со смехом разговор,
что на прощанье дан был ею адрес,
что сядешь лишь на бревна – до сих пор
ты в мыслях с ней, спешившей в мае в Адлер.

«Ты знаешь, – ты мне, помолчав, сказал, –
я ей с одной, что с премией, полочки
послал духов, каких нашел здесь лучших.
Вот только адрес я ей свой не дал.
Да на посылке есть он, коль получит».

Охота

О, если бы не самолетный гул,
мог показаться белый след недвижимым
пареньем облаков над сонным жнивом,
где я прилег и, кажется, уснул.

И все еще не раскрывая глаз,
я думал – как же ты сильна, неволя,
вот и опять похитившая в поле,
в траву, сожженную морозом в первый раз.

Осеннее несмелое тепло
к земле едва спустилось с небосклона,
и солнце в это утро – не взошло,
а снизошло с улыбкой благосклонной.

И тотчас, благодарно и спеша,
сквозь изморозь зазеленели травы,
и, согреваясь, горькою приправой
пронзили пар, которым луг дышал.

И паутинка теплая кольнула
мое лицо и понеслась за мной,
и холодок хранили только дуло
и льдинка, с стебля снятая рукой.

Меня вспугнул подъем всей стаи быстрый.
Как дрожь осинника был трепет серых крыл.
Но тишину не уничтожил выстрел,
скорее, он ее и пробудил.

Она сошла на дыме серебристом,
и донеслося вдруг со всех сторон
непостижимо явственно и чисто,
как на траву упал пустой патрон.

И если бы не льдинки на пруду,
что друг о друга бились, бились, бились,
я думал бы, что все это лишь снилось
мне в зябком утреннем полубреду.

ОЛЬГА ДОВГОПОЛ (МАРКОВА)

г. Екатеринбург

Тикают часики...

Тикают часики – тихо так, тихо так – оглушили,
Датами, числами, времени бременем – как пришИли,
Прыгнула – выгнула нАверх шею – не раскрылся...
Беспарашютная – шутка ли, шутка ли – пульс сбился,
В ветреном коконе – путаюсь, путаюсь – как подранок,
Небо распахнуто – странно так – страха нет – значит – рано...
Волею участи – помню ведь, помню ведь – так случалось,
Пробую крыльями – надо бы, надо бы – всё – сначала.

* * *

Те старые стены дышали силой
Израненного исполина,
В запущенном двореке – запах полынный,
И нищенки вид – сырый...

И – птицы влетали в прорехи крыши,
И будто – "служили" тоже,
А песнь Херувимская – неба выше
Пронизывала до дрожи.
Всего прихожан – две сухие старухи,
На клиросе – дьяк с девИцей,
И чувствую, что Бог – среди этой разрухи,
Что именно ЗДЕСЬ – дивилась...
Священник кадил, запинаясь за щепень,
Свершая немногие требы,
Там лики святые – сулили прощенье,
А куполом было – НЕБО.

А кто-то

А кто-то живёт на юге, и с морем запанибрата,
А кто-то считает вьюги – до будущего "обратно",
Обратно – вздыхает морем, полощется птицей белой,
Что с планером легким спорит – крылатого Коктебеля...

Где солнце дарило коже оттенок старинной меди,
А миг, что в "обратно" прожит – разменивался немедля,

Обратно – меняло вкусы: там, выбрав из всех игрушек,
Носила смешные бусы из выкрашенных ракушек,

Проигрывали природе – все выдуманные смеси,
И запах морской был в моде, Шанели сбивая спеси....
Нетронутость Тихой бухты манила тела несмело,
Немея, сказала: "Ух ты!" – всего и сказать сумела,

То, вдруг, потеряв терпенье от ветреников досужих,
Все волны плевались пеной, швыряли медуз на сушу,
Цикады с ума сходили – сводили с ума – цикады –
Пред выбором – "или-или", меж пламенем и прохладой...

Бессонница и беспечность – писали неровной строчкой
Послания в бесконечность – чернилами южной ночи.

* * *

Тот дождь слепой всё шурился от света –
И лето – мимо лил... Предназначался мне
На дне... глоток... один. Я знала это,
Но не успела – ах! – Не досчиталась дней,

И эта странная, заплаканная осень –
Что прятала лицо – зачем тут Я стою? –
Ей ветер в спину бил и, дёргая за косы,
Всё время подгонял, как пленницу свою...

Я не успела... нет... – поймать рукой озябшей
Лимонниц тополей за мёртвое крыло:
Вмиг всю листву с дерев, так безмятежно-спящих,
Вперед и как-то вверх порывом унесло.

Зима уж тут. И пялит глаз с бельмом,
Отыскивает щели в старой раме...
Я опоздаю знать... знать не хочу – о чем
Все шепчет-шепчет в них – холодными губами.

Саломея

Плясала так, что время – загляделось.
На вздохе – пресеклось.
И зной сгустился. И опахала – замерли в руках.
У веселившихся – застрял их смех в гортани...
Вскипала кровь. Вино вскипало в чашах. И плавился рассудок, как свеча.

Четвертовластник дремлющий очнулся. Дрожь всколыхнула нервы дряблых век.
И, наострив глаза и уши, следить он начал за происходящим. Тот танец – тронул –
за еще живое...

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Когда всё можешь – скушно жить на свете... В избытке – ощущение пустоты...
Не создан тот, кто ПРОТИВ скажет... что проку от бесчисленных сокровищ,
когда черно в душе... и пусто... пусто...
Без устали – плясала Саломея!

Так часто дети – для себя танцуют... как будто и не видя никого; под музыку, что в них
самих звучит...
Но, только здесь – другое...

В больной, хмельной крови – её победа! И смеет ведь, браслетами звеня и поверх глядя,
от всех одежд освободиться в танце...
змея... так кожу старую меняет, чтоб показаться в подлой красоте. Нагой.
И торжествующе-прекрасной.

Как тело вьется смело и умело!.. Порок её и сила обольщенья, что с материнским
молоком она впитала... –
– в глаза вам брызжет пьяным молоком!
И, глядя на невинную порочность, глаза мужчин и Ирода – вспотели...

Сам воздух – источал – желанье, и старая, пресыщенная плоть – бубнила: "дай!"...

Так – дайте ж ей – что хочет! Кто скажет "нет" – плясунье этой?.. Угодила!

За щиколотки тонкой взмах – звенящий, убийственную пляску острых грудей, за
колокольцы смеха твоего – проси, что хочешь... слово Властелина!
– "Хочу – главу Крестителя – на блюде!" – вот был ответ нежнейшей девы той...

Услышав о назначенной цене – он передернулся – какие ж бабы – дуры – возьмите вы
полцарства, но не ЭТО ж?! И – холод перечел все позвонки...
Но, падчерицы девственные губы так просто произносят слово "смерть"...
упрямо требуя своей награды: "Главу пророка... больше ничего..."

И – слово он – сдержал...

Она, схватив, кровавую добычу, и не остыв еще от бешеного танца... всё пляшет с нею,
пляшет, пляшет... пляшет... целует мертвый приоткрытый рот, смеясь...
И, кажется, расстаться уж не хочет со страшною игрушкой своей.

Она легко уснула. И сон тот был весёлым: несло всё и кружилось, как водопад с горы;
захватывало дух от этого паденья, лишь дна всё не было в той сладкой черной бездне.

А где-то рядом – мать – кричит – "Все факелы зажгите!!! Не оставляйте ни на миг...
меня одну!!! ОН – всюду!
В нем – гнева – нет, и ненависти – нет... Как он – ужасен – Его печальный,
неотступный взгляд...

Рифмы

Рифмы и нимфы. И строфы, и мифы...
Игры в серсо – невидимками-нимбами,

Топанье лёгкою ножкой капризницы –
Прихотей, хитростей – правила – признаны.

Смело – насмешлива, шалая вольница,
С левой ноги вы встаёте, как водится...

Шалости ваши – наивно-безжалостны:
Каплей сквозь пальцы уйдёте, хоть жалуйся,

С громом небес и пустынным безмолвием –
Были помолвлены... разве не помните?!.

На-те!

Распростёртым крылом – в кремень,
В балаган площадных пощечин,
Расчленил – не один день
Метронома холодный счетчик,

Клювкой в сахаре – скрыта боль –
За улыбкою с "кислотцою",
И привычную стала роль –
В стаде слыть паршивой овцою.

Грубо порванная струна,
Прокричавшая так некстати,
Развороченная стена.
Твоей крепости. Брешь. НА-те!

Остров

Ты – мой остров необитаемый,
Неосвоенный, неприкаянный,
Не привыкший делиться тайнами,
На забытый причал – похожий.

Не касаюсь – танцую пальцами,
Заворожены – теми танцами,
Неуёмною, смелой сальсою –
По горячей, солёной коже...

Лабиринтами и изгибами,
То ли – весело, то ли – губительно,
Может выплыву, может – сгину я,
Как растерянно брови – вскинул!

А глаза, что наивно прячутся,
С провидениями незрячести,
Я свои – капли две – коньячные
Уронила в твои – морские.

СВЕТЛАНА КУЗНЕЦОВА

г. Берлин

На закате

Когда багряный диск закатного светила
Тихонько клонится за лес,
Такая тишь объемлет всё окрест!
В ней жизни новой сила.

Средь этой тишины – вдруг гулкий
перестук
Иль крик гортанный чаек –
Любой негромкий звук
И четонок, и печален.

* * *

Оглянись, мой попутчик случайный,
Распрямись, сбрось оковы невзгод,
Наглядись на ромашек венчальный
Луговой, рассыпной хоровод.

Пусть сердца наши жадно вбирают
Многоцветье, росу на лугу,
Где купальниц головки кивают,
Жёлтый цвет разбросав на бегу.

И да сбудется в час мой последний
Под сочельник с дурманом хвои
Увидать разноцвет этот летний
Да глаза дорогие твои.

Ферапонтово, май 1986 г.

Осенний лес

Осенний лес торжественно прозрачен.
Цвет облаков печален и невзрачен.
Березок тонких частый белоствол
Листом червонным устилает дол.

Опало пламя рыжего пожара –
Симфония к концу. Лес мрачен и безлик.

Аккорд последний царственного дара –
Стай птичьих жалобно-прощальный крик.

* * *

Переплелось, перекрестилось –
Любовь, родство случайных встреч.
Им и не грезилось, не мнилось,
Что горе будет их стеречь.

Не обошла их доля злая,
Любовь и жизнь разделены.
Ей в назиданье – жизнь земная,
Ему – межзвездные миры.

* * *

Весенний, загульный ветер
Со струн ещё спящих ветвей
Аккорды срывает и весел –
Летит вдохновенный Орфей.

Ласкою тёплой ветер
Разбудит ветви от сна.
Они ему песней ответят –
Весна прилетела, Весна.

И зашумят возбуждённо,
Предчувствуя счастье весной,
И смолкнут, застыв сокрушенно,
Окутанные тишиной.

А Ветер – лихой проказник –
Гуляет над крышами в ночь,
Любви навевает праздник,
Дождаться его нам невмочь.

Туман у Ферапонтова монастыря

Лохмотья рваные тумана
Клочками белыми висят.

Пейзаж классичен, без изъяна,
Осоки сонно шелестят.

Туман живой. Я вижу – дышит.
Вот он опал и вновь завис,
А сквозь него – углами крыши –
Туман по ним стекает вниз.

И вдруг, прорвав его крестами,
Вознеся, надо всем паря,
Седыми древними главами,
Как песня, лик монастыря.

Вереск

Бисер матовых жемчужин
Буйный вереск унижал.
По дороге стекла-лужи
Дождь-проказник разбросал.

Глубь небес в стекле струится,
Вереск жемчугом рядится,
И стоят, добром богаты,
Леса летнего палаты.

Карел. п., 1986 г.

* * *

Мир замер. Хотя уже апрель.
И, как на Новый год, пороша
Бросает пригоршни горошин,
Искрится снегом канитель.

Вальсом танцующего снега
Мир околован и молчит.
Во всем томительная нега,
Лишь сердце трепетно стучит.

Как в чудной сказке сновиденья,
Безмолвно кружит конфетти.
Мир замер и без нетерпенья
Ждёт обновленья в забыты.

Ни в чём ни спешки, ни волненья,
Нет ни досады, ни сомненья –
Одно святое вдохновенье
В душе покой, любовь, смиренье.

* * *

Играет пенная стремнина,
Кипит, свергаясь, белый вал,
Как чувств безудержных лавина,
Страстей сжигающих обвал.

Времен ушедших тень нетленна.
Мы жаждали, судьбу моля,
Любви пленительного плена
И жизнь дарящего огня.

Но жизнь, как буря, пролетела,
Погашен свет у алтаря,
Как краткий миг прошелестела,
Померкла, вспыхнув, как заря.

Ферапонтово, 1986 г.

Белая ночь

В глуши архангельского края,
Средь топей северных болот,
Закатным золотом играя,
Жемчужным блеском удивляя,
Ночь белый свет стеклянный льёт.

И светлым чудом обновленья
Нас дарит ночь из года в год.
Приносит радость озаренья
И взлет святого вдохновенья
До очищающих высот.

Март 1993 г.

Ленинград

Хожу-брожу по закоулкам,
Где подворотни стонут гулко
И вечно ветра кутерьма
Средь незабвенных переулков.
В ночи трепещущая тьма
Шедевры зодчества скрывает.
Нас их величье поражает,
Ансамбль зданий глаз ласкает,
Пьянит решётки дивных вязь,
И... каменеешь, затаясь,
Расстаться хоть на миг боюсь...
Хожу-брожу по закоулкам,
Где подворотни стонут гулко...

* * *

Мой город гордый, несравненный,
Мой собеседник сокровенный,
Любуясь красотой твоей,
Я вспоминаю неизменно
Черёд твоих блокадных дней.

Ты весь был горем заморожен.
Предсмертный взгляд – как меч из ножен.
Щемящий крик и смерти лик
Над городом, как рок, возник.

Уж сколько пролетело дней...
Но не забыть твоих страданий,
Беззвучно рвущихся стенаний,
Бессмысленных людских смертей
И страх и боль в глазах детей...

Минуло больше полстолетья
С тех страшных дней – дней лихолетья.

Николаю Олейникову

Бурлеск и буффонада –
Все есть, все по плечу.
Не стать – Поэтом надо
Родиться смехачу.

1988 г.

* * *

Николаю Гумилеву и людям его судьбы

Сколько же безвременно ушедших
В неизвестность и в небытиё,
Недоверье, гнев владык навлекших
И бессмертие не встретивших своё?

Сколько же безвременно почивших,
Не предавших, не оговоривших,
Выше жизни чести долг ценивших?!

* * *

Из дали лет, из тьмы тысячелетий
Ведет отсчет история людей.
Им ведом мрак и горе лихолетий,
И звон колоколов, и каторжных цепей.

И рабский труд, и безысходность гетто,
Убийственность жестокого навета.
Им ведом произвол и беспредельность власти,
Бессилие, что сердце рвёт на части.

Зачем «любой ценою» горький вкус побед?
Как оправдать бессмысленный запрет?
Абсурдность дел – безвременья примета
Риторика! – Вопросы без ответа.

Памятник солдату

Огонь рябин и гущи хвойных крон
Зажглись багровым заревом заката.
Внизу – в граните – брёвна в два наката,
А в небе чаек белокрылых стон.

Здесь был немецкий дзот когда-то.
И захлебнулся он
Горячей кровью юного солдата.
Безмерна и бесценна жизнь как плата
За жизнь других. Солдату –
Память и салютов гром.

Сжимает горе холодом виски.
Он здесь навечно в розовом граните.
Скорбя над ним, в полуденном зените,
Сгорают солнце в пламени тоски.

Солдатский подвиг – памятью былины.
А кровь солдата – гроздьями рябины.

Комарово, 25.07.1986 г.

В суете вседневной круговерти,
В сутолоке буден и оков
Веселы, беспечны и не верим смерти,
Для стихов не бережем часов.

Сколько ненаписанных сонетов?!
Столько же невысказанных слов,
Мнившихся, да и ушедших снов,
Как песок сквозь пальцы, у поэтов.

Январь 1988 г.

Иван-чай

На пожарищах и пепелищах
Разгорается вдруг невзначай

Средь берёз в предзакатных огнищах
Розоватым костром иван-чай.

Он гордец, он кипреем зовётся.
Стрелы-пики его примечай!
Сказ из века в народе ведётся:
Возрожденья цветок – иван-чай.

Раскаты смеха, свист и шорох
Пугают нас в лесной глуши.
Как леший, дышит листьев ворох
Средь мнимой дьявольской тиши.

Внутри замрёт, потом забудётся.
И, пробегая через лес,
Страшимся дьявольских чудес.
...На поле выйдем – лес смеётся.

Сосна

Грозна погода. Ветер дует,
Лесным чащобам властелин.
Кружит, беснуется, ликует –
Он здесь правитель, он один.

Сосна под ветром изнывает,
Но, не смирясь с судьбой своей,
Раз в лето свечи зажигает
На тёмном бархате ветвей.

Май 1986 года, Феррапонтово

Бегут часы.

Бегут часы, летят мгновенья,
Листает жизнь мою судьбу,
Приходит час успокоенья,
Его не жду, его гоню.
И Богу шлю свои моленья:
Замедли шелест тех страниц,
Продли мне жизнью упоенье.
Паду я пред тобою ниц:
Услышь меня, я жду в смиреньи.

Декабрь 2011 г., Берлин

* * *

Какая радость – воскресенье,
Какое счастье – выходной!
Ловлю столь редкие мгновенья,

Ценю сей миг отдохновенья,
С осенним лесом единенье,
Покоем умиротворенья
И жизнью трудной упоенье,
И вдохновляющей борьбой
В согласи с миром и с собой.

Декабрь 2011 г., Берлин

* * *

За все грехи мои, сомненья,
Как перст судьбы, любой удар
Приму смиренно в очищеньи
Души моей как божий дар.

Пусть недруги мои узнают,
Что я готова их простить,
За них молиться и просить
И пусть их Бог не покарает.

А если боль обид до стона,
Пойду я в лес, как в Божий Храм,
Где купол – кружевная крона,
А воздух чистый фимиам.

И там у самого порога
Оставлю суетный раздор.
Для счастья надо так немного:
Любовь и с другом разговор.

2008 г.

* * *

Новый год опять на пороге.
В уходящем оставим тревоги,
Подведем, оглянувшись, итоги,
Пролистаем года страницы,
Чтобы к новым вершинам стремиться,
Чтобы жизнь начинать сначала,
И чтоб счастье нас привечало,
Чтоб любовь ждала на пороге,
И чтоб нас выбирали боги.

Светлана Кузнецова: Основатель и руководитель двух русско-немецких детских садов в Берлине "Welt für Kinder" ("Мир для детей").

ВАСИЛИЙ ДЕНИСЮК

г. Санкт-Петербург

«Сон»

Вот я увидел снова лица
Всех тех друзей, кого уж нет ...
Но туча белой кобылицей
Замкнула юности просвет!

И я проснулся, сожалея,
Что оборвался сон опять...
А там, под сводами аллеи,
Шла тихо, тихо моя мать!

Я первый раз её за годы
Во сне живую увидал...
Я звал её, но в светлых сводах
Никто мой голос не слышал!

Что это значит? Предсказанье?
Иль просто сон – и ничего...
А может – предзнаменованье
Чего-то Высшего ещё??!

Ошибка

Как хочется забыть всё поскорее,
Но чем сильнее хочешь всё забыть, –
Тем в памяти встаёт ещё острее
Всё, что нам многим вышло пережить!

Мне повезло в судьбе – я возвратился,
Я жив и хоть изранен, суть не в том...
Я так хочу, чтоб каждый поклонился
Друзьям моим, погибшим «за бугром»!

Пускай поклон им будет обелиском
Мы не имеем права их забыть!
А я теперь, – простят мне альпинисты, –
Не буду горы никогда любить!

Во мне сидят те горы, как занозы...
Вчера опять я видел их во сне...
Мне там, в Афганистане, снились розы,
А дома запах дыма снится мне!

А в том дыму друзья мои живые...
Я с ними шел тогда в последний бой.
Какие же мы были молодые, –
А нынче, кто живой – совсем седой!

Теперь же, очевидное, как пытка:
И та война, где полегли друзья, –
Была для нас лишь роковой ошибкой...
Прости её нам, друг на костылях!

Только ты можешь душу согреть!

Я надолго тебя покидаю –
Украина, мой край дорогой!
Только где бы я ни был, я знаю –
Для меня нет Отчизны другой!

Здесь делил я и горе, и счастье,
Словно с мамой родимой, с тобой...
И когда подступили «ненастья»
Не искал я сторонки другой!

Был с тобою до ясного дня я,
А потом уезжал мир смотреть...
Восхищался другой землей, зная, –
Только ты можешь душу согреть!

Только ты, где прошло моё детство,
Можешь сниться во сне мне одна!
Где ещё есть на свете то место,
Чтоб испил я всю грусть до дна?

Чтоб испил свою грусть я до дна?

Мне часто снятся обелиски

Мне часто снятся обелиски
Тех злом окутанных времён,
Поклон наш всем погибшим низкий, –
От матерей, отцов и жён!

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

И сгорели их жизни, как свечи,
Никого ни на миг не щадя!

Даты, даты, – одна за другою,
И скамейки у мраморных плит...
Плачут матери здесь, ветры воют,
И Господь Бог их память хранит!

Ну, а те, кому Русь снилась «Новой»,
Кто бросал жизнь парней под удар –
Их вина в своих судьбах суровых,
Хоть и сами зажгли тот пожар!

Он жил на форсаже

Часто смотрю на портрет, где я с другом,
Порою на миг замерев,
И снова, опять, всё идёт, как по кругу,
Ответ получить не сумев!

Зачем? Почему? Он пошёл на такое,
Что чуждым казалось ему!
Понятно – война бы, – не вышел из боя...
А тут – хмарь мутила страну!

Ему и двадцатника не было даже,
Но как их манил всех успех...
И, кажется мне, что он жил на форсаже,
Чтоб быть не похожим на все!

И был он как есть, не похожим на многих,
А может быть – только один...
Он всё понимал, но свернуть уж с дороги
Не смог, не дожив до седин!

Слепая рутина сгубила их страсти,
Что зрели в тех юных сердцах...
И было плевать на них ветреной власти
И той, что пришёл полный крах!

Я друга жалею, слезу утирая,
На власти же те – мне плевать!
Прошло двадцать лет. Время то вспоминая, –
Я буду всегда проклинать!

Размышления

Из помыслов благих, взгляни окрест,
Немало дел и сделано хороших...

А жизнь идёт – у каждого свой крест,
Свои грехи, своя судьба и ноша!

Выделяет жизнь нам виражи,
Друзей теряем больше, чем находим...
И всё ещё мы верим в миражи,
Когда нам надо верить – в крест
Господний!

Ценим мы по молодости лет
Всего, что нам родители желают...
И все ошибки, и нелепость бед,
Потом слезами горя пожинаям!

Хочу закончить стих я свой на том,
Что всё идёт от нашего зазнайства...
Давайте думать чаще – о другом,
И сгинет наше с вами разгильдяйство!

Хочу сказать!
Я не святой, не праведник, конечно,
Я, как и все, с ошибками в судьбе...
Но баловнем по жизни не отмечен,
Не мало жизнь в поддых давала мне!

Но никому я в мире не был должен
Наверно, только матери одной...
И, если б я ещё бы столько прожил
Я б так и шёл дорогою прямой!

И всё ж хотели наплевать мне в душу,
Друзьями притворившись вдруг, враги,
Чтоб жизнь мою, завидуя, порушить, –
Но Богу видно, так и не смогли!

Тряслись коленки их, поди от страха.
Подлец всегда, наверно, трусоват...
И жизнь определила одним махом –
Кто ждёт в судьбе от подлостей наград!

А я врагов – щажу, уж вы поверьте,
Воспитан по другому видно я...
И никогда не пожелаю смерти,
Но всё ведь видит и сама земля!

И вот сегодня вновь в Иерусалиме
Я перед Гробом Господа святого
Хочу сказать, сомненьем вняв отныне:
«Тельца Вас алчность губит Золотого!»

ЮЛИЯ МАМЫКИНА

г. Оренбург

Сериал

Крутит жизнь за сезоном сезон
Сериал наших дней кинолентой –
И пускай не закончится он,
Нас влечет к мыльной опере этой...

Наблюдаем березок стриптиз
Мы ненастной порой, как причуду,
Звезд ночной бесшабашный каприз –
Их прыжки с неба без парашюта...

И глядим на экран у окна,
Белым снегом метель что завьюжит –
Как на нем – загуляла зима,
Пояском свой сюжет затянувши...

На язык, как обычно, остер,
Распуская потом уже руки,
Вытворяет апрель-каскадер
В каждом сердце опасные трюки...

И художником встанет рассвет –
Растревоженный сном – у мольберта,
Чтоб весны обнаженной портрет
Написать к дню рождения лета...

Для картин своих выберет вид,
Ярких красок палитру разложит...
Но этюды, что он сотворит,
Смажет к осени брызгами дождик...

А судьба – вечный наш сценарист –
Все заносит в блокнот поневоле,
И вручает порою, как приз,
Нам контракты на главные роли...

Одни слова среди бела дня
Чаруют манят и заводят,
Другие, честно говоря,
Совсем друг другу не подходят...

Под вспышки искрометных фраз
Речей несвязных не запрятать...
А мы пытаемся подчас
Слова случайные сосватать.

А дальше как уж повезет –
Каким – остаться неженатым,
И поворотом от ворот
Не быть причисленным к крылатым,

Смысл в своей жизни потерять,
Заматереть в нетрезвой драке...

Каким же – ярче засиять,
В законном сочетаясь браке,

Пленять собой, и ворожить,
А не плестись по жизни сонно
И смело в двери все входить
Под звуки марша Мендельсона,

Шутить и петь, переплетаясь,
В меха закутавшись гармонии,
И обниматься, веселясь
При всех, без всяких церемоний...

Секрет открою вам, друзья,
И оправдаю ожиданье –
Слова сегодня пригласят
Нас всех на словосочетанье...

Словосочетанье

Чтоб выразить восторг и страх,
Любовь и скрытые желанья,
Теряемся мы не в словах,
А в тайне словосочетанья.

Август

Замирает по пути август,
Засмотревшись на небес просинь,
И о чем-то все ещё каюсь,
У высоких ворожит сосен...

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

У высоких ворожит сосен,
Заблудившись в трёх из них,
маясь...

Этот мир пока ещё сносен,
Я с собою до утра справлюсь...

Я с собою до утра справлюсь,
И не буду горевать вовсе –
До тебя – одна гроза, малость... –
А не справлюсь – позову осень...

А не справлюсь – позову осень –
Разбирать в моей душе хаос...
Зная, что его с листвою сбросят,
Замирает по пути август...

Замирает по пути август,
У высоких ворожит сосен...
Я с собою до утра справлюсь,
А не справлюсь – позову осень...

В Петропавловске-Камчатском полночь

Неотложной оказалась помощь –
Самолета промелькнула тень –
В Петропавловске-Камчатском полночь
Улетала в долгожданный день....

Лунный свет случайно разольется,
На губах – глотком последним – мед...
В Петропавловске-Камчатском солнце
Без будильника опять встает...

Воскресенье... Неужели восемь?
Пять часов, поверишь ли, подряд
В Петропавловске-Камчатском осень
СМС-ки шлет в Калининград,

И в удачу наконец поверив,
Ощущая в пальцах своих дрожь,
В Петропавловске-Камчатском время
Переводит, спохватившись, дождь....

А зима уже не за горами –
В сопках близких коротает век...
Ты и я... и где-то между нами
В Петропавловске-Камчатском снег...

Снилось

Снилось что-то хорошее,
Но не помню вот что...

Снег шагает по площади –
Нараспашку пальто...

Хорошо как, товарищи!..
Еще дремлют дома...
Им пуховые варежки
Навязала зима...

Заметает порошею
Неприятностей след...
Снилось что-то хорошее
Раз за тысячу лет...

Бюджетная сфера

Я как рыба в воде, да не в своей тарелке...
Пресною не назовешь – соли пуд горчит...
Мы надолго сошлись на секундной стрелке,
Педагогом снова – жизнь, временем – врачи...

Катись, катись стрелочка да по циферблату...
Поцензурнее опять выбираю фразу –
Все не вырваться никак – так мне, знать, и
надо! –
Не дает завод уйти – часовой... зараза!

Не откроются никак виды на удачу,
Да и сроду мы с тобой не видали виз –
А маршрут у нас один – в выходной – на дачу –
Это – если не бывал – тот еще круиз!

Развлечением – запой – чтиво криминальное,
Штемпель стерт библиотек уж давно до дыр...
И какого ж года ты, книжное издание,
Под названием – для нас незнакомым –
"МИР"?..

Круг общения

Очерчен круг общения
Обещанной чертой –
От просьбы до прощения,
От "Здравствуй!" до "Постой!",
От радости до старости,
От "Позже..." до "Пока!",
От самой малой малости
До журавля в руках,
От утра ранней звонницы

До стихнувшей зари,
От вспыхнувшей бессонницы
До слова: "Повтори...",
От первого до встречного,
От было до сейчас,
Оставленный где с вечера
Остывший пробил час,
Где чай на печке выкипел –
Все некому налить....

Неважно...

Лишь бы было б с кем
О чем поговорить....

Мои стихи

Мои стихи – моя беда,
Проклятье дня, косые взгляды,
Шаги – неведомо куда,
Моя тревога и... отрада,

Мои стихи – моя печаль,
Упавший занавес былого,
Случайно связанная шаль
Из распустившегося слова...

Мои стихи – немая боль,
Скупая дань насущной теме,
Так и не сыгранная роль,
Мое упущенное время...

Рукоделие

А весна взметнулась птицей –
На свободе и в законе,
Только фоном мрачным лица
Дней продрогших на балконе...

На диване мироздания
Срок года в клубок мотают,
И в который раз вязанье,
Не закончив, распускают...

Подкатила колесница,
Но раздумали – не к спеху,
И стучат в колеса спицы,
Пару лет накинув сверху,

А дороги кольцевые,
Что вопросы – да ли, нет ли –

Нарезают лицевые
И изнаночные петли,
И кружатся вереницей,
Задают ответ некстати,
Повторяя, что случится,
Если пряжи вдруг не хватит...

За кадром

Что задумался, ковбой,
Над раскрытым небом чистым?..
Впишемся ли мы с тобой
В журавлиный клин, Клинт Иствуд?..
Кинь скорее в чемодан
Омут дней и ночи заводь,
Ив раскидистых, Монтан,
Прядь возьми с собой на память...
Бледнолицый лик берез,
Что осталось обналичить,
На мустанге в степь унес –
Гой, Россия! – Гойко Митич...
Бурых листьев каламбур,
И к лихим дорогам тяга...
Рад был в осень Радж Капур
Захватить меня, бродяга...
Вмиг промокнув под дождем,
Не утратили азарта!..
Мы с тобой еще споем
Песню странствий, Фрэнк Синатра...

Занавешено окно...
Зацветают в парке вишни...
Мы как будто из кино
Только что с тобою вышли...

Своими руками

Все мы сделаем руками,
Как получится – не важно,
И в стихию оригами
Спустим парусник бумажный,
И бумажный голубь взмлет
К облакам из сладкой ваты...

Опускает солнце в море
Взгляд немного виноватый...

Обмакнем рябины кисти
В аромат густых акаций,
Скрасив будни падших листьев
Акварелью аппликаций,

И пока не разбазарил
Ветер прошлые заслуги,
Соберем с тобой гербарий
Лет раскиданных в округе,
И раскапывать часами
Будем дней прошедших бивни,
И под вечер будем сами
Макраме плести из ливня...

Этот мир, цветной, блестящий,
Будет нашим лишь отныне...

Сделан пусть ненастоящим,
Но руками-то... своими...

Было дело...

Было дело, между делом
Мы гуляли по Парижу,
Дождь накрапывал несмело,
Не сносило даже крышу,
Поднимаясь выше, выше,
Удивлялись мы невольно –
Как оказывалась крыша
Крышей старого Стокгольма?..
И откуда дождь тот брался,
И откуда был он вылит?..
Вылетал в окошко Карлсон
Из-под ручки Астрид Линдгрэн...
Мы стояли на бульваре,
Рвали астры где-то в Пензе,
И под шум дождя всплывали
В самой середине Темзы...
Нас окутывали тайны
Без иллюзий и обманов,
И терялись мы случайно
В дымке лондонских туманов...
Из любого положенья
Выходили мы достойно,
И шагали в направленьи
Бейкер-стрит и Конан Дойла,
В мир затерянный тот двери
Закрывали на день... раньше,
Чем, внушая нам доверье,
Утро двигалось все дальше...

Шел до вечера послушно
Рядом с нами дождь осенний,
Разглядеть пытаюсь в лужах,
Карту наших сновидений...

Песочница

А в песочнице давно снег лежит
И не тает уж который сезон,
Только время все песком тем бежит
По часам песочным за горизонт,

Только время все летит сквозь печаль
Бригантиною на всех парусах,
Попадая в синеокую даль
И слезой морскою тая в глазах,

Пропадая за далекий рассвет,
Руша замки по пути из песка,
И каемкой золотой детских лет
Наше время застывает слегка

За далекую пока ту черту,
За которой, может быть, не конец,
Где к песочнице я смело иду,
Так как за руку со мною – отец...

Все проходит, что тут можно сказать?
И я взрослая теперь уж вполне,
Не пристало, к сожаленью, впадать
В реку детства полноводную мне...

А так хочется порой иногда
До песочницы пройти босиком,
И отбросить по дороге года,
Возвращаясь в детство наше... тайком...

Переведу

Переведу язык дождя
На языки зимы и снега,
Переведу без словаря,
Без сожаленья и разбега,

Переведу случайно взгляд
На снегопад, не в такт, не в ногу
Переведу часы назад
На красный свет через дорогу,

Переведу остатки дня
На депозит грядущей ночи,
Переведу от фонаря
За счет потерь и одиночеств,

И, замерев в прыжке, опять
Переведу на шаг гнедого,
Переведу, чтобы понять
Тебя, мой милый, с полуслова...

Наталья Менендес

РАЗВЕДЁННЫЕ МОСТЫ

(повесть, продолжение)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЖДИ И ВЕРЬ

Короткие минуты сумерек в июне растягиваются на всю ленинградскую ночь. В такую ночь хочется бродить по строгим величавым набережным города, вдыхая влажный прохладный воздух. По ступенькам полукруглых спусков доходить до самой воды, прислушиваясь к тихому плеску волн о гранит. Встать на каком-нибудь мостике на Мойке и, облокотившись на парапет, вглядываться в загадочную, манящую глубину. Постоять у какого-нибудь льва или грифона и, погладив ему бок, задумать исполнение заветного желания. И, почувствовав, что совсем больше не можешь двигаться от усталости, встать где-нибудь недалеко от ростральных колонн на Стрелке и смотреть, как разводят мосты. А если хватит сил, времени и желания, то, возможно, и дожждаться момента, когда они станут единым целым.

— Эллочка, пойдём гулять. Такая удача, завтра и у тебя, и у меня выходной. Белые ночи нельзя пропустить.

— Я тоже хотела тебе это предложить. Ты, наверное, догадался о моём желании?

— Кисуля, твои желания написаны у тебя в глазах.

— Пойдём на Васильевский, будем гулять на Стрелке.

— На Стрелке, так на Стрелке, Эллочка. С тобой хоть под расстрел.

Элоина испуганно посмотрела на Анатолия.

— Не шути так, не надо.

— Не буду, любимая, пойдём.

Они гуляли по родному городу и не могли на него налюбоваться. Была ясная, прозрачная, светлая ночь, которая словно качала их на своих руках. Элоина не могла насытиться этим густым, каким-то явственно осязаемым ленинградским воздухом, напомнившим ей Хихон. Отчего-то было тревожно, но она сегодня не хотела думать о плохом. Они остановились у парапета, любуясь на разведённые мосты.

— Посмотри, Эллочка, на эти две половинки. Они стоят, упираясь в небо, как будто о чём-то просят.

— Они просят о том, чтобы их поскорей соединили.

— Да, ты права, любимая. В сущности, только соединившись, они представляют целое, которое созидает и приносит пользу. А в таком состоянии они могут лишь молиться. Они беспомощны друг без друга, а люди заставляют их каждую ночь расставаться. А именно ночью им и хочется больше всего быть вместе. Как мне с тобой, моя кисуля.

— Но они бесполезны и разведённые. Зачем-то это нужно.

— Это нужно другим, а не им.

Он крепче притянул её к себе, закрывая собой, как будто хотел спрятать от всего мира. И она почувствовала уже знакомую дрожь нетерпения своего мужа, которую он пытался сдерживать. И ей захотелось оказаться сейчас в своей уютной квартирке, но мосты, на которые они любовались, закрывали дорогу домой. Пришлось ещё побродить, ожидая их соединения.

Они пришли домой рано утром. Сестрёнок дома не было, их обоих Анатолий отправил на каникулы к родственникам за город. В тёмной прихожей, не дав ей разуться, он взял её на руки и отнёс на кровать. Жаркое дыхание, будто язычок пламени, пробежало от оголённой шее к приоткрытой груди, к животу и ниже, устраняя на своём пути нелепую преграду в виде кофточки, сорочки и других атрибутов нижнего женского белья, падающих рядом. Элоина и сама, впервые не стесняясь своего порыва, была нетерпеливой, расстёгивая пуговицы его сорочки. Его родной аромат пьянил, а огонь, скользнув по внутренней части бедра, вошёл в неё, соединив их в единое целое. Женщине была приятна тяжесть его тела, но неожиданно она оказалась вверху, и ими овладело ощущение полёта. Минуты, секунды блаженства, а кажется, что полёт этот бесконечен. Божественная награда человеку — познать небо на земле! Содрогаясь от сладостного порыва, они не сразу возвратились в реальность.

Её голова лежала на груди мужа, и лёгкий пушок ласково щекотал ей щёки и подбородок. Дыхание Анатолия стало более размеренным, губы шептали какие-то бестолковые ласковые слова. А потом снова порыв и снова полёт. Этот день был их. Они не могли заснуть, и лишь начинали тонуть в сладкой дремоте, как страсть вновь и вновь вытаскивала из неё.

Потом Элоина долго не могла вспомнить — а ели они что-то в этот день? Совершенно измождённые, они наконец заснули только к вечеру и проспали до следующего утра, которое возвестило им, что пора на работу, что впереди будничная рабочая неделя. Это была последняя мирная неделя, и до блокады Ленинграда оставалось всего три месяца.

Через несколько дней ошеломительным событием обрушилась война. Самым страшным и непонятным было то, что в эти первые дни люди не слышали обращения к ним того, в кого большинство из них слепо верило, с чьим именем они потом умирали, идя в бой с врагом, и чьи слова им сейчас были нужнее всего — слова их вождя Сталина.

Хмурый Анатолий, придя с работы, спрашивал Элоину:

— Говорил? — имея в виду Сталина. Она отрицательно качала головой.

— Видно, дело плохо.

— Идут ожесточённые бои, — сообщала она ему.

— Для боёв время нужно, Элочка, а если смотреть по карте, то они катят без остановок.

— Ну, что ты, родной! No pasaran!

Элоина видела, как переживает начало войны Анатолий, и ей было стыдно признаться ему, что где-то в глубине души у неё, напротив, возникали эгоистические мечты о том, что война эта непременно должна разрастись в освободительную, и что дойдёт она до её любимой родины, до родного Хихона. А там?..

Правда, о том, что же будет там, она как-то думать не хотела, но мысли сами лезли в голову. «А вдруг её любимый с ней не поедет? Нет, нет, этого не может быть! А сама она — как уедет из Ленинграда? Она так любит этот город! Но ведь и на родину хочется. А может, это будет уже одна большая коммунистическая страна? В ней будет много заводов и фабрик, городов и деревень, рыбацких посёлков — и все, все люди будут жить дружно, и любить друг друга, и спокойно ездить в гости, и жить, где захотят. И можно жить летом в Ленинграде, а зимой в Хихоне. Нет, на Новый год они будут приезжать в Ленинград, тут лучше...»

— Элла, ты что, не слышишь?

— Что, Толя?

— Меня вызывают в военкомат.

— Боже, мадонна! Тебя не должны забрать, у тебя же сестрёнки. И я...

— О чём ты, кисуля? Это — война.

Только сейчас Элоина вдруг поняла, что её глупые мечты могут никогда и не осуществиться по одной простой причине, что на этой войне может погибнуть её любимый. И ей стало страшно, по-настоящему страшно.

— Нет, нет, не пушу! Как я буду одна, без тебя?

Она уткнулась ему в грудь. И он почувствовал через ставшую влажной рубашку обилие её безутешных слёз и понял, что, в сущности, эта молодая горячая испанка, доставшаяся каким-то чудесным подарком ему в жёны, просто ещё совсем маленькая и хрупкая девочка, которую нужно беречь и защищать. Но сейчас, в это страшное время, он не может быть с ней рядом, а значит, и не может защитить её.

— Не плачь, моя девочка, ты же не одна. У тебя мама, брат. Война хоть и надвигается быстро, но не может же она вплотную подойти к нашему городу. Я думаю, наша армия не позволит. Мы защищены неплохо. И я точно знаю, что в районе Луги начали строить дополнительный рубеж обороны, на второй же день войны. Не плачь. В крайнем случае вас эвакуируют.

— Ты что, Анатолий? Эвакуация — это ужасно. Нет, нет!

Все ужасы своей войны и эвакуации встали перед глазами Элоины, и Анатолий был уже не рад, что сказал это случайное слово. Он не знал, как утешить её.

«Комиссары тупорылые, довели страну до позора, — думал он, — Вот тебе и их позорный пакт. Всех умных командиров порасстреляли. Всё изменников искали. Наверное, такие же «изменники», как мой отец и мать. Просто порядочные люди, отличающиеся от них воспитанностью да интеллектом. Довести армию до такого состояния! Это что, не предательство? Ведь, можно сказать, разоружились сами». В этих своих думах он не мог признаться даже своей любимой. И ей он никогда не говорил о том, что существующая сегодня в стране власть

не может быть им до конца принята. Но, несмотря на это, он и не мог радоваться тому, что так позорно отступает хваленая Красная Армия. Он понимал, что враг топчет его землю, а значит, надо её защищать.

Думая о тяжёлом положении страны и любимого города, Анатолий до конца не осознавал всю глубину этой тяжести. И он даже не мог предположить, что уже 4 июля германские войска вступят в Ленинградскую область возле Пскова, а 9-го будут в Пскове, на расстоянии 280 километров от Ленинграда. А эвакуация хоть и начнётся очень рано, уже 24 июня, но затормозится сначала из-за огромного количества беженцев из районов Прибалтики, а с 27 августа — из-за перерезанных фашистами железнодорожных путей. К тому же начнётся обратный поток детей, вывезенных в Ленинградский район, куда наступали немцы.

В этот день, получив повестку, он купил побольше, чем обычно, продовольствия, решив облегчить заботы своей Эллочке. И разве он мог думать, что его хозяйственность и запасливость спасёт в предстоящую страшную зиму жизнь и здоровье его любимой. Потому что с первого сентября продуктов в его родном городе в свободной продаже уже не будет, а в ноябре паёк, который Элоине будет полагаться как рабочей, — это будут жалкие 250 граммов хлеба, да и то такого, в котором была добрая половина несъедобных примесей и ничего, кроме этого. А после болезни на таком питании она бы не выжила.

— Кисуля, послушай меня. Вас наверняка, если здесь станет опасно, будут вывозить, девочек уже отправили в эвакуацию, я узнавал. Я купил крупы побольше, в дорогу пригодится. Она в полотняных мешочках на кухне, да ещё сахара немного. Ты слышишь меня, Эллочка?

— Ну что ты, Толя, какая крупа? Это тебя надо собирать.

— Меня в армии накормят. А кто будет кормить мою стахановку? Её личный шеф-повар отбывает в ряды Красной Армии. И теперь ты замужем за военным, как мечтала.

— С чего ты взял, что я мечтала?

— А как же письма от доблестных бойцов? Вон, целую пачку хранишь.

— И ничего не пачку, а всего одно.

— А, одно всё-таки хранишь. Наверное, от усатого грузина Любошвили? Ох, жёнка, жёнка! Смотри у меня! Я хоть и не джигит, но грозен. И не забывай, что ты мне ещё двух сыновей должна родить.

— Нет, сына и дочку.

— И не возражать. Не сына и дочку, а двух сыновей и точка. Видишь, у нас с тобой ещё лучше, чем у грузина, стихотворение получилось. А то — «ваши дивные глазки...»

— Нашёл время шутить надо мной!

— А я и не шучу, я знаю, я верю, любимая, что ты меня дождёшься. И ты тоже верь — я не могу тебя оставить и обязательно вернусь. Жди и верь.

И он баюкал её весь вечер, как маленькую, на руках. А ей было тепло и уютно. И казалось, что никакой войны нет и никого нет в целом мире, кроме их двоих. И оба они не подозревали в это время, что рядом с ними были уже две родные маленькие души — их сыновья.

На другой день утром Анатолий ушёл в военкомат, попросив жену прийти пораньше, так как его могли отправить на фронт в этот же день.

С работы Элоина бежала почти бегом, но когда входила в прихожую, услышала громкие голоса. Обычно сдержанно-спокойный или иронично-шутливый, её муж возражал кому-то гневно, голосом, в котором звучал металл.

— Как ты смеешь так говорить! Даже я, далеко не самый любимый сын советской власти, не могу так и подумать, а вы...

«С кем это он?» — мелькнула мысль, пока она на ходу выкладывала вещи, купленные Анатолию в дорогу. Войдя в комнату, она увидела разгорячённых Анатолия и Мелькиадеса.

— Что случилось? — Элоина недоумевала, ведь муж с её братом всегда хорошо ладили.

Мелькиадес с надеждой посмотрел на сестру.

— Элла, объясни Толе. Я не предатель, я пойду воевать за Советский Союз, как за свою родину. Наши все, даже кто молчит, думают, что эта война на пользу. Она поможет освободить Испанию.

— Элла, — Анатолий первый раз назвал её так же, как и Мелькиадес, словно вторя ему. — Твой брат и другие испанцы, если они так думают, просто сумасшедшие.

Она и сама вначале думала одинаково со своими испанскими друзьями. Что это было? Наверное, эгоизм, желание побыстрее увидеть свою родину свободной. Но какой ценой? Только сейчас она начинает понимать, что цена может быть слишком велика. А вот результат? Хватит ли сил у советского народа, оказавшегося перед лицом такого грозного противника? Проклятые алеманос! Как она ненавидела их в эту минуту! Они отняли у неё родину, отца, а теперь отнимают любимого. Сейчас все свои беды, вместе взятые, она приписывала только немецким фашистам, забыв про своих — испанских. А в это самое время в Испании уже была сформирована дивизия испанских добровольцев для отправки на Восточный фронт. Эту дивизию оденут в синюю форму и назовут «Голубой». Очень скоро она будет совсем рядом от Ленинграда, защищать который уйдут добровольцами больше двухсот испанских юношей и девушек. И соотечественники опять окажутся по разные стороны баррикад.

А сейчас она должна была помирить этих двоих любимых ею людей.

— Толя, ты прости нас, пожалуйста. Мы просто не подумали, что цена слишком большая.

— Почему «мы»? Ты что, тоже считаешь, как он?

— Это была первая реакция. Конечно, эгоизм, любимый. Просто неосознанно. Каждый думал про Испанию, как ей помочь. О войне, о мировой революции. А Мелькиадес совсем мальчишка. Если уж у меня мелькнули такие мысли, то что говорить про него.

— Я не мальчишка, и докажу. Я уйду на фронт.

— Ладно, Мелькиадес, хоть ты-то погоди немножко, сначала Анатолия проводим.

Мелькиадес сразу притих. Его юношеский запал натолкнулся на жестокую реальность. И он почувствовал себя виноватым.

— Когда, Толя? — спросил он.

— Завтра. Мы ещё сходим попрощаться на Тверскую.

— Мадонна! — Элоина бессильно опустила на стул.

— Не раскисай, моя девочка, — погладил её по спине Анатолий. — Держись, а то мне будет ещё тяжелей.

Она и сама это поняла и мысленно приказала себе не раскисать.

— Тогда пойдём быстрее, надо успеть тебя собрать. Мелькиадес, ты пойдёшь с нами?

— Да, мне надо повидать маму.

Они молча вышли из дома и направились к трамвайной остановке. Но это безмолвие не было враждебным, их уже связала тонкая нить взаимного понимания.

Спустя две недели после ухода Анатолия на фронт, Элоина поняла, что беременна. И почти одновременно с этим она получила весточку от Анатолия. Тот писал, чтобы она не беспокоилась, что знание иностранных языков ему пригодилось — он будет служить при штабе, и что, возможно, хоть изредка, но сможет её видеть. Июль и август она жила ожиданием, стараясь никуда не уходить. Да, собственно, уходить и не хотелось, работали всё больше, всё больше уставали. В начале сентября знакомые сообщили, что мама очень просила её зайти на Тверскую, и Элоина решила выбраться туда непременно.

Она шла неторопливо, усталость давала себя знать. Трамвай отъезжал от остановки, но она на него не успела, и он протарахтел мимо. Грустные мысли одолевали, было страшно от одиночества, от невозможности что-то изменить.

4 сентября ситуация на фронте всё ухудшалась, но никто пока не предполагал, что впереди были 900 дней блокады. В этот день Ленинград начали бомбить.

Какая-то непонятная сила внезапно обрушилась на неё сверху. Она не сразу поняла, откуда этот гуд, свист и грохот. Её откинуло к стене, что-то упало на неё. Когда она пришла в себя, то увидела рядом с собой окровавленную ногу, а дальше человека с развороченными внутренностями. Было не разобрать, мужчина это или женщина. Рядом с ней лежали тела ещё нескольких человек, кто-то стонал, кто-то звал на помощь. Она бросилась вытаскивать живых из-под обломков. Она кричала, звала на помощь. Ей показалось, что она снова в Хихоне в 37-м году. Хотелось, закрыв глаза, убежать от этого ужаса далеко-далеко.

Еле передвигаясь, она вернулась домой. Люди, встречавшиеся на её пути, предлагали помощь, видя её бледное лицо и заляпанную кровью одежду. Но она отрицательно качала головой. Дома в коридоре она уткнулась головой в висевшую на вешалке куртку Анатолия. Она не снимала её, так было легче, казалось, что он где-то поблизости. От куртки исходил родной запах, с каждым днём всё менее ощущаемый реально, но живущий в памяти. Резкая боль внизу живота словно разрывала её внутренности, как у того развороченного человека. По ногам текла кровь. Кружилась голова. По стенке она добралась до двери соседней квартиры. «Только бы Татьяна Петровна была дома», — думала она.

На её счастье, соседка, которая работала в больнице, была дома. Элоина съехала по стенке куда-то в темноту, и больше она ничего не пом-

нила. Уже позднее, в страшные ноябрьские дни, её спасительница сказала, что у них с мужем могли быть два сына. «Два сына и точка...» — грустно улыбнулась Элоина, прижимая к груди конверт, в котором сообщалось, что Анатолий пропал без вести. В те страшные голодные дни, приходя домой, она могла ещё себе сварить кашу — подарок заботливого мужа, без которого она бы после болезни, конечно, не выжила. И, сидя у печки-буржуйки, самым необходимым предметом в её бытовой жизни, и мешая крупу в маленькой кастрюльке, чтобы не пригорела, она тихонько твердила себе: «Жди и верь».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗОЛОТОЕ РУНО

Весна на юге ударяет в голову, как хмельное грузинское вино. Цветущая во дворе черешня заглянула к Элоине в окно пушистой веткой, зазывая на улицу. В голубом небе маленькими охапками таких же цветов плыли облака.

«О, мадонна, красотища какая! — выглянув в маленькую форточку, подумала Элоина. — Сегодня обязательно схожу на комбинат, да и в поликлинику нужно заглянуть. Быстро, быстро вставай!» — приказала она себе. Мурлыкая под нос любимую песенку: «О, голубка моя...» — она проворно управилась с домашними делами и вышла на балкон.

Балкон был вытянут по всей длине двухэтажного дома, и двери квартир выходили прямо на него. Лестница вела во внутренний двор. Это было типичное строение старых тбилисских кварталов. Во дворе за столом сидела пожилая соседка.

— Доброе утро, бабушка Сусанна!

— И тебе, Эллочка, доброго. Куда-то собралась?

— Да, бабушка Сусанна. И скажи, пожалуйста, Рубику, когда придёт с работы, что я ушла на комбинат к подружке. Там мне какое-то сообщение. Пусть не волнуется. Покушать я приготовила. Ой, а цветы какие красивые, бабушка! Просто чудо!

— Да ты, Эллочка, сама, как цветок. Иди, иди, девочка, не переживай, я всё передам. Знаю, что Рубик не любит, когда ты уходишь.

Элоина вздохнула и помотала утвердительно головой. Муж был хорошим, заботливым человеком, но очень ревнивым, как большинство кавказских мужчин. Вот уже два года, как она вышла замуж, и все эти два года он даже не разрешал ей работать. «Стахановка, тоже мне... Сижку, как послушная восточная женщина дома. Мама бы ни за что не поверила, хоть и мечтала для меня о такой жизни». Разные мысли лезли ей сегодня в голову: и то, что хочется снова быть на виду, в гуще событий, и то, что, наверное, его мечта о ребёнке сбывается и ей, конечно, надо показаться врачу, и что тогда уж точно вся её судьба будет связана и с Рубиком, и с армянским районом красивого города Тбилиси... А её мечты о Хихоне и Ленинграде уже, видимо, несбыточны.

От трамвайной остановки, которая была у нового кинотеатра «Сакартвело», она пошла улицей, которая спускалась вниз, упираясь в

длинную высокую стену прядильно-трикотажного комбината, где работало большинство её друзей-испанцев и на территории которого стояло большое общежитие, в котором они жили. На проходной её остановил молодой парень. «Вот, уже и не узнают», — с досадой подумала она. Но выглянувший из соседней комнаты знакомый дежурный, поздоровавшись, приказал пропустить её. Она направилась в общежитие к своей подруге Пилар.

— Элла, здравствуй, дорогая, входи! — приветствовала та её, прислонившись к щеке щекой. — Давно ты не приходила. Что так?

— Да всё как-то не получалось.

Элоине не хотелось признаваться, что приход в гости к друзьям лишний раз бередил ей душу. Молодые испанцы жили активной, интересной жизнью — все, кто работал здесь, на новом текстильном комбинате, куда съехалась после войны молодёжь со всей страны. Несмотря на то, что муж её любил, она никак не могла привыкнуть за эти два года семейной жизни к скучной, как ей казалось, и однообразной семейной жизни. «И как меня угораздило выйти замуж!» — иногда думала она.

Восемь лет бесплодных ожиданий и бесполезных поисков следов Анатолия абсолютно вымотали её. Но, возможно, она всё ещё ждала бы его, если бы не сказал ей его сослуживец, что точно знает о его гибели и о том, что произошло это ещё в декабре 41-го года. И вот тогда нахлынуло тупое безразличие...

А через год она познакомилась с Рубеном. Подруги затащили её в кино — тогда все с ума сходили по «Тарзану».

— Пошли, Эллочка, ходим. Тарзан — это такая прелесть, — щебетали Пилар и Аделина.

И вот они стоят в фойе и слушают музыку. Рядом группа молодых людей, и один постоянно на неё поглядывает. Пилар толкает её в бок и шепчет:

— Смотри, Элла, он с тебя глаз не сводит.

А потом к ним подошли знакомые ребята и подвели Рубена к ней, он очень просил познакомиться. После кино напросился проводить их. Шли большой группой, болтали, а он всё больше её спрашивал:

— Откуда в Тбилиси появился такой прекрасный цветок?

Ей не очень хотелось рассказывать что-либо, к тому же она понимала: новый знакомый уже получил интересующие его сведения.

— Издалека, — односложно ответила она.

— И каким образом попала издалека?

— Сначала ехала на пароходе, потом шла по горам.

— А в горах-то что искали, уж не золотое ли руно?

— А оно есть? — спросила девушка.

— Для такой красавицы будет и золотое руно, будет всё, что она пожелает.

Элоина была рада, что они подошли к проходной, разговор о горах был не очень кстати. Тяжёлых воспоминаний было много, но тот горный переход по узким каменным тропкам из станицы в Сухуми вспоминать совсем не хотелось.

Целый год Рубен не давал ей проходу, и наконец она сдалась. В 1951 году, через десять лет после начала войны, она вышла замуж. Жизнь

брала своё. К замужеству подтолкнуло и страстное желание иметь ребёнка. Ей было очень одиноко, несмотря на то, что у неё было много друзей. Но всегда хочется иметь родного близкого человека, который будет заботиться о тебе, которому ты сможешь поведать все свои печали и радости. И очень хочется познать радость материнства. Она никому не признавалась, но у неё всегда щемило сердце, если она видела какую-нибудь женщину с коляской. И вот у неё появились своя семья и надежда на материнство.

Всё бы ничего, если бы не эта дикая кавказская ревность. Чувство собственности, власти над ней. Она к этому не привыкла, она была такой свободолюбивой.

— Ну что ты мне хотела сказать, Пилар?

— Ой, Элла, не знаю, как и говорить. Лучше прочитай сама.

Пилар протягивает ей письмо, и оно словно обжигает ей руки. Пробегаешь по строчкам. Нет, ничего особенного. «Погода в Ленинграде... Снова буду учиться... Ходили в Александринку... Видела...»

— Что?!

Она бессильно опускает руки. Снова читает ошеломляющие строчки: «Видела Анатолия, он уже полгода в Ленинграде, очень изменился. Спросил про Эллу, я не смогла врать, сказала, что она замужем, живёт в Тбилиси. Он сказал, что, может, это и лучше, что с того света не ждут. Адрес брат не стал...» Слова расплывались, она читала снова: «Видела... Адрес брат не стал...»

— Элочка, на тебе лица нет. На валерьяночки! Элла, что с тобой? Очень плохо? Ты как простыня белая.

— Нет, нет... Не переживай. Я сейчас посижу и пойду домой. Домой? Куда я пойду? Пилар, куда я пойду? Скажи мне, как я могу туда идти? Мне надо ехать в Ленинград!

— Элла, ты не торопись. Видишь, он даже адрес твой брат не стал. Может, там не всё так просто?

— Нет, нет, надо идти... Мосты скоро будут сводить...

— Какие мосты, Элла? С тобой и правда всё нормально?

— Да, конечно...

Всё, что происходило с ней дальше, было как в тумане. И кабинет гинеколога, который радостно возвестил ей, что она беременна, и изумление женщины-врача оттого, что она не хочет рожать, — ведь ещё недавно она лечилась у неё как раз для обратного. И уговоры, что аборт делать никак нельзя, пролетали мимо её сознания. «Нет, нет! Она не может приехать к своему любимому беременной от другого человека...» Врач говорит, что будет возражать муж, без разрешения мужа нельзя. Она недоумевает: «Какой муж? У неё только один муж. Это её Толик».

— Сделайте что-нибудь.

— У вас нет противопоказаний.

— Пусть они будут, я заплачу. Мне срочно надо уехать.

Она даже не помнила, что говорила Рубику. Конечно, по законам послевоенного времени, если находился первый муж, то второй брак расторгался и считался недействительным. Но Рубен ничего не хотел слушать, просил развестись с первым мужем, просил взять его с собой в Ленинград. Об этом не могло быть и речи. Ей жаль Рубена, искренне

жаль. Она надеялась, что когда-нибудь сможет полюбить его. И она обещает ему обо всём написать, но уже знает, что напишет ему то, что не смогла сказать сейчас. Не напишет, конечно, про беременность — это её тайна. В голове только одна мысль: «Скорей к Толику, скорей в родной Ленинград». Что ей здесь делать, если там ждёт её любимый? Она нисколько не сомневалась, что ждёт. Мало ли что сказал! Он гордый, это от гордости.

Через несколько дней она была уже полностью готова. Куплены билеты. Собраны вещи. Врач попросила её показаться, что-то ей там не понравилось с этой прерванной беременностью. Да разве об этом могла Элоина думать в то время? Но в поликлинику всё-таки пошла. Когда выходила, столкнулась с Мануэлем.

— Элла, привет! Я тебя, наверное, больше года не видел. Совсем не заходишь. У меня уже дочке годик. Сейчас Валя выйдет из кабинета. Подождёшь?

— Ты извини, Маноло, в другой раз.

— Ты что, заболела?

— Нет, просто собираюсь в дорогу.

— Куда?

— Домой.

— Как домой? В Хихон же нельзя.

— В Ленинград.

— Так как же в другой раз, если уезжаешь?

— Прости, Маноло, правда, не могу. Тебе счастья желаю, потом с Вале́й приезжайте в Ленинград. Это ведь наш родной город.

— Нет, Элла, в Ленинград не могу. Страшно туда ехать после всего.

— А мне здесь страшно. Видишь, как расходятся дороги.

— Может, когда-нибудь сойдутся?

— Может.

Она уезжала из тёплого солнечного Тбилиси. Говорят, в горах Кавказа хранится золотое руно. Кто-то, наверное, здесь его и нашёл, но только не она. Она может в этой стране жить лишь в единственном городе — Ленинграде, рядом со своим любимым. Жизнь вообще имеет смысл, только когда рядом её любимый.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВОЙНА ВЕРНУЛАСЬ

В первые месяцы войны фронт приближался к Ленинграду страшными темпами, по 30-35 километров в день. С эвакуацией царила полная неразбериха, и детский дом на Тверской улице подготовить к отправке не успели.

Испанских детей, которых спасали от ужасов гражданской войны на родине, весь этот кошмар настиг снова. Всё то, от чего они убежали: голод, бомбёжки, смерть и потери близких людей, — им пришлось испытать уже во второй раз здесь, в таком полюбившемся им городе Ленина.

Эйфория от надежды на мировую революцию, в которую перерастёт война, закончилась у испанцев быстро. Подросшие ребята добровольцами рвались на фронт. Их стремление, как могли, сдерживали взрослые, — но разве возможно было удержать молодые горячие сердца? С 30 июня начали формироваться отряды народного ополчения, в которые устремились подросшие испанские дети. Ушли на фронт испанцы — рабочие завода «Электросила», ушли учащиеся техникумов и вузов. Ребята помладше приписывали себе возраст, радовались, когда удавалось обмануть придирчивую комиссию.

Рамона была в ужасе, так как её неутомный сын действительно добивался отправки на фронт. Мелькиадесу вот-вот должно было исполниться восемнадцать. Безутешная мать пыталась привлечь на свою сторону Элоину, с которой они виделись всё реже: одна работала, почти не уходя с фабрики, а другая и подавно перебралась жить на Тверскую. В день, когда Рамона ждала её, чтобы поговорить с Малькиадесом, Элоина попала под обстрел и потеряла беременность.

Мелькиадес забежал к сестре перед отправкой на фронт. Он был весел, шутил и говорил, что докажет Анатолию: он не трус. А у Элоины ещё больше стало на сердце тревоги, тем более что Анатолий так и не появлялся, а весточек больше не приходило.

С 8 сентября началась блокада Ленинграда, и жизнь в городе стала стремительно меняться. В течение двух месяцев несколько раз урезали продовольственные пайки. В детском доме на Тверской становилось всё голодней, хоть и кормили здесь лучше, чем в других детских домах и школах. Самый маленький паёк был в ноябре, детям давали только 125 граммов хлеба. После сытных обедов и полдников, на которых их всегда старались полакомить, испанские дети снова вспомнили, что такое быть голодными. Конечно, и сейчас, в это тяжёлое время, они оставались на особом положении. Им даже три раза в день давали суп. Никто из испанских детей не должен был умереть от голода. Даже в такое страшное время Страна Советов старалась заботиться о своих маленьких подопечных.

Город то и дело бомбили, иногда приходилось до девяти часов проводить в бомбоубежище. Мануэля определили к детям воспитателем, считали, что это у него очень хорошо получается. Такая перспектива его очень мало радовала, он ходил мрачный, ни с кем не хотел разговаривать. Ему уже было семнадцать, и он считал себя вполне взрослым, достойным того, чтобы воевать. Сколько его знакомых ребят ушли на фронт, а вот ему никак не удавалось. И вместо этого надо было присматривать за «малышнёй», возиться с ними.

Рядом с ним всегда был его племянник Хоакин, уже подросший, но всё такой же непоседа. Даже чувство голода не успокаивало его, как других. Он кувыркался, вечно куда-нибудь залезал, что-нибудь опрокидывал. В один из хмурых ноябрьских дней они с ребятами затеяли игру в мяч. Играли лениво, многие дети уже начали слабеть, и когда мяч залетел под диван, никто не хотел его доставать.

— Раз затолкали — доставайте, — сердито сказал Мануэль Хоакину.

— Не хочу, — ответил тот, но всё же, кряхтя, полез.

Худенький и юркий, он быстро пронырнул в тёмный проём и долго не вылезал обратно.

— Ты где пропал?

Мануэль наклонился и стал вытаскивать Хоакина за ноги. Тот почему-то упирался. Наконец Мануэль извлёк его на божий свет, пыльного, с перепачканным лицом.

— Ты что там делал?

Хоакин молчал.

Мануэль хотел его отругать, но увидел в глазах Хоакина слёзы, и сердце его сжалось.

— Что с тобой, Хоакин? Ты стукнулся?

Но тот лишь отрицательно качал головой.

— Ну ладно, иди к ребятам, — сказал ему Мануэль.

Он ругал себя за то, что заставил Хоакина доставать мяч. «Наверное, ему очень тяжело, он ведь стал такой слабенький», — думал он.

...Через много лет Хоакин, уже взрослый, расскажет ему, что там, под диваном, он нашёл маленький кусочек сахара. В узком просвете у стены лежал этот непонятный комочек, затянутый мохнатой пылью. Хоакин долго разглядывал его, а когда понял, что это такое, рука как-то сама схватила и сунула его в рот. Сладкое блаженство таяло у него во рту. Лишь потом он осознал, что даже не поделился с Мануэлем, который так о нём заботился, и ему стало очень стыдно... Но было уже поздно.

Грязный и пыльный кусочек сахара, оставшийся с довоенной поры. Ничего вкуснее этого сахара он никогда в жизни не ел! С ним не могла сравниться потом ни одна самая дорогая послевоенная конфета.

Жить в блокадном городе было гораздо страшнее, чем воевать. Голод отнимал у человека не только жизнь, но и душу, а Мануэль и его друзья были, как ни старались казаться старше, ещё детьми. Они, как в общем-то и взрослые люди, совершали разные поступки: и те, которые им диктовали слабости, и те, которые им помогало совершить мужество. Прошедшие через ужас прошлой своей войны, они быстрее ориентировались в предстоящих трудностях. Мальчишки уже в сентябре начали прикармливать нескольких кошек, а когда наступили холода, кошки пропали. Русские педагоги были возмущены поступком ребят, обнаружив на чердаке припрятанные замороженные тушки.

Жестокость? А может быть, просто недетский тяжёлый опыт и ещё более тяжёлая память?

И эти же дети, наравне со взрослыми, старались помочь тем, у кого они нашли всего несколько лет назад приют и защиту.

Рядом с их детским домом был госпиталь, и ребята постарше ходили туда помогать ухаживать за ранеными. Подружка Мануэля, девочка из его родного города Хихона, брала из госпиталя бинты для стирки, а он всегда сопровождал её. Выстиранные бинты сушили, разглаживали и свёртывали трубочками, а за это им давали целый котелок каши. Несметное богатство! То была радость для всех ребят. Но делать это с каждым днём становилось всё трудней, потому что из-за скудного питания дети слабели. Воспитатели строго-настрого запрещали им ходить в госпиталь, хоть соблазн был и очень большой. Конечно, манила вкусная каша, но не только. Уж очень хотелось ребятам хоть чем-нибудь помочь взрослым.

В декабре многие младшие дети стали совсем слабыми, мало играли, и их было сложно развеселить. Маленькие всё чаще просили у воспитателей и детей постарше кушать и не понимали, почему им отказывают в том, что раньше было в таком достатке. Сначала они капризничали, потом стали вялыми и тихими, как будто интуитивно понимая, что капризничать нельзя — надо беречь силы. Перед Новым годом Мануэль решил, что надо обязательно сходить в госпиталь, и стал вместе со своим другом Луисом уговаривать Терезу:

- Пошли, мы поможем тебе.
- Нас не пустят.
- Мы незаметно, — настаивали друзья, и она сдалась.

Вечером после ужина, если так можно было назвать пятьдесят граммов хлеба и фасолевую баланду, они были у выхода. Тереза с Мануэлем уже выскользнули за дверь, но Луиса остановила Рамона, которая шла с кухни к себе в комнату.

- Ты что тут, Луис, делаешь?
- Да я дверь прикрываю, а то дует, — соврал он, чтобы не выдавать друзей.

Терезе и Мануэлю пришлось идти в госпиталь одним, но отступить от принятого решения не хотелось.

Пронизывающий ветер и колючие крупинки снега хлестали по лицу и сковывали руки, делая их неуклюжими. Казалось, что холод проникает внутрь изголодавшегося тела. Ботинки скользили по обледенелым буграм узкой тропинки. Снега навалило много, но сейчас его никто не убирал. Пришли, когда уже стемнело, долго искали сестру-хозяйку, которая выдавала им грязные бинты. Навязали целый большой узел. Чистых бинтов они принесли немного, но сестра сжалась и положила им немного каши, а Мануэля попросила:

- Пойди помоги мне на кухне, кое-что надо передвинуть. Я одна не управлюсь, а раненые все тяжёлые, помочь некому. Ты, вроде, сильный парень.

Мануэль пошёл с ней, а Тереза осталась ждать его в коридоре, тесно заставленном койками и носилками.

- Дочка, помоги, — попросил солдат, — прочитай письмо.
- У солдата на голове была повязка, сползающая на глаза.
- Я постараюсь, но мне сложно читать вслух.
- Такая взрослая, а неграмотная!
- Просто на русском не очень хорошо читаю.
- Так ты не русская? И кто же ты по национальности?
- Я испанка.
- Ой-ё-ёй! Так ты из тех испанских детей, которых привезли в революцию?
- Да.
- Как же так? И вас не вывезли отсюда?
- Не успели.
- А зачем вы пришли в госпиталь?
- Мы бинты берём стирать.
- Господи! Грехи наши тяжкие, а дети вот страдают. От войны убежали — к войне и пришли...

Солдаты, слышавшие их разговор, смотрели на Терезу с любопытством.

- А из какого ты города, девочка? — спросил солдат с соседней койки.
- Из Хихона.
- А где это?
- Это Астурия. Горный район, там живут рабочие-горняки.
- Ой, дочка, а я из Донецка, тоже горняк. Знаешь, как у нас на Украине красиво! А песни, танцы какие! Испанцы ведь тоже любят петь и танцевать?
- Конечно, — утвердительно кивает Тереза.
- А как? Покажи, если умеешь.

Тереза не была умелой танцовщицей и певицей, но отказать не посмела. Она встала в центре свободного пространства, подняла руки вверх, притопнула ногой и звонким голосом, в такт пристукиванию ладоней, пропела какую-то испанскую песню. Взметнулась юбка, под которой были видны худенькие ноги, обутые в грубые коричневые ботинки. Тереза старательно выбивала ритм каблуками, но сбилась и, покачнувшись, схватилась за железную спинку кровати. Солдат и другие раненые, лежащие рядом с ним, захлопали в ладоши, а из дальнего угла пожилой бледный раненый с ампутированной ногой подозвал её и стал совать в руки маленький сухарик.

- Нет, нет, я не возьму.
- Бери, бери, дочка, нас ведь всё-таки кормят получше.

С соседних коек к ней тоже протянулись руки, в которых были сухари, маленькие кусочки хлеба. В тот момент, когда гостинцев был полный карман, появился Мануэль.

- Маноло, смотри, что мне дали, даже хлеба.

Она показала ему на хлеб и сухарики в кармане пальто, но, увидев осуждающий взгляд, выпалила скороговоркой:

- Не ругай, я не брала, не брала, а мне всё равно дали!
- Мануэль покачал головой и молча взял в руки тяжёлый узел.
- Ладно, пошли. Ребят покормим.

Они вышли из тёплого госпиталя, и их сразу окутала непроглядная темнота. Ветер ещё больше усилился. Переметало. Изредка навстречу попадались редкие прохожие, в основном взрослые люди, идущие с работы. Они шли очень медленно. И если какой-то человек двигался в том же направлении, что и ребята, то они его обгоняли. Лица людей были заострёнными, как у покойников. Мануэлю было тяжело идти из-за громозкого узла с бельём, который с каждым шагом как будто прибавлял в весе. Но он думал: «Если мне тяжело и я из-за этого иду медленно, то почему мы обгоняем этих людей?»

Мануэль старался не показать Терезе, что ему трудно идти, чтобы она не стала отбирать у него узел, и даже прибавил шаг. «Ещё не хватало, чтобы Тереза поняла, что мне тяжело», — сердито думал он. Тереза семенила сзади. У неё развязался ботинок, и шнурок постоянно попадал под него.

- Мануэль, постой, дай завяжу ботинок, — взмолилась она.

Они остановились. Тереза наклонилась и стала завязывать шнурки, но замёрзшие пальцы не слушались. Мануэль положил узел с бельём на снег и хотел ей помочь, но неожиданно услышал слабый стон.

— Кто здесь? — встревоженно спросил он и повернулся в сторону, откуда исходили звуки. У стены виднелся тёмный силуэт, едва заметный на фоне серой облупившейся стены.

— Кто ты? — ещё раз спросил он.

В ответ снова раздался тихий, еле различимый звук, и Мануэлю пришлось наклониться очень низко, чтобы разобрать слова.

— Да я тут рядом живу. За водой ходил и упал, не могу подняться.

— Давай, мы тебе поможем.

Мануэль стал помогать, не понимая, мужчина это или женщина, молодой человек или старый.

Он на ходу сказал Терезе:

— Не отставай и возьми вещи.

Только когда они оказались в подъезде и вошли в дверь квартиры, он понял, что они в хорошо знакомом ему доме, и внимательно посмотрел на того, кого они привели. Этот измождённое существо, в котором было трудно определить пол и возраст, был его друг Сергей.

— Серёжа, это ты? — Мануэль не верил своим глазам. — А где все твои, где мама, бабушка?

— Бабушка и мама умерли, а отец на фронте, мы с сестрёнкой пока живы, — тихо прошептал Сергей и добавил: — А я думал, что ты мне снишься.

— Но почему это случилось так быстро? — спросил Мануэль.

— У мамы украли карточки, и они с бабушкой перестали есть, всё нам отдавали, а я не знал. А потом было уже поздно. Они умерли в прошлом месяце, а теперь и сестра тоже не встаёт. Мы тоже, наверное, недолго протянем.

— Ну, это ты брось. Что-нибудь придумаем.

Мануэль огляделся и увидел на кровати закутанную маленькую фигурку, еле различимую под грудой одеял и одежды. Посреди комнаты стояла потухшая печка-буржуйка, было холодно, почти так же, как на улице. Он усадил на диван Сергея и поставил на стол котелок с кашей.

— Тереза, давай сюда твои гостинцы, — сказал он решительно.

Не смея ему перечить, она стала выкладывать из кармана сухарики и кусочки хлеба. «Ну уж нет, всё я не выложу. Ещё чего!..» — думала Тереза, доставая из кармана сухарики.

— Тереза, не стой, пойдёшь покорми Надю.

Тереза подошла к кровати с возвышающимся бугорком непонятных тряпок и лохмотьев. Она откинула их и увидела существо, которое когда-то было девочкой. Из-под коричневой вигоневой кофты высовывались руки, похожие на длинные тонкие палки. Странно выпирали локти. На неё смотрели впалые и какие-то потусторонние глаза.

Терезе стало страшно и очень стыдно. У них в детском доме таких измождённых людей не было.

Она достала спрятанные сухарики и, размягчив их водой, стала кормить девочку. Мануэль в это время кормил кашей Сергея. Они оставили котелок и горстку сухарей. А уходя, Мануэль строго-настрого приказал:

— Если хочешь жить — сразу всё не ешь и сестру корми понемногу. Я буду приходить к вам.

До самого детского дома они шли молча. У дверей комнаты Терезы он сказал:

— Мы живём здесь и думаем, что нам плохо, а даже не знаем, что за воротами нашего дома есть другие дома, в которых сейчас умирают наши ровесники, наши русские братья и сёстры.

— Что же делать, Маноло, ведь это война. Ты разве забыл, какая она страшная?

— Нет, я не забыл, но делать всё-таки что-то надо. Ведь и я могу кого-то спасти, и ты тоже можешь.

В январе норма хлеба для иждивенцев прибавилась до 200 граммов и до весны прибавлялась ещё два раза. Самую страшную зиму сорок первого — сорок второго года Мануэль помог пережить своему другу. Сестрёнку спасти не удалось. Завернув её всё в то же одеяльце, которым она укутывалась, они везли с другом маленькое тельце на санках, на которых она всего год назад весело каталась с горки. Они не плакали. Смерть стала обыденным явлением в этом городе. Она ходила в обнимку с людьми, заглядывала им в глаза и криво усмехалась. «Ну что, устал? — спрашивала она. — Пойдём со мной туда, где спокойно и тихо. Не хочешь пока? Ну, ничего, я подожду».

А люди сопротивлялись. Они стояли у станка, лечили раненых, а иногда даже ходили в театр.

В начале марта Мануэль зашёл к другу, чтобы попрощаться: детский дом наконец-то решили эвакуировать.

— Прощай, друг!

— Почему ты прощаешься, разве мы никогда больше не увидимся? — спросил Сергей.

— Не знаю. После войны я обязательно уеду на родину.

— Ты думаешь, что там всё изменится?

— Должно измениться, ведь должны же когда-нибудь люди стать хоть чуть-чуть лучше зверей. Даже звери не убивают себе подобных.

— Вас повезут через Ладожское?

— Дорога жизни здесь только одна.

Руководители детского дома торопились успеть, пока не растаял лёд на Ладожском озере. Пожитки были скудные, главное — дети. Вместе отправляли и работающих на предприятиях испанцев. Элоина не хотела уезжать, боясь, что весточки от Анатолия не найдут её, но Рамона умоляла дочку. Сначала Элоина не соглашалась, но когда увидела, что мать впала в страшную депрессию, твердя, что никогда больше не увидит ни сына, ни дочь, она не решилась оставлять её одну. От Мелькиадеса к этому времени письма приходиться перестали. Правда, Элоине обмолвились ребята, что, по всей вероятности, он в плену, но она не хотела расстраивать мать. А так была надежда, что просто затерялись письма.

Их отправляли с Финского вокзала до станции Борисовая Грива, а потом на автомашинах до берега Ладожского озера, туда, где с южной стороны была проложена по льду Дорога жизни. Её специально наморщивали, она была достаточно широкая — десять метров, чтобы можно было свободно разъехаться машинам.

И вот все они — и дети, и взрослые испанцы — столпились у машин.

Элоина и Мануэль увиделись впервые после этой страшной зимы.

— Элла, здравствуй. Хорошо, что ты едешь с нами. Наконец-то нас увозят из этого страшного города.

- Эх, Маноло! Для меня нет прекрасней города на всём белом свете.
- Он даже лучше Хихона?
- Теперь навсегда.
- Даже сейчас, когда там так страшно? Ужасней города нет, наверное, на всём белом свете.
- Даже сейчас! И я преклоняюсь перед мужеством этого города и сожалею, что не остаюсь. Иди, Мануэль, торопись, началась погрузка. Мы с тобой потом договорим, а сейчас тебя ждут ребята. Увидимся на том берегу.
- Машины ехали на расстоянии друг от друга. Дорогу жизни обстреливали. На льду были явно различимы тёмные пятна провалов. Было страшно. В машинах ехали в основном дети и женщины.
- «О, мадонна! — думала Элоина. — Неужели они не жалеют даже детей? Кто же они такие? Фашисты не люди, они не могут быть людьми, раз творят такое. Проклятые алеманос!»
- В эти минуты она не думала о том, что в блокаде Ленинграда в составе войск вермахта участвовала и испанская «Голубая дивизия».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КРАСНОЕ И ГОЛУБОЕ

- В Мадридском аэропорту царило оживление. Предстоящее Рождество манило к застолью с родными людьми, к традиционным рождественским сюрпризам, к встречам, которые в течение года постоянно откладывались, а теперь наступило то самое время, когда откладывать их больше нельзя. Люди сновали туда и сюда, и эта разношёрстная толпа уже изрядно надоела двум скучавшим полицейским. Молодой человек в скромной одежде, не соответствующей экипировке благополучных буржуа, старался незаметно пробраться в багажное отделение.
- Эй, парень, ты чего здесь толкаешься? Пошёл подальше! — грубо толкнул его рабочий багажного отделения.
- Парень зло сверкнул на него большими тёмно-кариными глазами.
- Э! Да это ты, Мелькиадес! Давненько я тебя не видел. Ты откуда?
- Оттуда, куда ты не попал, Хосе.
- Кто с волками водится, учится выть.
- Судя по твоей тележке, я не вижу, что ты в их стае. Посмотри на этих жирных и довольных, они по-прежнему хотят съесть таких, как мы.
- Ну, ведь не съели же меня.
- Да, пока ты возишь эту тележку. Но попробуй сядь рядом с ними.
- Мелькиадес, ты неисправимый, а я больше не хочу. Вспомни Рафаэля — его не смог спасти даже его состоятельный отец.
- Я не заставляю тебя. «Птицу узнают по пению». Лучше помоги мне. «Друг в беде — это настоящий друг».
- Что я могу для тебя сделать?
- Мне надо во Францию, а потом...

— Тише, я понял... Вот что: я смогу отправить тебя только в багажное отделение. Но сам понимаешь, можно замёрзнуть.

— Морозы там — это лучше, чем Франко здесь.

— Сейчас я развернусь боком — ныряй между чемоданами.

Несколько дней скитаний по Мадриду закончились для Мелькиадеса провалом всех надежд. На этот раз после освобождения из тюрьмы ему не удалось поднять старых товарищей на борьбу. Все старались приспособиться к существующей реальности. А может, он просто не находил тех, кто был в глубоком подполье. Выход он видел только в возвращении в Советский Союз. Он не решился двигаться на север, к родному Хихону, там его знала каждая собака. «Через горы пробраться во Францию вряд ли удастся, — думал он, — надо попробовать самолётом». И вот, кажется, удача улыбнулась ему — он уже в багажном отделении.

Самолёт набирает высоту. Становится всё холодней.

«...Элла, смотри, сколько снега. А он совсем и не холодный...»

Пушистый белый снег, его так много. Снег закрывает его с головой, и он тонет в огромном сугробе, который нагребает дворник. Дядя Яков грозит ему и смеётся: «Негодный мальчишка, ты опять разбросал мне всю кучу!»

К нему бежит Элоина. У неё расстроенное лицо. Она трёт ему нос, которого он совсем не чувствует.

«Мелькиадес, ты же отморозишь себе нос! Три его скорей». — «Сестрёнка, не уходи, останься со мной. Мне уже теплее. Почему ты качаешь головой и уходишь?»

А вот и мама. Нет, мама не сердится, она улыбается ему. Они идут навстречу ему вместе с папой. «Мелькиадес, иди ко мне, сынок... Мелькиадес, иди к нам с мамой!»

...На другой день газета «Юманите» сообщила: в аэропорту Парижа приземлился самолёт из Испании, в его багажном отделении обнаружен труп молодого человека. Труп не опознан, но предположительно это революционер, недавно освободившийся из франкистских застенков. Считают также, что он из так называемых «детей войны», воспитывавшихся в Советском Союзе.

...В ноябре 41-го года, самом голодном месяце блокады, Мелькиадес был на фронте недалеко от Ленинграда, в районе Пушкина. Он рвался в бой, но наступление немцев в те дни приостановилось — им так и не удалось замкнуть большое кольцо под Ленинградом.

В октябре со стороны фашистов появились странные перебежчики. Это были испанские фалангисты из «Голубой дивизии». Сформированная из добровольцев в июле 1941 года в Испании, она должна была компенсировать отсутствие возможности страны объявить себя полноправной участницей войны на стороне Гитлера. И хоть Франко был очень близок к идеалам третьего рейха, страх оказаться в блокаде западноевропейских стран был выше. Командование вермахта относилось к «Голубой дивизии» пренебрежительно, и не без оснований. Состав её был достаточно пёстрым. Здесь были и верные франкисты, и маскирующиеся республиканцы, целью которых было перебежать к русским. Были и просто безработные, которые вербовались от безысходности. Эта гремячая смесь бесшабашной храбрости и расхлябанно-

сти до крайности раздражала пунктуальных немцев. Отношение к дивизии со стороны Франко тоже нельзя было считать особо почтительным. Половину пути до места дислокации ей пришлось пройти пешком. Возможно, диктатор боялся окончательно испортить отношения со странами Европы, воевавшими с Гитлером. Когда дивизия продвигалась через территорию Франции, население относилось к испанским солдатам крайне негативно.

В октябре под Ленинградом дивизия приняла первые бои. И сразу же появились среди её бойцов дезертиры, которые бежали в сторону Красной Армии. В основном это были рядовые и капралы, но иногда и офицеры, которые могли передать более ценные сведения о состоянии вражеских войск.

Промёрзлым холодным ноябрьским вечером уставший от тупого сидения в окопе и изрядно промёрзший Мелькиадес был несказанно обрадован, когда его пригласили в землянку командира.

— Товарищ Менендес, помогите перевести сведения от перебежчика, — обратился к нему комиссар батальона.

В углу на грубо сколоченной лавке сидел молодой мужчина. Он с любопытством поглядывал на Мелькиадеса. Как-то интуитивно угадав в нём земляка, он улыбнулся ему и приветствовал его на испанском. Мелькиадес радоваться франкисту не собирался и на приветствие ответил сухо. Но разговаривать было нужно, поэтому он начал с дежурных вопросов.

— Почему ты оказался здесь, вместе с фашистами?

— Когда негде работать и нечего есть, пойдёшь с кем угодно.

— Ты мог бы сказать, что специально искал возможность уйти к коммунистам...

— Мог бы, но не скажу, хотя знаю, что среди нас есть и такие.

— Где же они?

— Кто-то уже у вас, а кому-то пока не повезло. Есть человек, который приведёт всех своих бойцов. Но за ним приглядывают, кто-то сболтнул лишнего. Теперь ему труднее.

— Ты можешь показать, где он находится и как миновать заграждения?

— Да. Я нарисую схемы, давайте карту.

За их беседой наблюдали несколько офицеров. Когда Мелькиадес попросил карту, комиссар одобрительно посмотрел на него. Столпившись у стола, все разглядывали обозначения, сверяя их с другими картами.

— Что ж, толково, — сказал командир, — проход для разведчиков есть.

— Товарищ командир, разрешите обратиться? — с надеждой произнёс Мелькиадес.

— Что у тебя?

— Могу привести ещё большую группу испанцев, только нужно немного отвлечь немцев.

— Зачем рисковать? Кому надо, сами придут.

— Это хорошие бойцы-республиканцы, они могут пострадать, а здесь, напротив, пригодятся.

— Надо подумать.

На другой день Мелькиадеса снова вызвали к командиру, и он понял, что вопрос решился в его пользу. Долго совещались, снова выясняли у перебежчика дислокацию роты, готовой перейти на нашу сторону. Болотистая местность не давала многих возможностей, но для надёжности в сопровождение пошли два опытных разведчика со своими, одним им известными, целями.

Нейтральную полосу прошли без приключений. Самый тяжёлый участок их ждал у перелеска, где необходимо было двигаться по краю болота. Проход был очень узкий, но разведчики знали дорогу хорошо. Главная задача была — успеть до рассвета.

Старались продвигаться как можно тише. Шли след в след — не дай бог оступиться, местность опасная, болотистая. Только когда темнота начала рассеиваться и стали различимы стволы больших деревьев, идущий впереди разведчик дал сигнал увеличить интервал. Теперь шли от дерева к дереву с небольшим расстоянием друг от друга.

Мелькиадес прижался к влажному, липкому стволу корявой берёзы и напряжённо ждал сигнала, чтобы после короткой перебежки занять место разведчика. Тот условным жестом подзывал его, но сам почему-то не двигался.

Когда испанец подошёл, он увидел за просвечивающим перелеском полуразвалившиеся строения и два силуэта военных.

— Мы у места? — спросил он.

— Да, пришли.

— Может быть, мне рискнуть? Похоже, это испанцы.

— Только те ли?

— Выяснить можно, когда поговоришь.

— Сначала покажу условное место встречи, там наше укрытие. Будем ждать до двенадцати ноль-ноль, не более. Иначе не успеем прийти назад. От условного места дорогу запоминай, пойдёшь один.

Малькиадес не сомневался, что справится с заданием. Он уверенно прошёл обратный путь от укрытия и снова был недалеко от часовых. Напряжённо прислушиваясь, пытался уловить хоть обрывки фраз. Дунновение ветра, и до его ушей донеслось родное «amigo». Сомнений не было — это испанцы.

— Escuche! («Послушайте!») — на испанском, достаточно громко, обратился он к часовым.

Они резко обернулись. Щёлкнули затворы. От напряжения у Мелькиадеса перехватило дыхание, но он справился и заговорил довольно непринуждённо. Сказал, что сам испанец, слышал, что где-то здесь стоят части «Голубой дивизии», и хочет быть со своими. Пока он не решился открыть все карты. Нужно было встретиться с командиром и убедиться, что дезертир не врёт.

Спустя полчаса он уже сидел безоружный в тёплом помещении под пристальным взглядом командира и нескольких солдат, видимо, особо доверенных.

— Откуда ты?

— Из Ленинграда.

— Как ты там оказался?

— В тридцать седьмом, мне было тринадцать лет.

- Тогда понятно... Из какого места уезжал?
- Из Хихона.
- Родители живы?
- Мама с нами, а отец погиб.
- На чьей стороне он сражался?
- На стороне республики.
- Тогда я его должен знать.
- Его звали Селедонио Менендес.
- Ну да, я его хорошо знал! Думаю, что сыну такого человека доверять можно.
- Мы сможем двигаться следующей ночью. Есть сопровождающие, они ждут в лесу.
- Ну что же, дня нам хватит, чтобы собраться. Но, к сожалению, не все разделяют наши взгляды. У меня таких большинство, но чтобы не случилось беды, тебя придётся день прятать. Один из часовых, к которым ты пришёл, тоже не очень надёжен.
- «В каждой семье есть свой Иуда».
- Согласен, но «тот, кто не рискует, не переплывёт море», — поговоркой на поговорку ответил командир.
- День прошёл спокойно. После разговора с командиром Малькиадеса покормили и уложили отдохнуть. Разморившись в тепле, он опрокинулся в глубокий, но непродолжительный сон. Уже просыпаясь, словно наяву увидел знакомую хихонскую улицу и отца, приветливо машущего ему рукой. Сын хотел обнять его, но тот отвернулся, бросив на ходу: «Подожди, пока не время». И торопливо зашагал по направлению к их дому. Малькиадес вздохнул и повернулся на бок.
- Что, парень, не спится?
- Рядом, прислонившись к стене, сидел молодой испанец. Он с любопытством разглядывал Малькиадеса, как будто он был не простой человек, а потустороннее явление.
- Не для того шёл к вам, чтобы поспать в тепле.
- Это ясно, но не могу поверить, что ты жил в городе Ленина. Какой он? Действительно так красив?
- Это трудно рассказать. Ты в Италии в Венеции был?
- Я из Овьедо. Мой отец был шахтёром. А я не был даже на юге Испании.
- Тогда я тебе вряд ли смогу описать красоту этого города. Ленинград нужно увидеть.
- Сейчас там, наверное, всё разрушено? И говорят, что люди едят людей.
- Это ложь. Ленинградцы голодают, но достоинства не теряют. Человек идёт по улице, несет хлеб, который получил по карточке, и не боится, что его могут отнять. Это проклятые алеманос распускают слухи!
- Малькиадес был искренне возмущён. Он пока ни разу не сталкивался воочию с такими страшными явлениями, как каннибализм, хоть именно в ноябре в блокадном городе произошли первые случаи. Если такие преступления открывались, они карались очень жестоко и немедленно, но постоянным гласности это не становилось, чтобы не сеять панику. Малькиадес знал, что первыми в пище у людей оказались

кошки и собаки, ели даже крыс, но что возможно и людоедство, он не хотел и предполагать. Его идеал мужественного советского человека не мог поколебаться даже в такое страшное время.

— Я не хотел тебя обидеть, товарищ. Мой отец воевал на стороне республики и погиб за неё. Я и в дивизию записался, чтобы попасть к русским. Ты думаешь, командир посадил бы сторожить тебя того, кому не доверяет? — добавил он, стараясь окончательно себя реабилитировать перед Мелькиадесом.

Разговор был прерван вошедшими командиром и всё с теми же несколькими бойцами. Остальная половина дня ушла на тщательную подготовку маршрута отхода. Группа была действительно достаточно многочисленная, уйти с позиций незамеченными было сложно. К тому же наиболее рьяные вояки, преданные генералу Франко, интересовались у командира о судьбе попавшего к ним испанца из Ленинграда и порывались поскорей доложить немецкому командованию. Сдерживать их было трудно, и командиру приходилось изворачиваться, придумывая явные нелепицы вроде «ожидания группы подкрепления» и тому подобного.

Когда совсем стемнело, в помещение вошли ещё несколько человек.

— Всё спокойно? — спросил командир.

— Я проверил, все франкисты на местах. Укладываются спать.

— Значит, через час двигаемся, на посту надёжные ребята. Давай, парень, ещё раз посмотрим на маршрут.

Время тянулось медленно, в сердце Мелькиадесу заползала какая-то непонятная тревога, и он облегчённо вздохнул только при слове командира: «Пора!»

Когда подошли к опушке со стороны дороги, ведущей к немецким позициям, послышались звуки приближающихся мотоциклов. Лающая немецкая речь и выстрелы настигали их.

— Мелькиадес, веди товарищей, я прикрою вас! — прокричал ему почти на ухо парень из Овьедо.

Малькиадес повернулся к нему и почувствовал, как что-то горячее обожгло ему грудь. Уходящее сознание оставило в памяти плывущие по небу растопыренные ветви деревьев, сквозь которые тускло светила луна.

Он очнулся в каком-то сарае, не понимая, что у него больше болит — правый бок или затёкшие связанные руки. Боль ясно возвестила ему, что он живой. Он стал готовиться к самому худшему: «Наверное, расстреляют... — И тут же мелькнула другая мысль: — Успела ли уйти группа с командиром?»

Мелькиадес не знал, что немцы сами не чинили расправу с пойманными испанцами, а предпочитали отправлять их на родину, чтобы там сами разбирались со своими. Судьба пленных испанцев была неодинаковой: кого-то на какое-то время сажали в тюрьму, кого-то, если возраст был очень юный, а родственники лояльны к власти и поручались за него, — отпускали. А кому-то могли устроить и показательную казнь.

Мелькиадесу не один раз придётся оказаться во франкистских застенках. До самых последних минут своей жизни он будет свято верить идеалам, в которых был воспитан и своим отцом, и любимыми наставниками, и воспитателями в ленинградском Доме молодёжи. И после его драматической гибели ещё долго в Испании не смогут примириться два цвета — красный и голубой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ДОРОГА ДОМОЙ

«Домой, домой, домой!» — в такт колёсам вагона стучала в голове тихая мелодия. И каждая клеточка тела отзывалась на неё сладкой истомой, разливающейся и обволакивающей Элоину. Вокруг было много людей: они пили чай, играли в карты, рассказывали анекдоты и невероятные истории из жизни. Пассажиры выходили и входили — обычная дорожная суета. Всё это проходило мимо сознания молодой женщины, её мысли были устремлены в такое долгожданное и теперь уже близкое будущее.

— Девушка, разрешите взять вещи под сиденьем? Мы уже подъезжаем.

— Да, конечно, — Элоина очнулась от забытья.

— Сухуми, Сухуми! — громко возвестил проводник поезда.

«Боже! Это Сухуми...» — пронеслось в голове, и откуда из потаённых уголков памяти высветились эти спасительные слова: «Сухуми, девочки, слава богу, мы добрались!»

Сейчас она меньше всего хотела думать о тех страшных днях, но невольно воспоминания всплывали снова и снова. Вот они с девчонками, измотанные целым месяцем страшного перехода по горным перевалам, добрались наконец до Сухуми. Грязные, оборванные, с окровавленными истёртыми ногами, на которых была совсем развалившаяся обувь, а у некоторых — вообще ничего... Но они счастливы. Конечно, это счастье только наполовину. Там, в станице Мостовской и предгорьях Кавказа, остались те, кто не успел перебраться через реку Лабу, кто не смог выйти из немецкого окружения, от егерей из дивизии «Эдельвейс», преследовавших их в горах. Но, слава богу, сами они снова в тылу у своих.

И упрямая память, перепрыгивая с одного на другое, вырывает обрывки воспоминаний обо всём долгом пути из блокадного Ленинграда.

Талый мартовский снег. Они на той стороне Ладожского озера. Она ещё не может отойти от шока, который испытала, увидев тонущую машину, которая ехала впереди их. Там тоже были женщины и дети, и их спасенье было так близко!.. И вот они на другом берегу, а кто-то остался лежать на дне. Но они радуются, когда им дают настоящий обед — пшённый суп с мясом и гречневую кашу. Детям, конечно, много нельзя — опасно. «Ой, дочка, как давно я так хорошо не обедала! Зря я боялась ехать!»

Нет, не зря... Предчувствие не обмануло Рамону. В дороге ей стало совсем плохо, в Орехово-Зуеве её сняли с поезда. Элоина едет дальше, ещё надеясь, что мать жива. Их размещают в станице Мостовской. Тепло, тишина, кажется, что война, блокада остались где-то далеко-далеко. Они работают в колхозе, они сыты, обуты, одеты. Но её настигает здесь страшное известие — мама похоронена в Орехово-Зуеве...

Война не отпускает её, она снова догоняет всех их. Прорыв немецких войск отрезал им отход на восток. Пробраться можно только через горы в Грузию.

Солнечный Тбилиси встретил её не очень приветливым, хмурым декабрьским днём. Но тепло ей подарили испанские друзья, которые оказались здесь раньше. Это и влюблённый в неё Мануэль, и его друг, му-

жественный парень Луис Фернандес. Это ему руководитель дома испанской молодёжи Аркадий Подгаецкий доверил все денежные средства, отправляя догонять ушедший из Мостовской отряд испанцев.

Трудно обживалась здесь Элоина, но друзья поддерживали её. Они хорошо понимали, как страшно потерять и мать, и брата, и любимого. Это страшней, чем тот месяц в горах, где за каждой скалой мог скрываться снайпер-альпинист.

Элоина с несколькими девушками одними из первых были отправлены из Мостовской, они оторвались от преследования немцев. Успели переправиться через Лабу до того, как мост был взорван. А вот другим, идущим позднее, не повезло, пришлось переплывать на бревнах. В её группе было пять девушек и ни одного парня. Их отправили первыми на телегах, собрав самые необходимые пожитки. Они добрались до селения, где их ждал проводник. Мужчина посмотрел на них и покачал головой: разве смогут вынести эти девочки такой тяжёлый переход? В Грузию можно попасть только через горы — потаёнными узкими тропами. По ним придётся идти ночью, днём они хорошо просматриваются и люди становятся прекрасной мишенью для стрелков «Эдельвейса». «Не сомневайтесь, мы сможем. Лучше смерть, чем оказаться в руках у проклятых алеманос».

Смогли не все. После двух недель пути одна из подруг осталась в небольшом горном селенье: «Дальше идти не могу...» Всё имущество давно сброшено с телег, остались лишь маленькие мешочки с самым необходимым. Через некоторое время стали падать лошади, а они упорно шли вперёд. На пути всё меньше селений, всё меньше возможности отдохнуть. Да и не все горцы настроены радушно, есть и такие, которые встречают немцев как освободителей, считая, что русские насильно отняли у них свободу.

Наивные мечты любого малочисленного народа, подогреваемые национализмом, упование на то, что другие пришедшие к ним завоеватели подарят им независимость. Тем более глупо было предполагать, что такой жест благородства сделают фашисты. Это никогда не входило в их планы — ни по отношению к кавказцам, прибалтийцам, украинцам, ни к кому-либо другому. Ведь только себя они считали самой избранной нацией, достойной всех благ.

Но реальность есть реальность, поэтому не очень надёжные сёла они обходили стороной. А девчонкам всё чаще приходилось спать где попало. Через три недели они совсем выбились из сил, но всё-таки с вечера двинулись в путь снова. Прошли совсем немного. И вдруг — крик, падает одна из девушек, успев, к счастью, схватиться за корягу. С трудом вытягивают её с самого края отвесной скалы. Стучат мелкие камни, исчезающие в тёмном провале ущелья, а мелодичный звон прыгающей, как мяч, крышки от кастрюли, режет уши.

«Всё, остановка. Эту ночь отдыхаем. С другого края скалы небольшое плато, там и разместимся», — говорит проводник. И, сразу обессилев, все ложатся, прикрывшись остатками хоть какой-то тёплой одежды, — к ночи в горах становилось очень холодно. Кажется, что, такие усталые и измотанные, все они сразу же провалятся в глубокий сон, но хорошенько отдохнуть опять не удаётся. Непонятный зуд одолевает их.

— Девчонки, это, наверное, от грязи, — говорит Элоина.

— А почему вчера мы не чесались? — спрашивает одна из девушек.

— Не знаю. А может, какую заразу в последнем селе подхватили?

Утром, когда начало рассветать, поняли: беспокойства напрасны, они разместились на ночлег рядом с муравьиной кучей. Нашлись силы посмеяться над собой, но отдых был испорчен, и нужно было двигаться дальше. Ближе к Грузии становилось безопаснее, поэтому пошли днём. Последний переход одолели на последнем дыхании, но его хватило, чтобы дойти до Сухуми...

— Провожающие, выйдите из вагонов! — громко прокричал проводник, отрывая её от печальных воспоминаний.

Вагон вздрогнул, качнулся и вновь стал отстукивать привычный ритм, под который она снова погрузилась в воспоминания, которые так долго гнала от себя. Тёплый комфортабельный купейный вагон с красивыми ковровыми дорожками, чистой аккуратной постелью и ароматным чаем, отливающим янтарём сквозь ажурные прорези подстаканников, превратился в теплушку с деревянными нарами, с печкой-буржуйкой, кривым столом и прокопчёнными чугунками с кипятком.

Именно в таких теплушках они ехали к югу, а навстречу им двигались составы, эвакуированные на восток. Разным территориям определяли свои районы эвакуации. Иногда по дороге они встречались даже с испанцами. Радость неожиданных встреч, горечь скорого расставанья... Эвакуация была для них горестным продолжением их печальной судьбы, судьбы детей, потерявших родину. А теперь новые потери и много горя, страха, печали. Но они не теряли надежды. После холода Ленинграда всё ближе к югу, а значит, всё теплей. Вот уже видны у дорожной насыпи первая трава, первые жёлтые головки одуванчиков. Солнце пригревает всё жарче. Хочется помыться, причесаться, надеть красивое платье. Хочется элементарного — ну, хотя бы по-нормальному сходить в туалет, а не на ходу в поезде, почти что на виду.

— Стоим несколько минут, пережидаем встречного! — кричит командир эшелона.

— Элла, пойдём с нами за вагон, в туалет ужасно хочется.

— Ну что вы, девчонки, придумали!

— Как хочешь, а мы пойдём.

А через несколько минут несётся встречный поезд, и обе девушки — покалеченные, с оторванными ногами. Ещё одна потеря в пути. Правда, подлечившись, девушки приедут к ним в Мостовскую, но потом, когда придётся бежать от наступающих фашистов, они поймут, что стали обузой для товарищей и захотят покончить с собой. Их удастся спасти, но с ними отстанут другие юноши и девушки, и все они будут захвачены в плен и отправлены в Испанию.

«Как они там?» — думает Элоина. Их судьба ей неизвестна, как и судьба брата, о которой она узнает лишь через несколько лет.

Элоине очень хочется отогнать печальные воспоминания и думать о предстоящей встрече с любимым. Она представляет, как идут они по набережной, как стоят на стрелке Васильевского острова и смотрят на соединившиеся в единое целое разведённые мосты.

Через два дня она была в Москве. Планировала съездить в Орехово-Зуево поклониться могиле матери, но желание поскорей увидеть Анатолия пересилило, и она пересела на ближайший скорый на Ленинград. «Скорей домой, — думает она, — в нашу уютную квартиру, в объятия любимого».

И понятие «дом» для неё могло быть связано сейчас только с Ленинградом. Мелькают перелески, поля, станции, и вот уже каким-то непонятным образом она ощущает, что приближается конец её маршрута. Московский вокзал. Всё — она приехала. Она дома.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ...»

Знакомая улица, знакомый подъезд, всё та же коричневая дверь с тусклым поцарапанным звонком. Её никто не встретил на вокзале, а ведь она дала телеграмму. «Может, работает, не смог», — успокаивает она себя, а тревога ядовитой змеей заползает в сердце и вот-вот ужалит насмерть. Долгие минуты ожидания у закрытой двери — у неё нет ключей от своего дома, война отняла и это. Глухие шаги, скрежет замка и в узком проёме полуоткрытой двери чужое одутловатое лицо незнакомого мужчины. И недовольный вопрос: «Чего надо?»

- А где Анатолий? Можно я пройду?
- Куда ты пройдёшь? Никакого Анатолия здесь нет.
- Мы жили здесь до войны.
- Так то до войны. А сейчас живу я.
- Как же так? Вы не знаете, где же он?
- Нет.

У неё закружилась голова, и она прислонилась к дверному косяку. Дверь захлопнулась, чуть не прищемив ей пальцы. «О, Мадонна, что же мне делать? Как я разыщу его в огромном городе? Ну почему я не написала подруге и подробно обо всём не расспросила?» Растерянная, она стояла на площадке, не зная, куда ей идти. Конечно, ей легче найти подругу, адрес которой у неё есть, но разве об этом она мечтала? Она не услышала приближающихся шагов и тяжёлого дыхания поднимающейся по лестнице соседки.

— Господи! Да это ты, Эллочка! Откуда, родная? Я ведь думала, что ты тоже погибла, как и твоя мама...

— Нет, как видите, жива. А вот Толика считала погибшим, только недавно узнала, что он в Ленинграде, живой.

— Так он, Эллочка, недавно и появился, а квартиру-то заняли, ведь никого, думали, уже нет в живых. Да ты не переживай, я знаю его адрес. Пойдём ко мне, передохнёшь, а потом и к нему.

— Нет, нет. Вы только вещи пока у себя оставьте, а я пойду сейчас. Какой адрес?

— Канал Грибоедова, дом 94, а вот квартиру точно не знаю. Знаю, что подвальное помещение.

— Спасибо, я побежала, — уже спускаясь, на ходу быстро проговорила Элоина, даже не обратив внимание на то, в каких условиях живёт теперь Анатолий.

Она хорошо помнила улицы центральной части Ленинграда и без труда отыскала нужный адрес. Войдя в подъезд, спустилась на несколько ступенек вниз, позвонила в дверь. На этот раз открыли быстро. Женщина, спросив, к кому, показала ей на третью дверь по коридору. Элоина оказалась в большой коммунальной квартире из девяти комнат, с одной вместительной кухней и общим туалетом. Всё это она разглядит значительно позднее, а сейчас она снова с замиранием сердца стояла у дверей. Постучала, потом решительно толкнула дверь и вошла в полутёмное помещение. Она не сразу разглядела, а тем более узнала в сидящем на диване мужчине с землистым цветом лица, заросшего щетиной, своего Толика. Он смотрел на неё, но, казалось, не видел. Наконец Элоина поняла, что это он и есть, вскрикнула и бросилась навстречу. Он привстал, протянул к ней руки, но потом как-то безвольно их опустил. Она уткнулась ему головой в грудь. Не почувствовав ответного порыва, отпрянула, недоумевая.

— Толик? Что с тобой, я так долго ждала тебя!

— Но ведь не дождалась.

— Толик, мне сказали, что ты погиб.

— Наверное, они были правы.

— Толик, но хоть бы маленькую весточку... Толик, любимый! Я не хочу оправдываться перед тобой...

— Не оправдывайся, ты ни в чём не виновата. С того света не ждут.

Она бессильно опустилась на диван, в горле встал ком, не давая ни вдохнуть, ни выпустить горе на волю. Она уже совсем почти задохнулась, но тут оглушительной лавиной прорвались рыдания, сотрясая и опустошая её. А он сел с ней рядом, стал гладить её по голове, как маленькую, а потом прижал к себе, и она затихла. И шею её обожгло его горячее дыхание.

— Девочка моя, родная, — тихо приговаривал он. А руки уже ласкали её, его родные руки, которые она не смогла забыть. И она вздрагивала, как когда-то, как будто снова стала той юной девочкой, впервые познавшей мужскую ласку.

— Моя, моя... — шептал он. — Вижу, что ждала меня, любимая.

А она уже ничего не видела вокруг, кроме этих, поглощающих её бездонных глаз...

Тусклый рассвет заглянул к ним в окно. За окном моросил мелкий надоедливый дождь. В её любимом городе дождь шёл часто. Элоина сладко потянулась в постели. Из-под тёплого одеяла вылезать не хотелось, но рождалось томное желание и ожидание ласковых рук и горячих губ, которых почему-то рядом не было. Она открыла глаза и огляделась. Комната была пуста. В сердце опять зашевелилось беспокойство. Скрипнула дверь, и в комнату вошёл Анатолий, на ходу вытираясь полотенцем.

— Проснулась, Элла? Я не хотел тебя будить, уже опаздываю на работу. Я ненадолго. Позавтракай, мой стол на кухне голубой. Ну, тебе покажут. К обеду приду, тогда и поговорим. Не уходи надолго, у меня мало времени.

— А где и кем ты работаешь?

— Работаю всё так же поваром, но теперь в ресторане.

— О, ты шеф-повар!

— До шефа я не дорос, но меня ценят. Ты ведь знаешь, как я умею готовить. Вечером я всегда на работе.

— Я буду ждать тебя.

— Ну, вот и хорошо.

Женщина потянулась в ожидании прощального ласкового поцелуя, такого обычного в прошлые времена, но Анатолий только кивнул ей и, резко развернувшись, вышел. Она осталась совершенно обескураженная. После страстной ночи ей казалось, что всё у них наладилось или, по крайней мере, образует в ближайшем будущем. Тревожно засосало под ложечкой. Она встала и бестолково заходила из угла в угол. Есть не хотелось. В голову лезли странные путаные мысли: то ей казалось, что у Анатолия есть какая-то другая женщина; то что он стал каким-то совсем другим, незнакомым ей человеком; то ещё какие-то фантастические бредни о шпионах и разведчиках. Она искала причину непонятного ей поведения. Через какое-то время в дверь постучали, прервав её беспокойные мысли.

— Да, войдите!

Заглянула пожилая женщина, которая открывала ей дверь.

— Доброе утро. Анатолий просил показать вам всё на кухне, да и вообще в квартире. А вы что-то не выходите. Всё в порядке? Давайте знакомиться, я — Надежда Васильевна.

— Элоина.

— Как я понимаю, вы жена Анатолия?

— Да.

— Ой, как это здорово, что вы нашлись! А то я чувствую, что ему очень плохо и одиноко.

От этих слов на душе у Элоины немного отлегло, и она повеселела.

Кухня была просторной, середина свободная, а по стенам стояли столы. Голубой, небольшой, но аккуратный, примостился у маленького окна, за которым, кроме мелькавших ног, больше ничего нельзя было разглядеть. На столе стояла маленькая алюминиевая кастрюля, покрытая ватником.

— Элоина, вы позавтракайте. Толик приготовил, — сказала ей соседка, показывая на стол.

«Заботливый, как и в прежние времена», — мелькнула у Элоины мысль.

— Спасибо, — сказала она женщине.

— Не буду вам мешать, у нас ещё будет время поболтать, — улыбнулась ей женщина и вышла, оставив Элоину наедине с дымящейся аппетитной кашей и совсем не вкусными мыслями.

Позавтракав, Элоина снова ушла в комнату. Осматривала её, всё больше понимая, что живёт её муж очень скромно, гораздо скромнее, чем до войны. У стены диван с двумя круглыми подушками, в центре небольшой стол, покрытый плюшевой скатертью, а в углу скромно примостилась маленькая резная этажерка, на которой в беспорядке стояло несколько книг и лицом вниз лежала фотография в деревянной рамке. Элоина взяла её и с удивлением обнаружила себя на фотографии

тридцать седьмого года, через месяц после её приезда в Ленинград. На снимке она была такая молодая и беззаботная! «Откуда она у него?» — с теплотой подумала женщина. Надежда на то, что всё будет хорошо, снова возвращалась к ней. Время побежало веселей.

Анатолий, как и обещал, пришёл к обеду. Он опять не поцеловал её, а только слегка коснулся рукой плеча, но и от этого прикосновения её обожгло внутри, словно кто-то там разжёт яркий костёр. Огонь выплеснулся из её глаз ему навстречу, но Анатолий отвёл взгляд.

— Я пойду приготовлю обед.

— Я не голодна, недавно позавтракала. Не уходи.

— Как знаешь. Может быть, и лучше поговорить прямо сейчас.

— О чём?

— О нас с тобой.

— Зачем говорить? Мы с тобой вместе, и это главное.

— Я знаю, что ты вышла замуж.

— Мой брак сейчас уже аннулирован. Ты же понимаешь это.

— Я предлагаю тебе развестись и уехать к мужу.

— Толик, мой муж — ты! Ты ведь понимаешь, что я люблю только тебя?

— Девочка моя, послушай...

«Он снова назвал меня «девочкой», слава тебе, Мадонна!» — лихорадочно застучало у неё в голове, и она не сразу поняла и осознала то, о чем ей говорил муж.

— Прошло много лет. Ты не представляешь, в каком аду я побывал. Верней, я прошёл не один, а целых два ада. Элла, я не могу остаться таким же. Я другой, не тот, кого ты любила. Я не смогу тебе дать того, чего ты заслуживаешь. Я и раньше не мог тебе дать достойной жизни в этой стране. А что я могу сейчас?

— Мне ничего не надо! — возразила Элоина.

— Ты не понимаешь, у меня могут быть проблемы.

— Ты был в плену?

— Я был в двух лагерях — немецком и нашем. И оба можно назвать лагерями смерти. В одном меня спасла любовь к тебе, а в другом... Про другое я вспоминать не хочу, не хочу даже больше, чем о первом, фашистском лагере. Там мы жили одной мыслью — дождаться наших. А какого спасения можно было ждать в своих лагерях?

— Но за что ты сидел здесь?

— За то, что был в плену там.

— Но это всё в прошлом, любимый, давай начнём новую жизнь.

— Смогу ли я оторваться от старой, Эллочка?

— Сможешь! — она прильнула к нему и, заглянув в глаза, прошептала: — Я помогу, никуда от тебя не уеду.

И она не уехала, осталась с ним. Привыкала к новой жизни, к новому дому, к новому, не всегда приятному в отношениях с мужем. Она не устроилась на работу, стала заниматься шитьём дома, хоть это и не было принято. К ней даже приходил участковый милиционер — узнать причину её «тунеядства». Но последствий посещения не было — сказалась, видимо, её национальность. А причина была проста: если бы она стала работать, они бы почти не виделись с мужем. Работа, которой она

могла заниматься на своей фабрике, была дневная, а Толик всегда работал по вечерам. А так хоть утро у них было общее. Можно было подольше поваляться, пока Толик не пощекочет за пятки: «Ну, лежебока, вставай! Завтрак стынет». А вечером сидеть за швейной машинкой, пока муж не придёт с работы.

Только вот приходиться он стал частенько не в духе или навеселе. Часто бывал хмурый и раздражительным. Через эту мрачность редко пробивался тот прежний насмешливый и хорошо воспитанный аристократ. Иногда он на несколько дней уезжал в командировки. «Какие командировки у повара? Что с ним такое?» Элоина ломала голову, но никак не могла понять странностей мужа. Она радовалась, когда в нём просыпался тот прежний Толик, которого она очень любила, но месяц от месяца это происходило всё реже. И её всё больше стал раздражать его нетрезвый вид. Нет, она не разлюбила его, но какая-то досада на него всё-таки заползала в сердце. Тянулись однообразные дни, месяцы, которые незаметно сложились в два года.

В начале пятидесят шестого она получила сразу два письма: одно от подружки из Краснодарского края, другое от Мануэля из Тбилиси. Оба сообщали, что собираются уезжать на родину.

Это было первое возвращение испанских детей, на которое дали разрешение и советские власти, и Франко. Подруга звала её присоединиться, а Мануэль дополнительно писал о своих проблемах в семейной жизни. Уезжать в Испанию, в лапы к Франко она не собиралась. Письмо от Мануэля она прочла невнимательно, свои личные проблемы волновали больше. Ночью пришёл домой Анатолий, пьяный, бормоча странные, непонятные ей вещи про сволочей, которые не оставляют его в покое. Она сорвалась, накричала на него, а потом плакала, уткнувшись в подушку. Утром у неё мелькнула мысль: «А что если уехать вместе?» Уже успокоившись, она высказала её Анатолию.

— Возможно, это было бы спасением. А что, девочка, ты и правда возьмёшь с собой своего горемычного мужа?

— Не горемычного, а пьяницу. Куда же мне тебя девать? «С любимыми не расставайтесь», — продекламировала она понравившиеся строчки.

На другой день она кинулась узнавать о возможностях отъезда, но для оформления документов нужно было ехать в Москву. Толика дома не было, а без него нельзя было решить все формальности. Надо было дожидаться, когда он приедет. От тоски и одиночества она решила сходить погулять по городу. «Придётся ли увидеть Ленинград снова, если уеду?» — подумала она.

Она долго бродила по знакомым местам, и каждое было связано с какими-то воспоминаниями: первый поцелуй, выходной, который провела с друзьями, посещение интересного спектакля... А вот здесь они стояли в их последнюю прогулку с мужем перед войной...

Она замерла. Мосты разводили, и они устремились в небо. Элоина вспомнила, как когда-то давно Анатолий сказал ей, что долгую ночь они молятся, чтобы вновь соединиться. А значит, эти разведённые мосты хотят только одного, того, о чём мечтала все эти годы и она, — быть одним целым со своим любимым.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

РОЛИ НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ

Кто из людей, будь то мужчина или женщина, не мечтал встретить ту единственную свою половинку, чтобы быть с ней одним целым на всю жизнь? И мало кто в этой жизни не ошибался, не разочаровывался и не расставался навсегда со своими любимыми. А потом уже как будто со стороны рассматривал всё, что с ним происходило, и удивлялся: «Неужели можно было приписывать все эти замечательные качества такому обычному человеку?» Да что обычному! Позднее мы думаем — непорядочному, примитивному, да и, в общем-то, не такому уж красивому или красивой. Впрочем, половая или возрастная принадлежность тут неважны. Так может думать и девушка, и парень, и пожилая матрона, и убелённый сединами старик.

Приблизительно так размышлял и Мануэль, собираясь написать письмо в Ленинград Элоине. Он не мог уехать в Испанию, не сообщив ей о своём решении. Семейная жизнь, сулившая ему так много счастья, окончательно развалилась, и именно сейчас появилась возможность уехать на родину. Он решил сжечь за собой все мосты. Перед ним белый лист бумаги и вся его прошедшая здесь жизнь. Трудные строчки ложатся на синие линейки. Они вытягиваются в длинные рельсы железной дороги, и свистят бомбы, и качается котелок с заветной кашей на печке буржуйке... Тёмная тень колеблется от света лампы, и из-под руки вырастают чёрные, мрачные ночные горы, по которым они пробираются в Грузию...

Память, память, ну что ты с нами делаешь? Как просто всё забыть! Как не просто забыть всё!

И он вспоминает ту первую послевоенную весну в Тбилиси. В городе, в котором он начнёт трудиться на большом текстильном комбинате и жить со своими друзьями в общежитии уже самостоятельной жизнью. Этот город он когда-то увидел во сне. Здесь он встретил девушку, которая станет смыслом его жизни, с которой он отогреется душой, окончательно замёрзшей в ту блокадную зиму. Нет, он никогда, как и другие ребята, пережившие блокаду, не забудет пайку тёмного с примесью хлеба, казавшегося вкусней пряника. Ещё долго он будет вздрагивать от звуков, напоминающих ему о налётах и, греясь под южным солнцем, ужасаться от одной мысли о холоде и слякоти блокадного города.

Тёплое солнце Грузии, горы, фрукты, крутой берег Куры и шум её бурлящих вод, напоминающих море, — всё это будет гораздо больше похоже на его родину, на его родной дом.

Девятое мая сорок пятого года он встретил на берегу реки, мечтая о доме. Он не услышал восторженных криков, пока кто-то не затормошил его за плечо.

— Маноло, ты что, не слышишь? Победа! Победа! Фашистов разбили! Значит, и у нас их победят. Победят обязательно, и мы поедem на Родину.

Мануэль поднял голову. Около него стоял Луис, размахивая руками с какой-то детской глупой улыбкой на лице. Люди вокруг обнимались

и целовали друг друга. Кто-то громко плакал. Кто-то выкрикивал «Ура!», «Победа!», или какие-то слова на грузинском и других языках большого многонационального города. Ожидание этой радости было таким долгим, что она, радость, не удержалась в людях и выплеснулась наружу. Она ходила по улице, крича, плача, смеясь, напевая. Она принесла всем надежду, что впереди всё будет только хорошо и что все мечты и чаяния наконец-то исполнятся. Надежда на скорое возвращение домой появилась и у испанцев.

И вот с той весны прошло уже одиннадцать лет. За эти годы парни и девушки стали взрослыми женщинами и мужчинами. Они обзавелись семьями. И всё оказалось не так просто. Решиться уехать, даже если оба супруга испанца? Что ждёт их на родине? Как их встретят? Почти у всех родители были республиканцами, то есть оставались врагами нынешней испанской власти. Неизвестность пугала. А если в семье кто-то был не испанец? Русские, украинцы, грузины, армяне, да и каких только национальностей не было в этих смешанных семьях. Как уезжать? Теперь надо бросать родину кому-то из них. И всё-таки очень многие, даже такие, семьи собрались уезжать. Взять хотя бы того же племянника Мануэля — Хоакина. Он был много младше его, а женился почти одновременно с ним. И у него было уже двое сыновей, а старший был ровесником четырехлетней дочке Мануэля. Жена у Хоакина, как и Валентина, была русской, но она решила поехать с ним в Испанию. «Не понравится — назад приеду, — смеялась она, — родина меня не бросит». Действительно, людям давали год на то, чтобы приглядеться и решить, остаются они или нет.

Валентина про отъезд даже слышать не хотела. Её всё устраивало здесь. Да и вообще семейной жизнью она себя особенно не обременяла. Дочку отправила к матери на Волгу, оправдываясь, что это на пользу её здоровью, — малышка часто болела. Врачи говорили, что южный климат ей не подходит, а Валентине это было на руку. Она любила быть на виду, в окружении поклонников. Супружеская жизнь несколько не повлияла на её натуру. Самодеятельный театр при Доме культуры комбината, в котором она выступала, интересовал её гораздо больше Мануэля. Театр пользовался славой, жители города и окрестных сёл его очень любили. Валентина то и дело уезжала на гастроли. Артистические способности у неё действительно были неплохие, во многих спектаклях она играла главные роли.

В начале их семейной жизни главной была и её роль в семье. Мануэль боготворил свою бойкую красавицу жену и подчинялся ей во всём. Он много работал, чтобы семья не нуждалась. Работа не была в тягость, он обладал недюжинной физической силой. Но, возвращаясь с работы домой, он хотел, чтобы там его всегда встречали жена и дочка. Так не хватало ему для полного счастья заботливой Валентины и его ласковой Татки, такой долгожданной. Два года он возил Валентину на юг на лечение, чтобы она забеременела. Трудные военные годы сказались на здоровье многих девушек, которым ещё подростками приходилось трудиться целыми днями, мёрзнуть, голодать. И вот счастье — будет желанный ребёнок. Но... Мануэлю было очень досадно: «Валентина очень халатно относится к будущему здоровью малышки, курит даже беременная. Просто сладу с ней нет!»

А результат? У девочки приступы, задыхается. Где бы больше заниматься с ребёнком — так нет, отправила её к матери. И этот её театр просто уже раздражает. Иногда ему казалось, что свои роли она любит больше, чем его. Однажды он посетовал на это своему другу Луису, который тоже играл в театре. Тот отвёл взгляд и как-то неопределённо хмыкнул. Это очень не понравилось Мануэлю.

— Луис, ты мне друг или нет? Ты что-то скрываешь от меня?

— Я ничего не буду говорить тебе, Мануэль, но лучше Валентине быть дома и заниматься ребёнком. Театр — это прекрасно, но не для семейной женщины.

— Я согласен с тобой, Луис. Я попробую ещё раз поговорить с Валентиной.

— Попробуй.

Разговор ни к чему не привёл. Валентина наотрез отказалась уходить из театра. Они крупно поссорились, а на другой день Валентина уехала выступать, как и обычно по выходным. Он остался дома, злой и разобитый. Днём почтальон принёс письмо от родителей Валентины, в котором они просили приехать забрать Наташу, так как боялись, что не справятся с её очередной болезнью, а девочка очень слабая. «Доченька моя, Тати, опять заболела, нужно показать её хорошим докторам», — запереживал Мануэль. Нахлынули воспоминания о том, как мечтал назвать её Элоиной, как ссорились по этому поводу с женой и как их спор разрешила маленькая племянница, гостившая у них со своей матерью, сестрой Валентины. Девочка сказала: «Назовём Наташкой!». И он смирился: «Ну, ладно, назовём Тати».

Растроенный Мануэль быстро собрался в село, куда уехал театр, чтобы как можно быстрее отправить жену за дочкой. Та поездка окончательно перечеркнула их семейную жизнь.

Он приехал в село, когда спектакль уже закончился. Ему показали клуб, где остановились артисты, а за кулисами ему — комнату, где размещались женщины. Он постучал. Из двери выглянула знакомая девушка. Она развела руками и сказала, что Валентины здесь нет.

— Где она? — грозно рыкнул Мануэль.

Девушка испуганно показала на соседнюю дверь.

Мануэль, не постучав, распахнул дверь и увидел банальную сцену театрального и житейского спектакля. Его жена была в объятьях чужого мужчины.

— А!!! — не закричал, а почти зарычал взбешённый Мануэль. В эту минуту он готов был убить обоих. В комнату уже вбежали парни и девочки из соседних комнат. Увидев сцепившихся разгорячённых мужчин, Луис и ещё несколько ребят стали разнимать их. Но унять Мануэля с его недюжинной силой было трудно. Валентина пыталась ему что-то сказать, но он не слушал. Мотал головой и, стиснув зубы, стонал. Луис вытолкнул Валентину и остальных из комнаты. И всю ночь не уходил от него, боясь, что тот ещё натворит что-нибудь.

Утром Мануэль уехал в Тбилиси, собрал вещи и перешёл жить в общежитие. Валентина пришла к нему только один раз, говорила про какие-то репетиции, но слушать её он не стал. Она развернулась и ушла. Ещё раз они встретились лишь на суде. При разводе он пытался оста-

вить дочь у себя, чтобы забрать её в Испанию, но советский суд всегда защищал материнское право.

«Элоина, если бы ты знала, как мне тяжело сейчас! Я уехал бы с лёгкой душой, если бы моя дочка была со мной. Меня даже не утешает то, что со мной едет мой племянник со своими детьми. Сейчас поддержать меня можешь только ты».

Мануэль писал это письмо и надеялся, что Элоина ответит ему, но ответа так и не дождался. На его первую любовь снова обрушились страшные испытания, и проблемы других, даже близких ей людей отступили на задний план. А Мануэля ждали новые разочарования и новые надежды. Последние перед отъездом месяцы были заняты подготовкой необходимых формальностей. Какая-то непонятная апатия напала на него. И именно тогда рядом с ним всегда оказывалась его давняя подружка Тереза. Он не придавал этому значения, пока друзья не стали ему открывать глаза, что опека эта не просто дружеская. Вокруг стали расползаться слухи. Территория текстильного комбината была небольшим замкнутым пространством, где всё было на виду. И очень скоро про их дружбу узнала Валентина. Конечно, она была уверена, что это не просто дружба. Но ему было всё равно, что она думает. Он даже хотел сделать ей так же больно, как сделала ему она. Он считал, что страшней того удара, что он получил изменой Валентины, не может быть. Но он ошибался.

Перед отъездом он зашёл повидаться с дочкой. Валентина встретила его холодно.

— Что тебе надо?

— Дай мне простится с дочерью.

— У тебя здесь нет дочери.

— И всё же она здесь.

— Ты думаешь, что это твоя дочь, но ты ошибаешься. Отец моей Наташи не ты.

— Зачем ты лжёшь?

— Ты никогда не отличал правду от лжи, но сейчас я говорю правду. Хочешь верь, хочешь нет.

Земля поплыла под его ногами. Хлопнула дверь.

Этот стук выстрелил ему в сердце. Маленькая пуля застряла где-то сбоку, мешая сердцу работать. Её никто никогда бы не обнаружил, но сам он знал, что злодейка сидит там, внутри, и потихоньку отравляет его своим ядом. А яд этот отнимал у него жизнь.

Его больше ничего не связывало с этой страной.

«Скорей бы домой, на родину. Наверное, там мне будет легче...» Он почти перестал спать. В последнюю ночь в Тбилиси ему приснился странный сон из далёкого детства. Он шёл по улице родного Хихона к своему дому. Из окошка выглянули мать с отцом и поманили его. Он махнул им рукой, но в дом заходить не стал. По улице шла та самая испанская девушка из его детского сна, и он пошёл за ней...

Через несколько дней он, стоя на палубе теплохода, пристально вглядывался в узкую полоску земли, которую поглощало тёмное, зловещее, всё увеличивающееся пространство моря. Он перестал различать этот

далёкий уже, навсегда оторванный от него берег. Прикрыв глаза, он мысленно представил себе другого, который, как ему казалось, все эти годы ждал его, — родной испанский.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

СНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Обшарпанная стена была разрисована вдоль и поперёк. Каждый, кто хоть недолгое время находился в этом тесном замкнутом пространстве, старался оставить корявое воспоминание о себе, как будто нацарапанные неизвестно чем слова (ведь все острые принадлежности изымались) действительно могли продолжить жизнь человека. Стены кричали о невиновности осуждённого, передавали любовные послания, извергали проклятия.

Внимание мужчины почему-то привлекли лишь два коротких слова. Одно очень часто именуют словом из трёх букв, второе являлось обращением «вам». Неизвестный предшественник грозил: «... вам!» В полутёмное помещение из зарешёченного окна просачивалась тусклая полоска света, приоткрывавшая послания в неизвестность. Лёжа на нарах, мужчина тупо уставился на короткую фразу. Буквы соединились в единую длинную полосу и, обернувшись змеёй, соскользнули со стены. Шипя и извиваясь, змея обернулась вокруг шеи мужчины и начала душить его. Он безвольно опустил руки и даже не пытался сопротивляться.

Элоина видела всё, что происходит в помещении, но она была снаружи за стеной и никак не могла пробиться через неё. Она узнала в мужчине Толика, она кричала, но крик не доносился до его ушей. Помещение становилось всё меньше, как будто стены надвигались на заключённого. Наконец они сомкнулись, вытянувшись дугой и превращаясь в мост. Она обрадовалась и шагнула на него, взявшись за холодный металлический поручень. Мост стал разводиться. Женщина побежала, но мост был всё круче, и она соскальзывала обратно. Раздался непонятный грохот, и кто-то окрикнул её. Она обернулась и увидела сердитое лицо человека, одетого в форму милиционера...

— Откройте, милиция! — услышала Элоина голос, который возвращал её из сна в реальную жизнь.

Она торопливо встала, накинула на плечи, не застёгивая, халат и подошла к двери. Звякнула связка ключей, соприкоснувшись с ручкой, непривычно заскрипели петли приоткрываемой двери, будто кто-то невидимый придерживал её и не давал распахнуться. В проёме показалось уже знакомое ей лицо милиционера из прерванного сна. Элоина почему-то этому не удивилась, словно переходящие в реальность сновидения были обычным явлением. Из-за спины милиционера выглядывали испуганные глаза Надежды Васильевны и удивлённо-любопытные соседского мальчишки Петьки.

— Гражданка Элоина Менендес? — спросил милиционер.

Она утвердительно кивнула.

— Ваш муж, Анатолий Родионович Клиновский, дома?

— Нет, он в командировке.

— Передайте ему повестку. Как только приедет, ему нужно будет явиться в милицию. Адрес и фамилия следователя указаны.

— А что случилось? — машинально спросила Элоина, прекрасно понимая, что правды ей всё равно не скажут.

— Идёт следствие, он выступает по делу свидетелем. Не забудьте: как приедет — сразу же.

— Конечно, — помотала она головой, но про себя подумала: «Он, конечно, говорит неправду. С Толиком произошло что-то серьёзное. Но что?»

Милиционер ушёл, а соседка, видя её расстроенное лицо, стала успокаивать.

— Не переживай, Элочка, мало ли что случается в ресторанах. Толик мог просто случайно присутствовать при каком-то происшествии.

— Да, конечно, я понимаю, — согласно кивала она, совершенно не соглашаясь внутренне со словами Надежды Васильевны.

Ей хотелось поскорее остаться одной, и она с облегчением вздохнула, когда за соседкой закрылась дверь. До вечера она сидела на диване, не выходя на кухню, не принималась за работу, хоть на столе и лежал срочный заказ. Стемнело. Она встала, подошла к выключателю, рука остановилась на расстоянии, потом безвольно опустилась. Прислонилась лбом к холодной стене, минуту постояла, а потом вышла на улицу, подставляя лицо мелкому морсящему дождю. Вдохнула полной грудью влажный ленинградский воздух, пошла по набережной вдоль канала. Почувствовав влагу на спине и плечах, вспомнила, что забыла захватить зонтик. Уходить домой не хотелось, и она встала под козырёк подъезда соседнего дома. С серого неба лился серый дождь, он сползал по серой стене, серому парапету, сливаясь с серой водой. По её щекам стекали тоненькие горько-солёные струйки. Дождь расходился всё сильнее. Вода хлопала, словно всхлипывая, и ей казалось, что весь город сейчас плачет вместе с ней.

Открывшаяся дверь стукнула её по спине, но она не почувствовала боли.

— Женщина, вы что тут делаете? Что-то случилось? — спросил вышедший из подъезда мужчина.

— Нет, не беспокойтесь, — встрепенулась Элоина и поспешно зашагала к дому.

Целые сутки до приезда Анатолия она ничего не могла делать и слонялась из угла в угол своей маленькой комнаты, натываясь на немногочисленную утварь, или уходила бродить по набережной. Когда муж вернулся, она отдала ему повестку и сообщила о необходимости срочной явки в милицию. С удивлением отметила, что муж встретил известие как должное. Никаких отрицательных эмоций или беспокойства он не проявлял, но по лицу скользнула тень досады, а потом на него легла печать обречённости. Она хотела идти в милицию вместе с ним, но он её не взял.

Его вызывали ещё несколько раз. Анатолий говорил, что как свидетеля, но Элоина ему не очень поверила. Первые дни, когда он уходил на очередной вызов, она очень нервничала, но постепенно стала успокаиваться. «Может, и вправду просто свидетель?» — думала она.

Наступил пятьдесят шестой год, и ситуация в стране очень изменилась. После осуждения культа личности необоснованные аресты сократились, не стало и самой страшной статьи — «без права переписки». Стало свободней, легче дышать и всем людям страны, и тем, кто себя считал не совсем стопроцентными советскими гражданами, приехавшим сюда, как они думали, временно.

Хрущёвская оттепель принесла испанцам долгожданную возможность вернуться на родину. Прежде об этом не могло быть и речи. Возвращению препятствовали и советские власти, и руководители испанских коммунистов, находившихся в эмиграции. В детях, выросших в СССР, видели новых борцов-интернационалистов, которые в будущей Испании будут воевать за левые идеи. Но далеко не все ребята готовы были снова стать революционерами, даже если таковыми были их отцы. Большинство мечтало получить образование, хорошую профессию и жить обыкновенной, спокойной жизнью. И мечтали вернуться домой, невзирая на то, что франкистский режим относился к ним с большой подозрительностью.

Элоина отчётливо понимала, что сладко в Испании ей не будет. Она была убеждена, что франкисты не доверяют тем, кто прожил столько лет в Советском Союзе, а значит, возможны и слежка, и даже преследования. И она не ошибалась. Позднее многие из вернувшихся в Испанию будут обижены таким отношением: частыми вызовами в полицию, подозрительностью соседей и даже недовольством собственных родных по поводу их приезда. Элоина как будто заранее знала это, но всё-таки решилась уехать ради своего Толика. Своим любящим сердцем она чувствовала, что жизнь советской страны, которая была для неё идеалом, её мужу была чуждой, отторгаемой и никак не принимаемой. Молодая женщина с нетерпением ждала, когда закончится следствие и она сможет заняться решением вопроса об их отъезде. Через два месяца муж сказал, что через несколько дней состоится суд. Он не хотел её присутствия, но она была непреклонна.

Этот суд долгие годы был для неё странным и непонятным. Сначала она и вправду решила, что Толик свидетель. Потом поняла, что его обвиняют в хищениях. В конце суда было объявлено, что его осудили на три года. Объявив об этом, судья и все другие, кто был в зале, ушли. А они остались сидеть вдвоём.

— Почему тебя не арестовали? — спросила она.

— Не знаю, — пожал плечами Анатолий. — Но раз не арестовали, значит пошли домой, тем более, что завтра мне нужно уезжать в командировку в Москву.

— Я ничего не понимаю. Может, твой срок условный? Но теперь нас точно не выпустят из страны.

— Одна ты можешь уехать.

— Одна я не хочу.

Они молча вышли из мрачного помещения и так же молча пошли вдоль знакомой набережной. Дома Элоина стала собирать Анатолию вещи, а он готовить ужин.

Это был последний вечер, который они провели вместе. Не было прежней страсти, но вернулась искренность отношений. Анатолия

словно прорвало, и он рассказал ей о страшных потрясениях и в фашистском лагере, и позднее, в своём советском, который ещё в большей степени сломал его. И он просил у неё прощения, словно предчувствуя, что никогда больше они не увидятся.

— Девочка моя, я очень жалею, что не смог сделать тебя счастливой.

— Что ты, Толик! Да разве более счастливой, чем с тобой, я могла бы быть? — твердила она ему. — Почему ты так говоришь сейчас? Тебя даже не арестовали, может, всё обойдётся?

Её знобило. Он обнимал её и согревал всю ночь. Под утро она сладко заснула. Сквозь сон почувствовала, как уходит, исчезает родное тепло, как остывает потихоньку место рядом с ней и под приоткрытое одеяло к спине пробирается влажный неприятный холод. Она окончательно проснулась. Под потолком из маленького окна просачивался тусклый свет.

Наступил новый день. Она была совершенно одна в пустой и холодной комнате.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ СВОЮ ДОРОГУ

Две недели прошли в неизвестности и ожидании, пока на пороге снова не появился милиционер, сообщивший, что Анатолий погиб при попытке к бегству на второй день после ареста. Ей передали его личные вещи.

Нет! Она не могла в это поверить, осознать эту страшную потерю. Он вышел из комнаты на несколько дней, а ушёл из её жизни окончательно.

Она перебирала в памяти всё, что происходило последнее время. Наплывали обрывки разговоров, не связанные между собой мысли натыкались друг на друга, как льдины в ледоход: наплывали, наслаивались, исчезали в тёмной глубине.

Почему его не арестовали сразу в зале суда? Потому что она испанка? Боялись, что всему придадут политическую окраску? Тогда зачем арестовывать его в Москве? Что это изменило? Загадка, которую она не сможет разгадать никогда. Но одно она знала: если бы это случилось, когда она была рядом, она смогла бы подарить ему надежду. В Москве у него не было надежды. И в памяти так явственно всплыл их последний разговор.

Вечером после ужина они присели на свой любимый диван, а впрочем, другого в их доме не было. Она не помнит, почему от воспоминаний о далёком довоенном времени они перешли к тому, что происходит сегодня. Она доказывала, что с приходом Хрущёва в стране многое изменилось в лучшую сторону, что стало больше свободы, что вот теперь начнут наконец строить настоящий коммунизм, который принесёт счастье каждому человеку. Именно про такой коммунизм рассказывал ей когда-то её отец. А значит, и в их жизни всё наладится. Анатолий тихо улыбнулся.

— Мне бы хотелось в это верить, девочка, но у нашей страны есть свои исторические особенности. А если верить главному человеку, который придумал коммунизм, то его нельзя построить в отдельно взя-

той стране, а только планетарно. Ведь Маркс действительно был не дурак, наверное, он был прав.

— Нет, Толик. У нас всё получится.

— И как меня угораздило влюбиться в идейного противника? — опять усмехнулся он. — Но всё-таки послушай меня, девочка. Сегодня я могу поговорить с тобой откровенно. Наша сегодняшняя страна, СССР, — это ведь, в сущности, прежняя Российская империя. Народ генетически впитал в себя определённый тип управления, а это монархия. Поэтому всегда будет какой-то царь, неважно, хороший или плохой. Даже из самого слабого лидера будут делать царя. Разве Сталин не был им? Конечно, у нас сильны и общинные традиции, которыми воспользовались большевики. Мы любим, чтобы было «всем миром», но нужна сильная управляющая рука. Многовековое рабство тоже сделало своё дело. Русскому человеку трудно изжить своё природное холопство. Пресмыкательство перед сильными и попираание слабых — вот его характерная черта. Конечно, у нас есть свободолюбивые казаки, которые никогда не были в рабах, или, верней, бежали от рабства. Это примерно то же, что у вас гордые, не порабощённые астурийцы — твои земляки. Но их удельный вес в общем составе не так велик, да и они всегда верой и правдой служили царю. За что их ненавидели рабочие, по спидам которых не раз гуляли нагайки. Порядок в нашей огромной стране всегда сохраняла лишь сильная власть, если её не будет, то наступят хаос и растапиловка. Воровали даже у Петра Великого под носом. Законам подчиняться мы не привыкли. «Закон что дышло, куда повернёшь, туда и вышло». Западом, мне кажется, мы не будем никогда. Вот тут и думай, стоило ли убивать одного царя — законного, чтобы потом сажать на престол «самозванцев». И вот самое главное, что я понял в лагере. Параллельно незаметно выстраивается другая, пока нелегальная, структура. Это эковская власть. И не дай бог, если вдруг ослабеет наш новоявленный царь, — начнётся в стране опять смута великая, и, воспользовавшись этим, придут к власти настоящие бандиты. Перенесут свою «мораль» на всё общество, перевернут всё с ног на голову. И сможет ли простой человек противостоять им? Я вот не смог, слабым оказался. А выбор был. Он всегда есть.

— Но, Толик, какой у тебя был выбор?

— Можно было выбрать смерть, а не жизнь.

— Не говори так. И вообще, ты говоришь сейчас какие-то непонятные вещи. А я считаю, что всё не так плохо. Вот ведь тебя не арестовали? Что значат эти три года, если я ждала тебя двенадцать лет? Они пройдут, и мы с тобой подумаем, как будет лучше. Ради тебя я согласна даже поехать в лапы к Франко. Если тебя не оставят в покое эти сволочи, мы обязательно уедем. Я помогу тебе.

— Элочка, ты, наверное, никогда не изменишься... Я снова слышу — «No pasaran»!

Он притянул её к себе, зарылся лицом в пушистые волосы. Она и сейчас чувствует его незримое присутствие: прикосновение рук, сладость губ, родной запах. «Боже! Этого не может быть, чтобы тебя не было на этом свете, — думает она. — Это несправедливо — потерять любимого человека, когда только обрела его».

Бессмысленно она перекладывает с места на место вещи, какие-то бумаги, вглядывается в фотографии, читает когда-то казавшиеся глупыми маленькие записки. На глаза попадает несколько писем, одно не распечатано. Это письмо от подруги. В нём она сообщает дату и место отъезда, просит приехать попрощаться. Элоина вспоминает о письме Мануэля. Она не ответила на него. «Наверное, нужно съездить проводить своих друзей, а иначе я никогда не прощу себе этого. Может быть, мы вообще никогда не увидимся. Вот и расходятся наши дороги...»

Она спешно собирается. Надо обязательно успеть. В своём стремлении действовать Элоина наконец обретает прежнюю себя. Поезд везёт её в Одессу. Она успевает только-только. Несколько минут прощания. Суета, знакомые и незнакомые лица. И вот теплоход отходит от причала. Силуэты людей становятся меньше и меньше, они уже похожи на маленьких детей, тех, кого она никогда не забудет, которые хватаются за её подол, надеясь обрести в ней мать. Она помнит эти чумазые, беззащитные лица перепуганных и голодных детей. Она помнит свист пуль, разрывы бомб в небе Испании. Она помнит холод блокадного Ленинграда, фашистских снайперов-альпинистов на Кавказе. Они выжили, они спаслись. В Союзе они всегда были на особом положении, у них было много возможностей выбрать любую профессию, получить любое образование. А там? Что ждёт их там? Её сердце разрывается от тревоги за них. Но что она может поделать? Они сделали свой выбор. Каждый в этой жизни делает его, а значит, у каждого своя дорога.

Только сами ли мы её выбираем? Может быть, это всё нам предопределено?

Сейчас она уверена в одном: свой путь она выбрала сама. Она тоже хочет коснуться родной испанской земли, но она подождёт, поскольку твёрдо знает, что это обязательно случится в будущем, которое не должно быть таким страшным, трагическим, каким было их прошлое.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

СТУЧАЩЕМУ ОТВОРИТЕ ...

Прошло ещё двадцать лет. В 1977 году умирает генерал Франко. После его смерти проведут референдум, и народ Испании проголосует за монархию. Интересно, как бы повели себя в такой ситуации французы и русские, не отруби голову королю одни и не расстреляй царя с семьёй в подвале другие? Но история не знает сослагательного наклонения.

В Испании не сразу, а постепенно жизнь начинает меняться. У Элоины появляется возможность приехать на родину. Она уже в солидном возрасте. У неё есть муж, который её очень любит, но у неё нет детей, которых бы могла любить она. Женщина со своими друзьями-испанцами оформляет документы через французское посольство. Три дня в ожидании визы она гуляет по Парижу. Незабываемые дни. Сколько прекрасных впечатлений: здесь и пышный Лувр, и собор Парижской

Богородице, и Елисейские поля, и, конечно, Эйфелева башня. По неволе она сравнивает Париж с Ленинградом. Париж, спорю нет, прекрасен, но Ленинград для неё всё же роднее. «Интересно, — думает она, — а какое впечатление будет от Мадрида?» Мадрид — это совсем чужой город. Конечно, она понимает, что приедет в столицу Испании, но ведь её ничего с ней не связывает.

Нет, она ошибается, связь всё-таки есть. Случайно Элоина узнаёт, что в Мадриде живёт Мануэль. Незадолго до её приезда в Испании побывали их общие друзья из Грузии. Луи Фернандес дал ей адрес Мануэля. Первое, что она делает в Мадриде, — отправляется по этому адресу. Вот сейчас она увидит родного человека. Сколько она сможет рассказать ему, сколько расскажет ей он! «Жаль, — думает она, — что я не смогла разыскать его дочь. Её куда-то увезли из Тбилиси. Но, может, он сам всё знает? Интересно, а есть ли у него ещё дети? Для меня они станут родными». Она спешит, ведь скоро отправляется автобус на Хихон. Она идёт по правой стороне главной Хлебной улицы, с замирающим сердцем останавливается у дома № 2. Стучит. Не сразу, но дверь открывают.

На пороге незнакомая женщина её возраста, может, немного постарше или помладше. Сразу определить трудно. Смотрит вопросительно. Элоина обращается к ней.

— Добрый день. Я близкая знакомая Мануэля, приехала из Советского Союза. Будьте добры, позовите его.

— Его нет дома.

— Как жаль, а не могли бы вы...

Из глубины слышится мужской голос.

— Тереза, кто там опять?

— Не беспокойся, Маноло, просто ошиблись.

Слышны удаляющиеся шаги и всё более глухой голос:

— Что-то часто стали ошибаться последнее время, странно...

Элоина недоумённо смотрит на женщину. Та не отводит надменного взгляда.

— Больше никогда не приходите сюда. Ваша жизнь нас не интересует. Оставьте нас в покое. Столько лет прожили там, живите дальше.

Дверь закрывается. Она поднимает голову. Окна плотно зашторены. «Дом с закрытыми глазами...» — печально думает женщина.

Она переходит на левую сторону улицы и медленно идёт по направлению к центру города. Время сиесты. Изнуряющая жара и пустота, но ей холодно. Маленькую и одинокую женщину окружает огромный и незнакомый город.

«Нет, я не буду осуждать их, ведь неизвестно, как им жилось все эти годы, через что пришлось пройти», — успокаивает она себя. Но внутри непонятная досада, которую она никак не может прогнать. Она всегда была уверена, что разлука не может убить ни любовь, ни дружбу.

Неужели эти разведённые мосты никогда не соединятся?

Е. С. Роговер

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

(Литературный портрет, окончание)

Середина сороковых годов стала знаменательным рубежом между войной и наступившим миром. Началась новая полоса творчества Константина Михайловича Симонова. Конец 1945 года был ознаменован длительной командировкой писателя в Японию. К. Симонова, а также прозаика Б. Горбатова, журналистов Л. Кудреватых и Б. Агапова срочно вызвали с мест их осеннего отдыха в Москву и поручили отправиться в страну восходящего солнца, недавно капитулировавшую, где еще не было даже советского представительства. Дневники, которые Симонов вел в этой стране, показывают обилие разнообразных впечатлений, там полученных. Статья «За рубежом», корреспонденция «Уроки одного кругосветного путешествия» и письма, присланные В. Серовой, а также итоговые книги «Рассказы о японском искусстве» и выпущенная позже «Япония-46» открывают читателю новый, неповторимый мир политики и культуры, вынесенный из поездки, продолжавшейся около пяти месяцев. Очень интересна первая из названных книг, где повествуется о самобытной культуре Киото, интерьерах японских домов, о знаменитой чайной церемонии, о театрах «Кабуки», «Но» и древних кукольных представлениях. Но нравы и обычаи не заслонили для Симонова и его читателей людей, к которым, как всегда, писатель проявляет обостренный интерес. Это и господин Кавасэ, создавший вместе

с единомышленниками музей японского народного искусства, и поэт с не названной автором фамилией, человек особого мужества и редкостного таланта.

Когда К. Симонов возвращался из Японии в Москву, он неожиданно получил в вагоне телеграмму, в которой ему предлагалось слезть с поезда, пересесть на самолет и отправиться в новую длительную командировку в Соединенные Штаты [1]. Теперь у поэта были новые спутники — И. Эренбург и М. Галактионов. Задача у троих визитеров в Америке было много. Самой интересной частью пребывания в Штатах, как об этом рассказывает кинодеятель Б. Котен, был месяц, проведенный в Голливуде, где писатель неоднократно встречался с Чарли Чаплиным, о котором потом он напишет воспоминания, с Б. Брехтом, Л. Фейхтвангером, Гансом Эйслером [2]. Творческим итогом этой поездки стала статья К. Симонова «Власть денег» об американском театре и пьеса «Русский вопрос» (1946).

Названное драматическое произведение писателя рисует образ честного американского журналиста Гарри Смита, который, создав правдивую книгу о России, был вынужден вступить в острейший конфликт с газетным магнатом Макферсоном, его единомышленниками и правящими кругами своей страны. Смит убеждается, что в обстановке всечасной купли и продажи немислимо сохранять

совесть и быть справедливым. Журналист полностью разорен, и любящая его Джесси оставляет мужа. Трагична и нарисованная параллельно судьба друга Смита, журналиста Боба Морфи, погибающего в рекламном самолете. Автор пьесы выразительно передал приметы среды и времени, в которых происходит действие. «Русский вопрос» был успешно поставлен в Малом театре (1946) и МХАТе (1947) и удостоен Государственной премии СССР.

К этой драме примкнула книга стихов «Друзья и враги» (1948), основанная на полученных в Америке, Канаде и Японии впечатлениях. К. Симонов отошел здесь от прежней лирической поэзии и решительно обратился к гражданским темам. Поэт воспроизвел напряженные коллизии тогдашнего мира, вступившего в обстановку холодной войны. Поэтому строки сборника включили в себя острую и злободневную полемику и запоминающиеся зарисовки друзей и противников мирной жизни. Таковы исполненные антитез и контрастов стихотворения «Красное и белое», «Митинг в Канаде», «Немец», «Новогодняя ночь в Токио». Эти строки дышат мощной публицистической страстью, исполнены темперамента и задора, хотя иногда в стихотворную вязь вводятся ораторские интонации, излишние прозаизмы, длинноты и термины политической речи. «Друзья и враги», награжденные Государственной премией СССР (1949), стали в первые послевоенные годы излюбленным репертуарным сборником эстрадных чтецов.

В тот длительный период, когда поэт находился в многомесячных командировках в Японии, Америке и Канаде, В. Серова жила в Москве, поглощенная театром, кино и друзьями. У нее, как всегда, было много почитателей и поклонниц, не обошлось и без досужих сплетен. Ей приписы-

вали мимолетный роман с М. Бернесом и говорили о влюбленности в нее И. Берсенева, главного режиссера Театра им. Ленинского комсомола, где она играла. Но это были обывательские вымыслы, поскольку у названных актеров были в ту пору совсем иные привязанности [3].

К названным поездкам К. Симонова в конце 40-х годов добавилась командировка в Китай (1949), куда писатель отправился как корреспондент «Правды». Вместе с ним в этой стране были С. Герасимов и В. Раппопорт. Писательские наблюдения и операторские съемки проходили в Четвертой Полевой Китайской армии, на юге страны. Писателю довелось беседовать с Линь Бяо, Гао Ганом и другими военачальниками, поведавшими о наступлениях освободительных армейских подразделений. Когда эти трое деятелей культуры вернулись из Китая, их встретили жены, причастные к кино: Тамара Макарова, Валентина Серова и Лидия Смирнова. Итогом поездки стала книга Симонова «Сражающийся Китай», богатая яркими впечатлениями и раздумьями автора о пробудившемся Востоке.

В ту пору случались и поездки по родной стране. В качестве депутата Симонов побывал на Смоленщине, где с душевной болью увидел следы недавней войны, оставленные ею пепелища. На основе пережитого возник замысел повести «Дым отечества», названный словосочетанием, встречающимся в стихах Г. Р. Державина и А. С. Грибоедова («И дым отечества нам сладок и приятен»). В данном случае «дым» был не слишком сладок, скорее горек и разъедающ, но нежная любовь к родной стране, которая звучит в тексте и его лирической концовке в повести полна глубокой поэзии и трогательной проникновенности: «Отечество, милое отечество! ... Молчаливо любимое, верно хранимое

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

в бедствиях, наше советское отечество! Что же ты такое? ... твоя слава и твоя непобедимость, мое израненное войной, но могучее, еще не залечившее всех ран, но уже снова хулимое врагами, мое гордое и неукротимое отечество!» Эти исповедальные слова принадлежат самому автору, но их мог бы произнести и герой этой повести, Петр Басаргин, внутренне очень близкий Симонову характером размышлений и чувствований, а также биографическими подробностями (Басаргин, как и поэт, сражался на войне, был также направлен в Америку, тоже посещает городок близ Смоленска). Интересно композиционно построенная, повесть содержит ретроспекции, возвращающие читателей к пережитой войне, картины сложного послевоенного времени, изображение нелегкого семейного быта, лирические отступления, подобные приведенному. Повесть была эмоционально воспринята читателями, ее сердечно любил сам Симонов, и поэтому грубый «наскок» Н. Маслина в официальной прессе стал очень тяжелым ударом для писателя, приведший к растерянности и временному душевному кризису. Не спасла даже радость от рождения у него и В. Серовой дочери Маши.

В трудной обстановке, в состоянии подавленности и тяжелых переживаний, отталкиваясь от «дела» Клюевой и Роскина, ученых-медиков, передавших американцам свою рукопись по проблемам онкологии, Симонов пишет пьесу «**Чужая тень**» (1949), в которой профессор Трубников отправляет американским коллегам свою рукопись на медицинскую тему. Из-под пера драматурга вышло произведение очень слабое, переполненное политическими штампами, похожее на ходячую в ту пору схему (вспомним пьесу Б. Ромашова «Великая сила»). Хотя симоновскую пьесу хвалили руководящие партийные идеологи и официальная критика, хотя она была вновь, уже

в шестой раз, отмечена Государственной (Сталинской) премией (1950), а для автора это одобрение стало тогда выходом из кризиса, позже Симонов будет стыдиться этого надуманного и опрометчивого «творения».

В 1952 году из печати выходит первое крупное эпическое произведение писателя – роман «**Товарищи по оружию**», посвященный событиям 1939 года на Халхин-Голе. Это повествование наметило поворот Симонова к осмыслению истории и философии Второй мировой войны, оно стало серьезным поступком к художественному исследованию битвы против нашей страны, начатой с прощупывания советской мощи на Дальнем Востоке. Писатель зримо показывает место действия – монгольские степи у озера Буир-Нур, передает время, ограничивая его шестью месяцами, продолжает свою тему, намеченную в «Монгольском цикле» (1939-1940 гг.), акцентируя ныне внимание на исторических событиях и реалистической картине развернувшихся здесь боев. Ему удается передать и жестокость войны, и напряжение в ходе осуществления операции, но упор сделан на раскрытии того стремления к победе, которое стало определяющим в поведении наших командиров и бойцов. В них формируется и проявляется яркое чувство дружбы, которое сплачивает всех этих товарищей по оружию – Польшина, Синицына, Климовича, Шутикова, Артемьева, людей, принадлежащих к различным родам войск. Сюжет романа и его композиция приведены Симоновым в соответствие с ходом основных событий. Писателю удалось нарисовать выпуклые и значительные фигуры Польшина, Козырева и таких их антиподов, как авантюрист Каматубара. В то же время в романе заметны авторские просчеты: редкое обращение к образам бойцов, отсутствие картин жизни нашей страны, монотонность стиля, сухость языка. Тем не

менее роман был воспринят как значительное явление нашей прозы начала 1950-х годов, как несомненный шаг вперед в творческом развитии писателя. Автор намеревался сделать это произведение первой частью будущей трилогии о войне, но случилось так, что «Товарищи по оружию» оказались лишь прологом к большой эпопее.

Хотя в пятидесятые годы К. Симонов активно занят широкой и многогранной общественной деятельностью (он – главный редактор «Литературной газеты» с 1950 по 1953 год, вторично возглавляет редколлегию журнала «Новый мир» – с 1954 по 1958 год, Секретарь Правления Союза писателей СССР – с 1946 по 1959 год и заместитель Генерального секретаря Союза писателей – с 1946 по 1954 год, депутат Верховного Совета СССР 2-го и 3-го созывов – с 1946 по 1954 года, делегат XXIII, XXIV и XXV съездов КПСС, член Центральной ревизионной комиссии – с 1956 по 1961 год, заместитель председателя Советского Комитета защиты мира, Председатель комиссий по литературному наследию М. А. Булгакова и А. Т. Твардовского и т.д.), он тем не менее создает в это десятилетие сборник «Стихи 1954 года», «Норвежский дневник» (1955), написанный на основе скандинавской командировки за одну лишь неделю, книгу критических статей «На литературные темы» (1956), сборник очерков «Люди с характером» (1958). В этих книгах он проявляет себя как интересный очеркист, рассказчик, публицист, критик, зоркий путешественник, эссеист, переводчик, поэт.

Одновременно Симонов демонстрирует свойства человека доброй воли и заботливого друга. Он добивается пенсий, помогает людям получить квартиры, поставить телефоны, найти дефицитные лекарства, место в больнице, восстанавливает писательские репутации, принимает горячее участие в публикации «Мастера и

Маргариты» М. Булгакова, помогает М. Зощенко, добивается публикации романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» и стихов О. Мандельштама, переиздания книг Ильфа и Петрова, вводит в литературу писателя В. Кондратьева [4]. Можно лишь поражаться этой человечности и энергии, направленной на умножение добра.

Между тем в личной жизни Симонов переживает глубокую драму. В. Серова стала подумывать об уходе от Симонова, человека долга и святого отношения к своим обязанностям, что ей претило. Об этом сохранились записи в ее коричневой тетради. Не находя выхода, она стала разрушать себя, много пить, желая забыться в мире иллюзий; стала переходить из театра в театр, прогуливать спектакли, началось «выпадение памяти». Симонов не раз уходил от уже не излечимой Серовой. В Кисловодске, где он лечился, у него начался роман с Ларисой Алексеевной Жадовой, дочерью известного генерала и вдовой поэта Семена Гудзенко. Серова и Симонов были вынуждены развестись. Это случилось в 1957 году. Тогда же у Симонова и Жадовой родилась дочка Саша, которая станет впоследствии любимицей отца.

В следующем году К. Симонов ушел со всех своих постов и с новой семьей уехал в Узбекистан, где прожил два года (с 1958 по 1960 год). Поездка была связана с желанием приступить к написанию большого романа в обстановке, где ничто бы его не отвлекало от творчества. Правда, и здесь писатель выполнял обязанности корреспондента «Правды» по Узбекистану и отправил в газету серию очерков «Что такое Голодная степь?» Собранные воедино, они составили упомянутую уже книгу «Люди с характером». Но основное время было занято трилогией «Живые и мертвые».

Начало 60-х годов было отмечено созданием «Южных повестей» (1956-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

1961) о лично пережитом на войне и пьесы «Четвертый» (1961). В отличие от прежних своих произведений в драматургическом жанре, имевших традиционное построение, эта пьеса решена условными средствами. Ее художественное время раздвинуто, но между прошлым, настоящим и будущим нет четких границ. Герой, ведя страстный внутренний монолог, инсценированный автором, периодически возвращается в прошлое, встречается со своими давно умершими друзьями, оживающими в тревожных воспоминаниях, и проверяет этим прошлым и своим настоящим возможное будущее персонажей пьесы. Герой ведет диалог со своей совестью и, осуждая былые компромиссы, размышляет о необходимости доверия к человеку. С горечью думает он о том, что добрые и человеческие американские парни, воевавшие бок о бок с русскими против фашистской чумы, забыли сегодня об этом единстве, о мужестве и героизме, предавшись поискам комфорта и покоя. Пьесу с большим успехом воплотили артисты Большого драматического театра в городе на Неве и московского театра «Современник».

60-е годы заполнены у Симонова напряженным трудом над «Живыми и мертвыми», но при этом он совершает поездки в Монголию, на Таймыр, в Якутию, Красноярский край, на Камчатку и Чукотку (1963-1967 гг.) На основе прежних и новых впечатлений писатель создает повести «Еще один день (Левашов)» (1961), «Иноземцев и Рындин» (1963), «Жена приехала» (1963), составившие вместе с «Пантелеевым» цикл «Из записок Лопатина». Написанные параллельно роману «Живые и мертвые», эти повести дали новую жизнь героям «Товарищей по оружию» — Артемьеву, Польшину, Климовичу, Синцову, Лопатину, которые стали участниками сражений в Одессе, Мурманске, на Западном

фронте. Симонов в соавторстве с Эльзой Триоле и Ш. Спааком пишет киносценарий фильма «Нормандия-Неман» (1960), создает фильмы «Если дорог тебе твой дом» (1967, совместно с Е. Воробьевым и В. Ордынским) и посвященный героической борьбе за свободу Испании в 1936-1938 гг. фильм «Гренада, Гренада, Гренада моя» (1968, в соавторстве с Р. Карменом); публикует повесть «Случай с Польшинным», первоначально названную романом (1969), выпускает небольшую книжку «Далеко на Востоке» (1969) и, побывав в 1970 году во Вьетнаме, создает книгу «Вьетнам, зима семидесятого...» (1970-1971). Сюда помещены пронизанные болью и подлинным гуманизмом стихи о страшной войне во Вьетнаме. К их числу относятся такие выразительные зарисовки, как «Бомбежки на площадях», «Дежурка», «Над Лаосом». Стихи об азиатской стране содержат ассоциации с теми событиями, которые проходили в воюющей с фашизмом Европе и России: «Сидят ребята, / Ждут ракеты, / Как мы когда-то / В России где-то...». Сборник, как и все творчество поэта, неизменно пронизывает значимая для него тема интернационализма.

В 1972 году была завершена трилогия К. Симонова «Живые и мертвые», состоящая из трех романов и воспроизводящая события 1941-1944 годов.

Первая ее часть имеет название, совпадающее с заголовком всех трех романов. «Живые и мертвые» создавались с 1954 по 1959 год. Писатель продолжил некоторые линии предшествующей книги — «Товарищи по оружию» — и развил отдельные ее образы — Артемьева, которого он «отправил командовать стрелковым полком в Одессу», Польшину (ему он поручил возглавить авиационный полк в Мурманске), Климовича и журналиста Синцова (они стали участниками боев на Западном фронте). Автор романа рассказал, что он «заранее связал нити

своего нового романа со старыми героями», один из которых – Лопатин – должен был воспринимать перипетии событий в Крыму [5]. Однако были введены в текст и иные герои, выдвинувшиеся на первый план. Среди них – Серпилин. Название первой книги трилогии объединило и тех, кто бился с врагом в самые страшные дни 1941 года, но остался жить для последующих битв и мирного созидания, и тех, кто пал на полях сражений: живых и мертвых. Оно, это название, провело резкую грань между сохранившимися лучшими человеческие черты, как Серпилин и Синцов, и растерявшими свойства советских людей, ставшими мертвецами при жизни. Заголовок переключается и со стихами Симонова военных лет: «Едва ль ты узнаешь, моя недотрога, / живые и мертвые их имена / всех славных ребят, с кем меня на дорогах / короткою дружбой сводила война». Все эти смыслы синтезировало емкое название.

В романе есть множество событий и эпизодов, изображенных так, что их трудно забыть: эпизод с артиллеристами, почерневшими от пыли и напряжения, протаскившими на себе пушку от самой границы за четыреста с лишним верст; сцену истребления мессершмиттами наших незащищенных бомбардировщиков; картину окружения и выхода из него части бывшей дивизии Серпилина; изображение Москвы в октябре 1941 года; бой у кирпичного завода, в котором участвуют Синцов и Блюков и одерживают верх над врагом; взятие города Воскресенска; растянувшийся поток беженцев; парад войск 7 ноября 1941 года на Красной площади столицы; отход советских войск под натиском противника; картину разгрома фашистских армий под Москвой в декабре 1941 года.

Всюду присутствует аналитическая мысль автора; во всех сценах центральными оказываются любимые герои Симонова – журналист Синцов,

ищущий свою редакцию и испытавший все тяготы и горести войны, и Серпилин, командир дивизии, прибывший на фронт с Колымы, где находился, будучи клеветнически обвиненным. Вернувшись на места сражений, он всецело служит великому делу оборону Отечества.

В романе множество событий, исключительное количество героев, обилие рассуждений автора и персонажей, хронологическая последовательность эпизодов войны, череда рефренов – и все объединено общей продуманной концепцией и передано оголенной речью, лишенной, к сожалению, лиризма, метафоричности, красок и даже пауз. Во всем царит «сила правды» [6].

Вторая часть трилогии – **«Солдатами не рождаются»** – была окончена в 1963 году. В центре ее – заключительный этап битвы на Волге, пришедшийся на 1943 год. Если в повести «Дни и ночи» действие было сознательно ограничено пространственными и временными рамками, то теперь война показана значительно шире, объемнее и философичнее, хотя число батальных сцен сокращено. Здесь по воле автора сходятся все основные герои эпопеи – Серпилин, Синцов, Артемьев, Климович, Левашов, Бастрюков, и это подчеркивает значимость изображенной битвы. Композиция романа отражает его многогеройность и смену воссоздаваемых пространств: здесь и ростовский завод, оказавшийся в Ташкенте, и армия Донского фронта, и Москва, и волжская твердыня. И читатель перемещается из батальона в полк, оттуда в дивизию, из нее в штаб армии, наконец, в Ставку, и эти места действия он видит глазами разных героев.

Писатель прослеживает путь Серпилина, глубоко раскрывает его свойства военачальника и душевное обаяние человека, судьба которого неразрывно связана с воюющим народом. Серпилин не родился солда-

том, но он им стал, соединив мужество с военным талантом полководца. Он одерживает победу над собой в эпизоде с Грачами и постоянно думает о людях. О цене человека размышляет и Синцов, ставший зрелым, значительным героем войны.

Заключительная часть трилогии — роман «**Последнее лето**» — был завершен в 1971 году. Здесь показано героическое наступление нашей армии по всему фронту и возвращение ее на те территории, которые она занимала к началу войны. Писателю стало ясно, что доводить повествование до победного 1945 года нет политической, нравственной и художественной необходимости. Теперь в основу романа легли освобождение Белоруссии в 1944 году и наступательная операция «Багратион». Мощное продвижение наших войск на Запад начинается на рассвете 23 июня, что лишь на сутки расходится с днем отступления в 41-м году. В этом — особая символика. Открывается перспектива крушения Третьего рейха.

В романе вновь центральное место занимают Серпилин и Синцов. Последний становится теперь адъютантом первого, что дополнительно скрепляет главных героев. Великолепно раскрывается характер Серпилина, его человечность, сказывающаяся во многих решениях и поступках. Приоткрываются интимные переживания военачальника, его любовь к вдове Баранова, застрелившегося после разжалования, но взаимоотношения сблизившихся людей могли бы быть раскрыты обстоятельнее и поэтичнее. В книге появляются и новые герои, например Львов, член Военного совета фронта, нарисованный интересно и содержательно. Однако важна не столько встреча с новыми персонажами, сколько изображение нового облика и настроения армии, выходящей на границу. Значительно возросла цена человеческой личности и способ-

ность сражаться с врагом; усилилась вооруженность, подвижность, общая мощь армии, стратегическая дальновидность ее полководцев.

Эпическое повествование завершается не только победно, но и трагедийно, ибо гибнет командир дивизии генерал Талызин, смертельно ранен, а затем погибает и полюбившийся читателям Серпилин, что автор мотивировал стремлением дать почувствовать трагическую сущность последней войны. Но операцию, осмысленную и начатую ушедшим из жизни героем, продолжают и реализуют генерал Бойко и его соратники, среди которых мы видим и комдива Артемьева, и майора Синцова.

Трилогия К. Симонова, решенная в жанре трехчастного эпоса, продолжила замечательные толстовские традиции, что хорошо показали С. Я. Фрадкина [7] и Л. Д. Поколотный [8]. Эти традиции сказались в передаче отращения к войне как гнусному и «паскудному делу», в определении причин человеческих поступков, в стремлении к широкой панорамности и философичности изображения сражений, в использовании внутренних монологов, в синтаксисе речевых конструкций.

Романы трилогии не всегда передают эволюцию, развитие героев, не везде отличаются глубинной психологизацией поступков и пластичностью изображения военных действий. Тем не менее «Живые и мертвые» как трилогия заняли выдающееся место в нашей романистике и по заслугам были в 1974 году удостоены Ленинской премии. Французский писатель Пьер Гамарра отметил монументальность, панорамность и энциклопедичность этой трилогии [9].

В семидесятые годы К. Симонов работает с не меньшей интенсивностью, чем в предыдущие десятилетия. Он выпускает книгу «**Разговор с товарищами**» (1970), в которую вошли

критические статьи, рецензии, письма к читателям и молодым авторам, воспоминания и заметки о собственной работе. Особенно интересными нам кажутся письма к С. Герасимову и Вере Пановой о художественном творчестве. Тогда же выходит двухчастная книга **«Записки молодого человека»** (1970), составленная из одноименных очерков «Трех повестей почти о том же» («Случай с Полюниным», «Иноземцев и Рындин» и «Жена приехала»). Это произведения о человеческом мужестве, честности и долге. Откликом на героический подвиг Анатолия Мерзлова, погибшего при спасении трактора и загоревшегося пшеничного поля, стал проникновенный очерк Симонова **«В свои восемнадцать лет»** (1973). Появляются симоновские киносценарии: «Живые и мертвые» (за фильм была присуждена Государственная премия РСФСР имени братьев Васильевых), «Чужого горя не бывает» (1973). Выходит поэма «От вашего корреспондента» (1971). В 1974 году за титаническую и плодотворную работу К. Симонову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

К числу крупных и значительных произведений писателя семидесятых годов следует отнести повесть **«Двадцать дней без войны»** (1972). Продолжая свое повествование о Лопатине, К. Симонов рассказывает о своем любимом герое, которому довелось проехать на Северо-Кавказский фронт первой военной зимой остановиться в Ташкенте для работы над фильмом по его произведению. Многие в жизни Лопатина совпадают с биографией Симонова, у них родственные взгляды, схожие отношения к войне, суждения о людях. Автор рисует жизнь московских писателей, режиссеров и актеров, работавших в Ташкенте во время войны, и мы угадываем в некоторых образах индивидуальные черты их прототипов: актрисы С. Бирман, поэта

В. Луговского и др., хотя сводить художественные типы к их прообразам было бы неверным. Повесть рисует не только трудность жизни в эвакуации, труд женщин, стариков и подростков, но и войну, картины которой оживают в воспоминаниях главного героя.

Большой интерес вызывает двухтомник **«Разные дни войны»** (1977) — дневник писателя, его фронтовые блокнотные записи, сопровождаемые современными комментариями умудренного жизнью автора.

«Мы не увидимся с тобой» (1978) — это новая повесть писателя, которая завершает цикл произведений, скрепленных общим подзаголовком «Из записок Лопатина». Она снова воспроизводит события весны и лета 1944 года, о которых рассказывало «Последнее лето», но передает их по-новому. Автор повествует о Лопатине и близких ему людях в обстоятельствах, возникших через полтора года после отъезда героя из Ташкента. Написанная от третьего лица (но не от имени центрального персонажа), повесть дала писателю возможность рассказать «о времени и о себе» и при этом существенно отделить авторскую позицию от лопатинской. Названная цитатой из стихотворения Симонова «Другу» (1941), новая книга поэта и прозаика раскрывает героизм военного корреспондента «Красной Звезды», его дружбу с журналистом Гурским, сложные взаимоотношения с бывшей женой Ксенией и Никой, передает разительный контраст двух женских характеров, размышления героя о «личной жизни», сращенной с общей, общественной, военной. Автор повести воспроизводит трагизм жизни, преодолевающей ее обыденность и будничность, показывает подлинные взлеты человеческого духа.

Отдельные части своего цикла «Из записок Лопатина» Симонов объединяет роман **«Так называемая личная**

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

жизнь» (1978). Сюда вошли повесть «Четыре шага» (соединившая произведения «Пантелеев», «Левашов», «Иноземцев и Рындин», «Жена приехала»), «Двадцать дней без войны» и «Мы не увидимся с тобой». Как показывает название этой крупной эпической формы, писатель отражает здесь свои длительные раздумья о сомнительности термина, вошедшего в заголовок, о диалектической связи частного и общего, личного и общенародного. Писатель эстетически осмысливает понятие «художественная правда» и в свете этого высокого критерия оценивает все, написанное им.

К. Симонов много трудится как переводчик. Он делает достоянием читателя стихи азербайджанских поэтов (Вагифа, Видади, Самеда Вургуня), узбекских мастеров стиха (Гафура и Хамида Гулямова, Алимджана, Зулфии, Мухтара), грузинских поэтов (К. Каладзе, Ф. Халваши), аварских (Р. Гамзатова), литовских (Э. Межелайтиса), турецких (Н. Хикмета), польских (Ю. Тувима), чешских (В. Незвала, И. Тауфера), испанских (Х.Л. Пачеко), итальянских (В. Муччи), английских (Р. Киплинга).

Он по-прежнему плодотворно работает в области кино. Создает дикторские тексты к фильмам «Люди голубого огня», «Здесь жил Хемингуэй», телевизионные фильмы о М. Булгакове, А. Твардовском, о выставке В. Маяковского. К. Симонову принадлежит большая заслуга в организации и показе документального фильма «Шел солдат» (1975), основу которого составили миллионы метров пленки, пропущенной через кинокамеры фронтовых кинооператоров. Картина поэтизирует подвиг наших солдат, одержавших великую победу над фашизмом. Это произведение, текст к которому написал К. Симонов, получило жанровое определение – фильм-поэма. Автор, по словам Б. Слуцкого, показал здесь «сильные стороны сво-

его дарования – и точность истории, и правдивость участника событий, и лиризм поэта» [10]. На основе фильма была создана одноименная повесть (1976), сопровождаемая многочисленными кадрами и фотографиями. Она рассказала о кавалерах солдатского ордена Славы трех степеней, об их бессмертных подвигах, запечатленных в семи главах повествования.

К этим произведениям близок телефильм «Солдатские мемуары» (1976), вобравший записи рассказов пехотинца, артиллериста, сапера, разведчика, связиста и составивший 6 выпусков, показанных на экране. Режиссером и предыдущего, и этого фильма была Марина Бабак, а сценаристом – К. Симонов.

Тогда же вышла замечательная книга нашего автора «Сегодня и давно» (1976). Ее разделы названы так: «Дороги» (сюда вошли речи в США, Канаде, «мысли вслух» и открытое письмо немецкому писателю); «Воспоминания» (о Ч. Чаплине, И. Бунине, В. Пудовкине, П. Неруде и других деятелях культуры); «Жизнь, книги, рукописи» (заметки о романе «Война и мир», Хемингуэе, Булгакове, поэмах Твардовского); «Заметки об искусстве» (о П. Кончаловском, Пиросмани, Ф. Кремере, Сикейросе, Татлине и др.); «Война и вскоре после нее» (об И. Эренбурге, А. Суркове, М. Луконине и др.); «О собственной работе».

Уже после смерти писателя вышли мемуарные записи Симонова «Глазами человека моего поколения», представляющие собой размышления о Сталине, с которым автор часто встречался, о котором думал, которого прославлял и затем осудил, имея в виду его злодеяния.

Тяжелая, изнурительная болезнь подтачивала здоровье энергичного, темпераментного и жизнелюбивого Симонова. Летом 1979 года он вынужден был лечь в больницу, из которой уже не выйдет. Он умер 28 августа того

же года, завещав перед кончиной развеять его прах над Буйническим полем под Могилевым, где, будучи корреспондентом, стал свидетелем подвига полка Кутепова, подбившего в неравном бою 39 немецких танков. Жена поэта – Л. А. Жадова, его сын Алексей и три его дочери – Катя, Маша и Саня выполнили это необычное завещание.

Поэты Р. Гамзатов, С. Баруздин, А. Вознесенский, Е. Евтушенко воспели в стихах жизнь Симонова, это его завещание, «священный пепел» и необычную могилу в виде сурового камня. Чудной эпитафией большому писателю стала строфа, созданная Расулом Гамзатовым:

И навсегда повенчанный с войною,
Победоносный в прозе и стихах,

Живой и мертвый Симонов со мною,
Чей с полем боя породнился прах [11].

Памятью поэту, драматургу, прозаику, кинематографисту, общественному деятелю, гражданину стали названия одного из новых судов и улицы в Волгограде, мемориальная доска на улице Черняховского в Москве, стипендия имени К. М. Симонова в Литературном институте, премия имени К. М. Симонова Союза писателей, Симоновские чтения, собрание сочинений писателя в девяти томах. Ведь этот поэт, как и Маяковский, тоже мечтал, «чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела».

Примечания

1. «Константин Симонов в воспоминаниях современников». – М.: Сов. писатель, 1984. – с. 212.
2. Там же – с. 438.
3. *Кравченко Т. Ю.* «Жди меня». История одной любви. – М.: ВАГРИУС, 2005. – с. 201.
4. *См.: Алигер М.* Беседа // «Константин Симонов в воспоминаниях современников...» – с. 56-57.
5. «Вопросы литературы». – 1961 – № 5 – с. 162.
6. «Иностранная литература». – 1962 – № 1 – с. 269.
7. *Фрадкина С. Я.* Традиции Л. Н. Толстого в прозе К. М. Симонова // Проблемы типологии литературного процесса. – Пермь, 1980. – с. 69.
8. *Поколотный Л. Д.* О некоторых традициях Л. Н. Толстого в творчестве К. М. Симонова // Вопросы русской литературы. – 1(39). – Львов, 1982. – с. 30-32.
9. *Garriga P* Mes lectures pour tous. – Paris, 1980. – p. 228-236.
10. «Искусство кино». – 1975 – № 11 – с. 87.
11. «Советская культура». – 1981-30 июня.

*Александр Кучеровский***ЛАБИРИНТ ПОНИМАНИЯ**

Стремись не к тому, чтобы добиться успеха,
а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл!

Альберт Эйнштейн

Что отдал, то твое.

Фаина Раневская

Вглядываясь в настоящее, мы неизбежно обращаемся к опыту прошлого. Неожиданно вспомнилась известная фраза Сталина: "Жить стало лучше, жить стало веселей". Учитывая то обстоятельство, что случайностей не существует, зададимся вопросом: чем, кроме иронической шпильки нынешней реальности, являются эти слова?

Вне всякого сомнения, они зовут к размышлениям. Из каких фрагментов неосознанной мозаики возникло нечто реальное, именуемое настоящим? И каковы перспективы и эвентуальные качества того манящего и завораживающе-пугающего, что мы именуем нашим будущим? Однозначности ожидать не приходится: сакраментальность вопросов окутывает ответы вуалью неопределенности.

А что же такое мы в мироздании? Зависимы ли мы полностью от него или в нем самом что-то зависит и от нас? Кто-то отмахнется: "Философия — это не мое!" Но уход от проблемы — не путь к ее решению. Голову в песок — и судьба одарит нас градом туманов, отрезвляя безо всякой жалости: "Кого люблю, того и бью". И это не банальность, ибо судьба — важнейший инструмент Творца в формировании человеческой личности. "Бог есть любовь" — помним ли? Корень учения горек, но только от нас зависит, каков будет плод...

Ассоциации направляют нас к иным корням — причинам возник-

новения нынешней социальной ситуации. Привычный кивок на экономику, являющуюся одновременно кушем, служанкой и заложницей в борьбе финансовых группировок, не пояснит искомым причин. Почему? Благо народа есть то, что полезно народу с точки зрения правящих народом. Данная парадигма правления отнюдь не нова: отделение народа как источника власти от самой власти (вопреки Конституции). Так возникает вход в лабиринт.

Обладание властью становится вождельной целью, для достижения которой, как известно, все средства хороши. При этом наивный источник власти пребывает в иллюзии обладания этой властью:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

А. С. Пушкин, «Герой» (1830)

Иллюзия эта поддерживается мистерией выборов во властные структуры всех уровней лиц из того же народа. Работает "синдром Каштанки": нам дают проглотить кусочек мяса на ниточке, а затем со смехом выдергивают его из желудка. Попутно заметим: низведение истины до определения "низкая" — прямая дорога к воцарению вседозволенности как инструмента получения желаемого любым доступным способом.

Итак, субъекты борьбы за власть обозначены, требования закона соблюдены. Выборы проходят за выборами, однако нельзя сказать, что происходят ощутимые изменения к лучшему, именуемые прогрессом. И почему же в таком случае мы имеем то, что имеем? Ответ не придется искать долго: дело в личностных качествах, как в наших собственных, так и в личностных качествах тех людей, которых мы своими руками наделяем властью.

Упомянутые качества связаны с ценностными ориентациями личности —разделяемыми личностью социальными ценностями, выступающими в качестве целей жизни и основных средств их достижения, являющимися важнейшим фактором, регулирующим, детерминирующим мотивацию личности и ее поведение.

Что же такое социальные ценности? В широком смысле — значимость явлений и предметов реальной действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальной группы, личности; в более узком — нравственные и эстетические императивы (требования), выработанные человеческой культурой и являющиеся продуктами общественного сознания. Индивид усваивает ценности в процессе своей социализации, являющейся основой социальных норм.

Усвоение ценностей (любовь, вера, духовность, честь, добро, справедливость, милосердие, сопереживание, мораль, семья, порядок и др.) осуществляется в процессах воспитания, обучения, труда, общения и познания мира. Система ценностей является, по сути, стержнем человеческой личности.

Возникает естественный вопрос: зачем столь долго и утомительно автор говорит об общеизвестном, отнимая время у читателей, озабоченных разрешением множества насущных собственных проблем?

А вот зачем.

В контексте общечеловеческих ценностей воспитывались все, однако что же происходит ныне? Экономика с хроническим насморком и неувядающим радикулитом не располагает к оптимизму, не так ли? Ситуация с поиском работы крайне сложна, а с ее получением — проблематична. Сохранение работы — на грани неопределенности: сегодня есть, а завтра нет.

Так рождается тревога — ситуация, в которой невозможно реализовать тенденцию избегания. Такое состояние психики порождает отрицательные эмоциональные переживания, обусловленные ожиданием чего-то опасного, имеющие диффузный характер, не связанные с конкретными событиями. При наличии тревоги на физиологическом уровне фиксируются учащение дыхания, усиление сердцебиения, увеличение кровотока, повышение артериального давления, возрастание общей возбудимости.

Такова атмосфера лабиринта.

В подобной атмосфере мы становимся податливыми самым различным воздействиям. Нашу юную поросль до течи из всех мыслимых отверстий закармливают программами и фильмами, сеющими культ насилия, злобы, жестокости и равнодушия. На ином полюсе планеты видеоиндустрии — деньги, престиж, успех и власть любой ценой! Поистине прекрасный выбор, не так ли?

Схожей является ситуация и у взрослых: на конвейер поставлено штампование сериалов со схожей тематикой, причем муслируется тезис "жизненности" подобных произведений. Даже в тех из них, что посвящены борьбе за счастье и торжеству любви, зло оказывается весьма успешным в течение практически всего повествования. Так нас исподволь приучают к мысли о всесии и практической безнаказанности зла. Попутно змеей вползает в сознание установка:

"А любовь-то практически бессильна!"...

Подобная стратегия полна яда при очевидной наигранности демонстрируемых коллизий. "Бессилие" любви дает возможность упиваться унижением чужого чувства тем, кто вытирает ноги о собственную любовь, не давшую ущемленным "нарциссам" столь вожделенного и близкого, но так и не состоявшегося, ускользнувшего от них счастья... Но главное, от чего ни отмахнуться, ни спрятаться, мучает таких людей несказанно: любовь по сути своей всеильна, ибо она и только она творит саму жизнь, одухотворяя ее собою и дарует нам ни с чем не сравнимое счастье, прекраснее и драгоценнее которого ничего быть не может!

Говоря об источнике любви, Эрих Фромм пишет: "Любовь не создается каким-то специфическим «объектом», а является постоянно присутствующим фактором внутри самой личности, который лишь «приводится в действие» определенным объектом".

"Не тот любит, кто несет свой долг чести и верности. Но тот, кто живет и дышит именно потому, что любит и радуется, и иначе не может.

И любовь сердца такого человека — не брага хмельная и чарующая, создающая красоту условную, но сама чистая красота, несущая всему мир и успокоение" (В. Сидоров, "Семь дней в Гималаях").

Девальвация любви в индивидуальном и общественном сознании является инструментом систематической деструкции наших ценностных ориентаций, одна из многих целей которой — воцарение в нашей жизни бездуховности. Не может быть?

Вспомогательное внимание...

Предмет особого беспокойства — тотальная вакханалия порнографии. Запрос на это слово в популярном поисковике интернета Google выявил 6620000 (!) сайтов с подобной тематикой. Все это обрушивается на нервы и души подростков, испытывающих естественный ин-

терес к противоположному полу. Виртуальное пространство permanently генерирует поле полового психоза. Доступность видеоинформации буквально растаптывает цензуру морали. Разгоряченная кровь толкает к действию. Результат налицо: искалеченные судьбы, множество "отказников" в роддомах, легальные и нелегальные аборты, подростковая проституция, венерические болезни, рост числа самоубийств.

Не забудем и о наркомании во всех ее ипостасях (алкоголь, табак, обширный спектр наркотиков, токсикомания, приставочно-компьютерная зависимость, игровые автоматы, казино), не признающей сейчас ни географических, ни возрастных границ.

Таково бытие лабиринта.

Избегая по возможности цитат (кроме необходимых), постараемся уяснить, из-за чего система ценностей так "спасовала" под натиском примитивизма. Хотим того или нет, мы вновь обратимся к прошлому.

Исчезнувшая сверхдержава, какой был Советский Союз, оставила нам весьма непростое наследие. Дело не только в увядшей экономике и хронической лихорадке происшедших перемен. Последовавший психосоциальный коллапс ввергнул массу людей в безопорное бытие в условиях непреходящей неопределенности.

Канули в Лету стабильные некогда цены на продукты, товары и услуги, простились с нами бесплатное здравоохранение и образование. На смелую былой уверенности и спокойствию пришел страх — мощный мотиватор человеческого поведения.

Страх возникает, если индивид имеет побуждение и осознанную цель покинуть ситуацию, но продолжает в силу внешних причин оставаться в ней. В подобных условиях локальный страх может стать генерализованным. На основе генерализованного страха происходит научение, и страх приобретает форму личностной нелокализованной

тревожности. Чем же опасен страх? В числе прочего — материализацией имеющихся у нас опасений. "Если желание — отец мысли, то страх — это мать явления", — писал Эрих Фромм.

"Это самое сложное из всех человеческих ощущений. Оно никогда не живет в человеке одно, но всегда окружено целым роем гадов, не менее разлагающих духовный мир человека, чем самый страх. Страх заражает не только самого человека, он наполняет вокруг него всю атмосферу тончайшими вибрациями, каждая из которых ядовитее яда кобры. Тот, кто заполнен страхом, подавлен как активное, разумное и свободное мыслящее существо", — утверждают мыслители Индии (В. Сидоров, "Семь дней в Гималаях").

Вспомним также и о воинствующем атеизме как инструменте политики ушедшего государства. Атеизм представляет собой отрицание существования Бога и связанное с этим отрицание религии как мировоззрения, поведения отдельного индивида, группы, общности, которые определяются верой в существование сверхъестественного.

Это привело к воцарению в нашей жизни материализма со всеми вытекающими последствиями. Отрицание существования сверхъестественного подразумевало выведение данного понятия из сферы нашего понимания. А то, чего человек не понимает, для него не существует. Так были насильственно сужены мировосприятие и мировоззрение людей и общества в целом.

Отрицание Бога как Творца всего сущего прямо подразумевало и отрицание веры как убеждения в реальном существовании предметов религии или фантазии, в необходимости определенного хода событий, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью. Кроме того, вера как мощный стимул социального поведения препятствует тотальному господству власти.

Из вышеизложенного с неизбежностью следует: отрицание веры — перво-

источник и благодатная почва для расцвета невежества. Поэтому оно (как отрицание веры, так и невежество) весьма и весьма желательно для власть предержащих, не правда ли?

Панматериализм оказал серьезное влияние на такие сферы человеческой психики как восприятие, мышление и понимание. "Материя — объективная реальность, данная нам в ощущениях". Эта дефиниция словно "не замечала" такую область психики, как представления, хотя психология формально характеризовала и ее: "образы предметов, сцен и событий, возникающие на основе припоминания или продуктивного воображения. Представления отличаются от восприятия значительно меньшей степенью ясности и отчетливости".

Нас подталкивали к тому, что опираться стоит преимущественно на восприятие как на целостное отражение предметов, ситуаций и событий. Воспринятое считалось фактом бытия, а опора на факт — синонимом надежности. Так родилось непотопляемое клише мышления: "Не факт!" Но именно оно как никакое другое стало оковами процесса познания. Страх отрыва мышления от плоскости фактов — свидетельство неразвитости как системы представлений личности, так и сферы ее воображения.

Реверанс "ненадежности" представления как качества психики преследовал несколько перспективных целей.

Восприятие осталось приоритетным в качестве поставщика объективной картины действительности нашему сознанию. Данная картина описывается системой имеющихся (установленных) фактов и на ней же основывается. Ею же она и ограничивается, теряя в итоге объективность. Вспомним слова Альберта Эйнштейна: "Мы не можем решить проблему, пока остаемся на том же уровне мышления, который ее породил".

Представление в союзе с присущей человеку энергией и интересом про-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

кладывает дорожку сверхъестественному в наше сознание. Поэтому нивелирование значения возникающих в нас представлений препятствует рождению веры в наших душах.

Ограниченность системы представлений способствует недоразвитию инициативы личности как активности, связанной с выдвижением новых идей или форм деятельности.

Итак, материализм как мировоззрение, так или иначе, создает препятствия развитию человеческой личности.

Не меньшей проблемой стал для многих негласно господствовавший ранее примат коллектива над личностью. В истории тому мы тьму примеров сыщем: школа, пионерия, комсомол, партийные организации. Образ социального винтика тихо и неотвратимо деформировал человеческую душу: "Если ты плюнешь на коллектив, коллектив утрется. Но если коллектив плюнет на тебя, ты утонешь". Памятно многим, не так ли?

Лозунг плюрализма в условиях демократии может толкнуть личность в иную крайность. "Древние духовные традиции утверждают, что мы ежеминутно делаем выбор, утверждающий или подавляющий наше бытие. Мы либо впитываем в себя чистую жизнеутверждающую энергию соперничества, либо глотаем яд собственного эгоизма и пренебрежительного отношения к окружающим" (Г. Брейден, "Божественная матрица").

"Сострадать — значит прежде всего мужаться. Так мужаться, чтобы бесстрашное, чистое сердце могло свободно лить свою любовь. А любовь, пощада и защита — это далеко не всегда ласковое, потакающее слово. Это и укор, это и удар любящей руки, если она видит, как падает дух человека, чтобы трамплином своей силы подкинуть огня в снижающийся дух и энергию человека. Это и награда за текущий день, прожитый в чистоте и творчестве" (В. Сидоров, "Семь дней в Гималаях").

Итак, выбор. Что это такое?

Словарь общей психологии поясняет: выбор — разрешение неопределенности в деятельности человека в условиях множественности альтернатив. Иными словами,

выбор — достижение человеком определенности в деятельности посредством предпочтения ее варианта, являющегося оптимальным в данных конкретных условиях.

Человек является соавтором в определении собственного жизненного пути. Как писал Н. Маккиавели, "фортуна распоряжается половиной наших поступков, но управлять другой половиной или около того она предоставляет нам самим".

Вот тут-то и захватывает нас (и зачастую — врасплох) несказанно манящее и пьянящее чувство свободы. А что же это такое?

Свобода — доступный выбор и реализация человеком стратегий и тактик поведения, деятельности, общения. Свобода человека ограничена свободой других людей. Социологи называют свободой способность человека поступать в соответствии со своими желаниями, интересами и целями на основе знания объективной действительности.

По Марксу человек свободен лишь тогда, когда он ест, спит, совершает половой акт и умирает. Данное утверждение означает, что обладание свободой является фактически иллюзией. Но в таком случае все призывы к свободе, все обещания свободы — всего лишь средство манипулирования людьми.

Парадоксальным кажется определение, данное российским философом А. Н. Мироновым: "Стремление к свободе означает стремление к доминированию". Но это действительно кажущийся парадокс, ибо, что такое доминирование, как не парафраз стремления к обладанию властью?

Получается, что свобода — это иллюзия, позволяющая политикам мани-

пулировать людьми с целью обретения власти. Драгоценный для политики инструмент, что и говорить! И неужели свободы не существует?

К счастью, это не так.

В одной из дискуссий чешский астролог Ян Кефер на вопрос о сущности свободы ответил: "Свобода — это жизнь духом". Памятуя о том, что Дух — ипостась Бога, который есть Любовь, получаем: "Свобода — это жизнь Любовью". Вот и ответ ответов: истинную свободу мы обретаем лишь в Любви.

Учитывая изменчивость ситуаций, с которыми нам приходится сталкиваться и оценивать для принятия решения, поймем важность критериев, которыми мы руководствуемся, совершая тот или иной выбор. Они берут свое начало в системе наших ценностей, и к этому мы еще вернемся.

В курсе школьного обществоведения прежних времен нам внушали почти скандируя: "Каков образ жизни, таков образ мысли!" В нашем удивительном "сегодня" все почему-то происходит с точностью до наоборот.

Судите сами.

Хронически измотанная экономика не в состоянии подарить нам радужные перспективы. Их место в общественном сознании занимают неуверенность и тревожность: "Каким будет наше завтра?". Опасения причиняют нам больше переживаний, чем постигающие нас невзгоды. Эмоциональный фон бытия становится стрессором.

Перманентный стресс не минует бесследно. Утрачивая душевное равновесие, мы сердимся, зачастую "заводясь на воде". К чему это приводит?

"Злоба — не невинное занятие. Каждый раз, когда вы сердитесь, вы привлекаете к себе со всех сторон токи зла из эфира, которые присасываются к вам, как пиявки. И все они — порождение ваших страстей, вашей зависти, раздражения и злобы.

После того как вам будет казаться, что вы уже успокоились и овладели со-

бой, буря в атмосфере вблизи вас все еще будет продолжаться по крайней мере двое суток.

Злой же человек, обладающий одним упорством воли, мчится навстречу такому существу, с восторгом видя в нем орудие для своих целей" (В. Сидоров, "Семь дней в Гималаях").

Упомянутые выше телесериалы льют воду на мельницу хронического промывания мозгов многомиллионной зрительской аудитории. "Крутые" бизнесмены на еще более крутых иномарках, лакированные красотки в отелях, процветающий до поры до времени бизнес, райский отдых в далеком зарубежье — все это манит несбыточной, чарующей недосыгаемостью.

Обратная сторона медали выглядит далеко не так чарующе: холодный расчет, зависть, безмерная жестокость и торжество воинствующего примитивизма во имя вожделенной цели. И все это тоже запечатлевается в нашем сознании. А цель всех таких "телеконференций" прозаична: деструкция системы ценностей.

Схема на удивление проста:

1. Привлечь внимание.
2. Продемонстрировать аспекты изобилия.
3. Поманить перспективой.
4. Массированно и методично воздействовать на сферу восприятия.
5. Фиксировать в сознании воспринятое в качестве факта.
6. Сделать воспринятое одной из целей бытия (значимый символ).
7. Изменить приоритеты системы ценностей.

Выглядит наподобие семи ступеней к счастью, однако...

Перед вами, уважаемые читатели, одна из схем, весьма близких модификации поведения — методу регулирования социального поведения личности, разработанного американскими психологами-бихевиористами. Поначалу метод использовался в психотерапии для лечения неврозов. Затем стал при-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

меняться в США в отношении психически здоровых людей с целью выработки у них механических привычек, обеспечивающих их адаптацию к неприемлемым для них условиям жизни.

Итак, что же делают с нами "безобидные" сериалы, являющиеся по своей сути и "по совместительству" — для телезрителей — средствами массовой коммуникации? Воздействуя на сферу восприятия, они направленно влияют на человеческое мышление, понимание и воображение. В сознание "впечатывается" допустимость равнодушия, ненависти, злобы и жестокости по отношению к кому бы то ни было. Неотвратимо оскудевает внутренний мир личности. Все это неизбежно сказывается на характере человеческой деятельности.

Следовательно, каков образ мысли, таков и образ жизни.

И теперь мы сможем ответить на очень важный вопрос: "Почему деструкция ценностных ориентаций человека является эпицентром борьбы за власть?"

Ответ весьма прост.

Разрушение системы ценностных ориентаций делает существование личности безопорным, повергая ее в безысходность и отчаяние вследствие утраты смысла жизни. Идеал властителей — серая бесхребетная масса, низведенная до положения "говорящих" орудий труда. "Самые большие деньги делают рабы!" — заявил наркоделец в известном кинофильме Саввы Кулиша "Трагедия в стиле рок". Хотим ли мы подобного удела?

Отвечая на этот вопрос, кто-то воспротивится: "Естественно, нет! И могут ли вообще найтись желающие быть рабами?" Налицо конфликт установки человека на свою личностную и социальную значимость с установкой власти на тотальное обезличивание подвластной ей массы. Конфликт же обычно находит разрешение в борьбе.

Еще одну позицию можно выразить так: "Мы несчастливы, но кто-то все-

таки в этом виноват!" Нежелание принять ответственность за ситуацию усугубляется здесь утратой инициативы и переносом агрессии вовне с иллюзией обретения внутреннего комфорта. Но он, увы, недолговечен. Поиск выхода неизбежен и тут.

Обреченность третьих выражается порывом отчаяния: "Да разве мы в состоянии изменить хоть что-нибудь?!" Но даже здесь неотвратимо прояснение: если "да", то что необходимо делать; если "нет", то в силу каких причин?

Но почему же, вопреки периодической смене политических фигур на арене власти, положение дел практически не изменяется? Социологи говорят о принципе перерождения политической власти, согласно которому власть неизбежно концентрируется в руках правящего меньшинства, независимо от формы правления.

Продолжением в унисон является и предостережение индийских философов:

"Все так называемые темные силы не что иное, как невежественность. Обычно это люди, одаренные развитыми более, чем у других людей, психическими способностями. Но так как их цель — знание, служащее только их собственному эгоизму, их страстям и обогащению в ущерб общему благу, они отгораживаются в отдельные группы, называя себя разными умными именами. Они подбирают себе компаньонов непременно с большой и упорной волей, обладающих силой гипноза" (В. Сидоров, "Семь дней в Гималаях").

Но дело не только в этом. Проблема намного сложнее, чем кажется.

Вот что пишет американский философ и педагог Джон Дьюи: "Серьезная опасность для нашей демократии состоит не в том, что существуют другие, тоталитарные государства. Опасность в том, что в наших собственных личных установках, в наших собственных общественных институтах существуют те же предпосылки, которые в

других государствах привели к победе внешней власти, дисциплины, единообразия и зависимости от вождей. Соответственно поле боя находится и здесь, в нас самих, и в наших общественных институтах".

Исчерпывающе актуально.

Истоки упомянутой опасности скрыты в свойствах человеческой личности. "На самом деле значительная часть наших желаний фактически навязана нам со стороны; нам удается убедить себя, что это мы приняли решение, в то время как на самом деле мы подстраиваемся под желания окружающих, гонимые страхом изоляции или даже более серьезных опасностей, угрожающих нашей жизни", — замечает Эрих Фромм.

Указанные особенности психики делают нас послушными участниками выборов и прочих политических лицедеев. Вопреки пестрой многопартийности бал правит, хотим мы того или нет, олигархический тоталитаризм.

Тоталитаризм представляет собой "систему насильственного политического господства, характеризующуюся полным подчинением общества, его экономической, социальной, идеологической, духовной и даже бытовой жизни власти господствующей элиты, организованной в целостный военно-бюрократический аппарат и возглавляемой лидером" (Социологический энциклопедический словарь, с. 372, "Норма", М., 2000).

Такова суть лабиринта.

Что же делать со всем этим и как жить обыкновенным людям?

У меня нет пачки спасительных рецептов, заготовленных заранее. И неужели кто-то может их иметь?

Что же у нас все-таки есть в сложившейся ситуации? А весьма многое.

Любовь, нежность, понимание, тепло и ласка, дарованные нам безоглядно и бесцельно отцом и матерью, бесконечно любящими нас просто

потому, что мы есть в этом мире. Недаром Аристотель одним из важнейших условий человеческого счастья называл наличие живых родителей.

Есть наши любимые — наше счастье, ставшие единым целым с нами и значащие для нас безмерно больше нас самих!

Есть наши дети, внуки и правнуки — счастье, радость, беспокойство, заботы и тревоги. Они — наше продолжение, наш посыл в будущее и неиссякаемый стимул к жизни!

У нас есть друзья, любимые нами и любящие нас, понимающие без слов и с полувзгляда и разделяющие с нами все: от утрат до счастья. Это и наша поддержка, и минуты горячей исповеди, а потребуется — суда, прямого и строгого.

Есть, к счастью, и работа: мы делаем то, что умеем и любим, вкладывая в труд частицу самих себя.

Заметьте, что все, о чем было только что сказано, освящено любовью. Она и есть то наиважнейшее, что позволяет человеку вынести любые невзгоды, наполняя наше бытие смыслом!

"Разве любовь умалется в человеке оттого, что она пролилась и кто-то ее не подобрал? То место, где он пролил любовь, будет местом мира, хотя бы другой человек при тебе не утешился и остался беспокойным. Твоя любовь, если она была действительна, если Жизнь в тебе несла вихрем радости к сердцу несчастного, что тебя не понимал, всегда создаст вокруг него освежающую струю. И, оставшись один, он успокоится, приведет себя в порядок и скажет другим: "Я нашел решение своим вопросам".

Поэтому носи только Свет и Мир, носи всю любовь сердца, стой перед Вечностью на дежурстве и не думай о последствиях встречи.

Ищи всех возможностей войти в положение того, с кем общаешься. И ты всегда найдешь, как тебе раз-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

бить препятствия предрассудков, нелепо встающих между людьми, открыть все лучшее в себе и пройти в храм сердца другого. В себе найди цветок любви и брось его под ноги тому, с кем говоришь. И только в редких случаях встречи с абсолютно злыми людьми останутся без победы твоей любви" (В. Сидоров, "Семь дней в Гималаях").

Наравне с любовью нам необходима и вера, без которой жизнь просто невысказима. "Блажен, кто верует — тепло тому на свете!" Являясь системой высших ценностей, ориентированной на идеальное преобразование жизни, вера одновременно дает нам знание причины мира и порядка его бытия. "Человек — это его воображение, — говорил поэт Уильям Блейк. — Вечное Начало в человеке — воображение, именно оно и есть Господь Бог".

Вера же дарует нам надежду — эмоциональное переживание, возникающее при ожидании человеком некоторого желаемого события и отражающее предвосхищаемую вероятность его реального осуществления.

Надежда, пребывая на грани между желаемым и реальным, становится парафразом перспективы изменения нынешней социально-экономической ситуации к лучшему. Но каким же образом?

В первую очередь — изменением уровня мышления.

Новые научные исследования продвинули нас на шаг вперед. Они показали, что мы не только взаимосвязаны со всем сущим, но и имеем возможность использовать эту взаимосвязь в свою пользу. Следовательно, мы обладаем прямым доступом к силе, которая движет Вселенной и создала все — от атомов и звезд до молекулы ДНК! Иными словами, человеческое «Я» не ограничено пределами телесной оболочки. Уолт Уитмен писал: "Я весь не умещаюсь между шляпой и ботинками".

Загадочная субстанция нашего "Я" связана с Я-субстанциями других людей, образуя единое энергетическое поле, пронизывающее весь мир. Можно считать это поле квантовой сетью, соединяющей все части Вселенной, и вместе с тем потенциальной моделью любого действия — от исцеления конкретного человека до разрешения военных конфликтов. Чтобы овладеть своей глубинной силой, мы должны понять, как это поле устроено и как оно действует.

Нам нужен сдвиг в сознании — вера в то, что мы в состоянии пользоваться самой могущественной энергией в мире для решения любых, даже на первый взгляд нерешаемых проблем.

Но как нам достичь такого сдвига? Ведь Вселенная велика — она превосходит всякие возможности нашего воображения. Для начала следует изменить свое отношение к собственной жизни. Необходимо почувствовать себя частью мирового Целого, а не неким малым и обособленным целым.

Что же необходимо для этого?

"Напрасно ждать особых испытаний. В простых серых буднях надо разглядеть главные дела любви, а жить легко свой текущий день — это самый главный признак ее. В обычном деле обычного дня живущий жизнью любви должен быть звеном духовного единения со всем окружающим" (В. Сидоров, "Семь дней в Гималаях").

Вот и выход из лабиринта.

"Я есмь путь и истина и жизнь" (Ин. 14:6). Помня, что Бог есть любовь, пойдем: Любовь есть путь и истина, и жизнь.

Принимая этот путь как единственный, не забудем главного: все — в нас самих. И мы не сможем изменить реальность, пока пребываем в том же состоянии сознания, которое ее создало.

Любой путь начинается с первого шага. Однако дорогу осилит лишь идущий.

Счастья всем на пути!

Вадим Петров

КАТЫНЬ. ИМЕЛИСЬ ЛИ МОТИВЫ ДЛЯ РАССТРЕЛА?

У недоброжелателей России стало уже общим местом следующее утверждение, для многих превратившееся в аксиому. Весной 1940 года по Решению Политбюро ЦК ВКП(б), инициированному Лаврентием Павловичем Берия, было расстреляно большое количество пленных офицеров бывшей польской армии и иных заметных лиц польской государственности.

Если принять на веру написанное в знаменитой «Записке Берия», то именно в ней содержатся причины необходимости расстрела поляков. Правда, многие исследователи высказывают убедительно мотивированные сомнения в подлинности «Записки Берия», равно как Решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. и так называемой «Записки Шелепина» на имя Н. С. Хрущева. Другие исследователи, принадлежащие к польской стороне и симпатизирующим ей лицам, разумеется, придерживаются мнения о том, что все три упомянутых документа являются подлинными.

Представляется, что очень серьезный вопрос о расстреле фактически без суда и следствия такого большого количества людей должен был в 1940 году иметь чрезвычайно веские основания. Посмотрим, какие же в «Записке Берия» приводятся обоснования необходимости расстрела. «В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших

работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к[онтр]р[еволюционных] партий, участников вскрытых к[онтр]р[еволюционных] повстанческих организаций, перебежчиков и др. **Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю** [выделено мной. — В. Петров]» [1]. И далее написано: «В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) 14736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков, по национальности свыше 97% — поляки.

Из них: ...

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18632 арестованных (из них 10685 — поляки), в том числе: ...

Исходя из того, что **все они являются закоренелыми, несправимыми врагами советской власти** [выделено мной. — В. Петров], НКВД СССР считает необходимым: ...» [2]. И далее предлагается расстрел. Итак, причины расстрела, согласно «Записке Берия», заключаются в том, что все заключенные лагерей для военнопленных и тюрем в западных областях УССР и БССР поголовно являются «заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю» и «закоренелыми, несправимыми врагами советской власти». Но каким образом Л. П. Берия могло

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

стать известно об этом? Ответ достаточно прост. Очевидно, из докладов тех своих подчиненных, которые были специально поставлены для того, чтобы следить за заключенными и выяснять их настроения. Ну, что же, тогда необходимо заняться поиском документов, в которых нашли бы свое отражение «заклятость», «закоренелость» и «неисправимость» польских военнопленных по отношению к советской власти. Эти документы легко обнаружить в сборнике документов «Катынь. Пленники необъявленной войны ...», откуда взяты и процитированные выше фрагменты «Записки Берия».

19 сентября 1939 г. нарком внутренних дел СССР Л. Берия издал приказ № 0308, которым, в частности, предусматривалась организация восьми лагерей для содержания военнопленных, а также утверждались начальники и комиссары этих лагерей [3]. В целях выявления различных лиц, представляющих оперативный интерес для органов НКВД, уже 8 октября 1939 года Л.П. Берия и заместитель начальника особого отдела НКВД Белянов подписали директиву по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных в лагерях НКВД СССР. В этой директиве указывалось: «На созданные в соответствии с приказом НКВД СССР № 0308 от 19 сентября 1939 года особые отделения ... лагерей НКВД СССР по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных возлагаются следующие задачи: ... Создание агентурно-осведомительной сети для выявления среди военнопленных контрреволюционных формирований и освещения настроений военнопленных...» [4]. Директивой предусматривался порядок осуществления арестов и ведения следствия. «... Аресты военнопленных по проведенным агентурным разработкам производить с санкции начальника особого отдела и военного прокурора

соответствующего военного округа. ... Следствие по делам контрреволюционных групп и одиночек – шпионов, диверсантов, террористов и заговорщиков, как правило, ведется особыми отделами соответствующих военных округов» [5]. В директиве особо подчеркивалось: «**Следствие по делам военнопленных вести со строгим соблюдением существующих уголовно-процессуальных норм** [выделено мной. – В. Петров]» [6]. Имелись и указания о порядке информирования начальника лагеря и согласования с ним арестов. Звучали они следующим образом: «... Начальникам особых отделений лагерей по всем имеющимся у них материалам о настроениях военнопленных, фактах нарушений правил внутреннего распорядка лагеря и выявленных преступлениях (в том числе и контрреволюционных) информировать начальника лагеря, согласовывая с ним аресты среди военнопленных» [7].

За десять дней до подписания указанной директивы, 28 сентября 1939 г., были приняты «Правила внутреннего распорядка лагеря НКВД СССР для содержания военнопленных». Они содержали, в частности, следующие положения.

«...12. Военнопленные, нарушающие установленные правила внутреннего распорядка, не подчиняющиеся приказаниям администрации лагеря и охраны, распоряжениям начальника или комиссара лагеря, или лиц, их заменяющих, могут быть переведены в штрафной барак сроком до 1 месяца или на гауптвахту сроком до 20 суток.

13. Военнопленным, переведенным в штрафной барак, свободное передвижение по территории лагеря, пользование ларьком и личными деньгами не разрешается. Содержащиеся в штрафном бараке военнопленные используются преимущественно на черных работах.

14. Военнопленные, переведенные на гауптвахту, содержатся в помещениях, закрытых на замок, без вывода на работу. У переведенных на гауптвахту военнопленных отбираются ремень, подтяжки, острорежущие предметы, табак и спички. На этих военнопленных распространяются ограничения, предусмотренные пунктом 13 настоящих Правил. На гауптвахтах разрешается чтение книг, газет и журналов.

15. Перевод военнопленного в штрафной барак или на гауптвахту не может сопровождаться уменьшением ежедневного пайка» [8].

Из приведенного выше следует, что штрафной барак являлся менее тяжким наказанием, нежели гауптвахта. В общем же, нельзя сказать, чтобы предусмотренные «Правилами» наказания, даже в своем максимальном варианте, являлись уж слишком суровыми.

С первых дней поступления военнопленных на территорию нашей страны со стороны НКВД СССР не наблюдалось попыток специально ущемить офицеров. Наоборот. Вот докладная записка Л. П. Берия и Л. З. Мехлиса от 3 октября 1939 г. № 4433/с: «Сов. секретно. ЦК ВКП(б) товарищу СТАЛИНУ. При этом направляем на Ваше рассмотрение следующие предложения, разработанные нами по вопросу о военнопленных: ... 8. Установить для военнопленных офицеров несколько улучшенный паек против установленного для солдат. 9. Обязать Центросоюз организовать при лагерях продуктовые и промтоварные ларьки...» [9].

Является совершенно очевидным, что и руководство нашего государства и руководство НКВД СССР еще задолго до сентября 1939 г. было хорошо осведомлено об антисоветских настроениях в верхушке Польши и о таких же настроениях в армии и полиции этого государства. Отметим, что в

1930-е годы Польша рассматривала и СССР и Германию как своих основных противников. Уже по одной этой причине было бы странным, чтобы в середине 1930-х годов на службу в армию и полицию Польши могли допускаться лица, испытывавшие дружественные чувства по отношению к СССР. Другое дело, армия и полиция военного времени. Судя по составу польской армии осени 1939 г., под призыв попали буквально все, кого военное ведомство смогло наскрести по сусекам: косые, хромые, кривые, убогие, разного рода инвалиды и прочие, глубоко штатские элементы. Можно предполагать, что военное ведомство Польши взяло для практического использования знаменитое выражение одного из начальников Кайзеровского генштаба: «Нет отбросов – есть резервы!» Вот, например, «боевой офицер», поручик запаса, свыше 60-летнего возраста, зубной врач на пенсии, вытасненный из явно самой последней категории запасников. Такому бы по возрасту и состоянию здоровья в богадельне тюрьку хлебать, а ему польский военкомат шинель напялил и напрямик вперед, но недалеко, только до советского лазарета, ввиду имевшейся у него еще на гражданке тяжелой болезни [10]. Естественно, что польская армия, в сентябре 1939 г. обильно разбавленная подобного рода запасным контингентом, в значительной мере утратила свою исконную антисоветскость довоенного времени. И это обстоятельство тоже должны были учитывать в руководстве СССР. «Коренных» антисоветчиков из кадровых офицеров в армии стало относительно мало, а резко возросло количество более «нейтральных», из повидавшего виды штатского запаса и многочисленных ветхих отставников. Значительная часть из попавшего в лагерь такого воинства была озабочена вовсе не политическими вопросами и «антисоветскостью», а лишь собствен-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

ными многочисленными болячками и качеством лагерьной кормежки. Уже примерно к концу ноября 1939 г. начальник Управления НКВД по делам военнопленных Сопруненко и комиссар этого Управления Нехорошев отмечали в письменном докладе: «Нездоровые настроения у военнопленных проявлялись вследствие того, что они размещались скученно, питание в первые дни было слабо организовано, вследствие чего имело место несвоевременное приготовление пищи и перебои в снабжении» [11]. Как видим, «нездоровые настроения», отнюдь не достигавшие градуса «антисоветскости», легко объясняются всего лишь недовольством условиями размещения и плохой организацией питания. И далее в этом же документе отмечается: «Среди офицеров началось расслоение на кадровых и запасных, **которые между собой имеют разные взгляды и отношения к войне и Советскому Союзу** [выделено мной. — В. Петров]» [12]. Сотрудники НКВД это обстоятельство хорошо заметили и особо выделили для сведения начальства, чтобы последнее могло его учесть.

Чекисты из особых отделений лагерей для военнопленных взялись за работу по выявлению антисоветских элементов. И что же они обнаружили за почти пять месяцев упорной работы, с середины октября 1939 г. по конец февраля 1940 г.?

В докладной записке начальника 1-го отдела Управления по делам о военнопленных А. Тишкова, «О состоянии Осташковского лагеря НКВД СССР», датированной 9 декабря 1939 г., ничего не сообщается о случаях антисоветских настроений в этом лагере [13]. Записка сообщает, что на 1 декабря 1939 г. в лагере содержится 5963 человека. Указываются также особенности формирования запаса. «Основную массу так называемого запаса полиции составляют рабочие и

крестьяне, никогда ранее в полиции не служившие, а вследствие пожилого возраста или недостаточных физических данных для службы в армии приписанные к полиции» [14]. То есть, в полицию военного времени на службу привлекались лица совершенно не по признаку наличия каких-то определенных политических взглядов.

Имеются сведения о состоянии военнопленных в Козельском лагере на 1 декабря 1939 года, адресованные заместителю наркома внутренних дел комдиву Чернышову, в частности, следующие. «К проводимым политическим беседам военнопленные относятся с вниманием, **за исключением отдельных лиц** [выделено мной. — В. Петров], которые игнорируют или стараются задавать казуистические вопросы с тем, чтобы запутать или сорвать беседу. Такие лица берутся под наблюдение, совместно с о[собым] о[тделением] и проверяются с целью их изоляции.

Среди военнопленных возросла потребность в приобретении за наличный расчет, как-то сахара, табачных и кондитерских изделий. Наличие советских денег у военнопленных связано с открытием скупочного пункта ценностей Главвевелторгом. На этой почве имеются нездоровые настроения, как например: «Зачем продавать ценные вещи, т. к. за полученные деньги все равно ничего не купишь». Существующий ларек от Козельского потребсоюза действительно указанных товаров не имеет... Ларек до настоящего времени остается без товаров» [15]. Как видим, до антисоветизма, даже и по тем временам, достаточно далеко. В этом же документе имеется и раздел о политработе среди военнопленных. «Культурно-массовая работа среди военнопленных проводится посредством показа кинокартин, которые демонстрируются через день по 3-4 сеанса, что вполне обеспечивает охват всего состава.

При клубе лагеря создан оркестр из струнных инструментов, организуется хоровое пение по изучению песен Советского Союза. ... Через существующую библиотеку военнопленные обеспечиваются художественной и социально-экономической литературой, газетами и журналами. Созданы витрины центральных газет; ...» [16]. Из этого следует, что никакой «политики истребления» в отношении пленных поляков не было, а, наоборот, им стремились, в пределах имеющихся тогда возможностей, создать сносные условия существования.

Вот важный документ с заголовком «Спецсообщение об отрицательных фактах политико-морального состояния и о чрезвычайных происшествиях в лагерях военнопленных за время с 1 по 31/ХІІ-1939 г.» Документ подписан Сопруненко и Нехорошевым. Из этого можно сделать вывод, что адресатом данного документа являются Чернышов или сам Л. П. Берия. В документе освещаются «отрицательные факты» во всех лагерях военнопленных на территории СССР. Что же там сообщается? «І. По военнопленным: 1. А[нти]с[оветские] настроения и высказывания – по Старобельскому лагерю – 3.» Далее, следует продолжение. Приводятся фамилии офицеров Эверта, Домеля, Кволеги «и других», которых Эверт организовал «с целью проведения к[онтр]р[еволюционной] работы, под видом “культпросветработы”» [17]. И уже упомянутый Домель организовал «кассу», которая, судя по описанию, была кассой взаимопомощи. Из нее были осуществлены выдачи ссуд 80-ти лицам из числа военнопленных [18]. Описано молебствие, организованное лицами офицерского состава. Вот еще пример: «г) там же среди офицерского состава имеют место а[нти]с[оветские] высказывания по событиям международной обстановки, как например: “СССР стал страной красного империализма”. По

линии о[собого] о[тделения] дано задание выявить лиц, а(нти)с(оветски) настроенных. По линии политаппарата провести разъяснительную работу» [19].

По Козельскому лагерю прямых указаний на антисоветские настроения нет. По этому лагерю отмечается только: «Офицерский состав в большинстве своем религиозный, были попытки к проведению групповых молебствий, как и в Старобельском лагере. Находясь в лагере, стремятся сохранить погоны, ордена и чинопочитание. Политаппаратом ведется разъяснительная работа и, вместе с тем, антирелигиозная пропаганда. По линии о[собого] о[тделения] [проводится] выявление организаторов» [20].

Приводятся сведения по Осташковскому лагерю. «... а) в лагере содержатся в большинстве своем полицейские, жандармы, тюремщики б. Польши. Отрицательными моментами среди этого состава военнопленных являются отказ от работы внутри лагеря, кражи между собой, хранение запрещенных предметов, драки, невыполнение приказаний администрации лагеря и другие нарушения лагерного режима. Всего за различные нарушения в ноябре м[есяце] были наложены взыскания на 57 военнопленных» [21]. Более по обстановке в Осташковском лагере документ ничего не содержит. Как видим, случаев «антисоветизма» в документе не отмечается.

По Запорожскому лагерю отмечается, что некоторые военнопленные открыто выступают с антисоветскими настроениями. Далее приводятся данные шести (всего шести!) военнопленных, Мелько Станислава, Хенько, Корнея, Худыя, Силякова, Мянковского Я. С., а также описание высказываний каждого из них [22]. Причем одно из приводимых «антисоветских высказываний» звучит весьма странно с точки зрения таковой ее по-

литической оценки. «Военнопленный подхорунжий Силяков: “Эта война возникла по желанию евреев, если бы они не давали денег на уничтожение Гитлера, войны не было бы, угнетение евреев было вполне законно, ибо польский рабочий класс эксплуатировался еврейскими капиталистами и поэтому поляки вынуждены были бойкотировать евреев”» [23]. Несомненно, в высказываниях Силякова наличествует антисиионизм, но чтобы разглядеть здесь «антисоветизм», то даже и по тем временам нужно было обладать значительной долей фантазии. Вообще, при чтении этого «антисоветского» пассажа подхорунжего Силякова вспоминаются слова, которые якобы кричали в 1825 году на присяге солдаты: «Да здравствует император Константин и его супруга Конституция!» Или строки из отчета одного начальника уездной полиции: «В моем уезде, лиц свободных профессий, за исключением конокрада Иванова, не имеется».

Итого в процитированном выше документе по Старобельскому, Козельскому и Осташковскому лагерям за целый декабрь месяц 1939 года отмечено только три проявления, которые сочтены антисоветскими. И это на общее количество более 14700 человек заключенных (учтенных на 29.12.1940 г. 8488 офицеров, 6176 полицейских и жандармов, с учетом заключенных, относящихся к прочим категориям), содержащихся в этих трех лагерях [24]. Да и в остальных лагерях с антисоветизмом среди военнопленных, в декабре 1939 года, судя по написанному в документе, тоже было как-то совсем не густо.

Возьмем политдонесение руководства Старобельского лагеря, адресованное С.В. Нехорошеву, о политико-моральном состоянии лагеря за декабрь 1939 г. Среди прочего, в нем имеется раздел «Политико-моральное состояние среди военноплен-

ных», который начинается словами: «За истекший месяц выявлены политическим аппаратом следующие факты контрреволюционной работы среди военнопленных» [25]. Всего далее указано не более 20 человек, имеющих отношение к этим «фактам», причем, как следует из текста документа, в отношении группы из 10 человек имелись только подозрения [26].

Существует политдонесение о политико-моральном состоянии Старобельского лагеря НКВД за январь месяц 1940 г., датированное 8 февраля 1940 г. В этом документе, среди прочих разделов, выделен и раздел «Политико-моральное состояние среди военнопленных». Данный раздел начинается словами, из которых следует, что за истекший январь 1940 г. политическим аппаратом лагеря выявлены факты контрреволюционной работы среди военнопленных. Далее в документе приводятся эти факты. Но сведения написаны таким образом, что нельзя понять, сколько же было таких фактов. Всего определенно названо четыре человека военнопленных, допустивших, по мнению начальника и комиссара лагеря, «контрреволюцию» в высказываниях, а также неопределенное, но явно небольшое, количество слушающих их. В данном разделе сообщается, что только на четырех военнопленных: бывшего полковника Саския Эдуарда, еще одного неназванного бывшего полковника и двух подпоручиков, Чайковского С. Ф. и Терлецкого Я. Т., «материалы ... переданы о[собому] о[тделению] для дальнейшей разработки» [27]. У двенадцати военнопленных, их то ли «контрреволюционность», то ли нет, заключалась в том, что они «использовали на топливо бочкотару» и «пытались использовать стройматериал на топку (9-метровую балку)» [28]. В документе сообщается: «Руководствуясь указаниями бригады наркома НКВД СССР т. Берия, учитывая политико-моральное

состояние военнопленных в лагере, руководством лагеря приняты следующие меры: 1. Все поступившие материалы о контрреволюционной работе военнопленных переданы о[собому] о[тделению] для дальнейшей разработки» [29]. И опять «контрреволюционность» получается какая-то весьма и весьма чахленькая.

А вот и сами указания командованию Старобельского лагеря той бригады наркома, датированные 31 января 1940 г., на которые приводилась ссылка. Документ подписан «Бригада НКВД СССР Нехорошев Родионов Сергеев», то есть лицами, занимавшими в тот период времени достаточно высокое должностное положение [30]. Среди прочих, бригадой даны и такие вот указания: «V. По работе среди военнопленных

1. Шире развернуть политическую работу среди военнопленных, поставив задачей расслоение их на два противоположных лагеря. Особенно улучшить работу с военнопленными, являющимися по своему положению интеллигентами: врачи, инженеры, техники, учителя и прочие.

2. Периодически практиковать для небольших групп военнопленных экскурсии в лучшие колхозы или на предприятия, в музеи и выставки, предварительно согласовав эти мероприятия с РК КП(б)У и администрацией колхозов и предприятий.

3. Тщательно учитывать все настроения военнопленных и своевременно на них реагировать...

5. Пополнить библиотеку художественной, технической и медицинской литературой. Приобрести большее количество произведений тов. Сталина, как «Вопросы ленинизма», «Марксизм и национальный вопрос».

6. В течение 5 дней установить во дворе лагеря газетные витрины» [31]. При ознакомлении с этими указаниями сразу же встает ряд вопро-

сов. Неужели бригада НКВД СССР предполагала указанными мерами полностью или хотя бы в значительной степени искоренить «заклятость», «закоренелость» и «неисправимость» польских военнопленных по отношению к советской власти? А если нет, то зачем указанные меры было вообще предлагать подчиненным для исполнения? Если же в НКВД СССР поставили перед собой цель полного истребления заключенных лагеря, то и в этом случае все предлагаемые мероприятия совершенно бессмысленны. Для чего, например, «расслаивать» военнопленных «на два противоположных лагеря», если предстоит поголовный расстрел всех, без учета принадлежности к тому или другому «лагерю»? Или зачем необходимо перед расстрелом «тщательно учитывать все настроения военнопленных и своевременно на них реагировать»? И в чем состоял глубокий смысл снабжения идущих на расстрел поляков «художественной, технической и медицинской литературой»? Или проведения для них экскурсий «в лучшие колхозы или на предприятия, в музеи и выставки»? А провести расстрел было никак невозможно без установки во дворе лагеря газетных витрин? На все эти вопросы ответ напрашивается единственный. Никакого расстрела не планировалось. И все указанные выше мероприятия как раз были вполне логичными и направленными на то, чтобы привлечь колеблющихся военнопленных в сторону советской власти, а ее сторонников укрепить в убеждениях лояльности.

Можно исследовать «Политическое донесение», в котором отражено состояние Козельского лагеря за период с 1 по 31 января 1940 г. В этом документе имеются разделы «Отрицательные настроения» и «Контрреволюционные явления». В разделе «Отрицательные настроения» отмечается: «Несмотря на проводимую разъяснительную ра-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

боту среди военнопленных, за январь месяц имели место ряд нездоровых настроений, которые перерастали в отрицательные явления, а именно, во время проводимых бесед политинструкторами (ответы на вопросы) среди других вопросов задавались такие, как например: “Если вы (т. е. СССР) не проводите агрессивной политики, то почему воюете с Финляндией?” “Почему такая большая страна так долго воюет с такой маленькой страной, как Финляндия?” Причем эти вопросы задавались в ироническом духе. Среди военнопленных немецкой территории можно наблюдать некоторую замкнутость, граничащую с недружелюбным отношением, особенно это бросилось в глаза, когда мы отделили военнопленных нашей территории от немецкой, первых перевели в “СКИТ”, а последних оставили на территории дома отдыха. Наоборот, настроение военнопленных нашей территории с отделением их от военнопленных немецкой территории улучшилось» [32]. Иной информации о настроениях военнопленных в этом разделе не приводится.

В разделе «Контрреволюционные явления» нет ни одной фамилии, данные приводятся только обезличенные. Сообщается о выпусках на территории лагеря нелегальных газет «Меркурий» и «Монитор», а также о том, что «было установлено количество и фамилия редакции» [так в документе. — В. Петров], а также об «аресте редакции». Сюда были включены сведения о том, что среди военнопленных «организована библиотека» из личных книг. И в конце раздела сообщается: «По отдельным корпусам как, например, в 1-м, в 5-м и других, ежедневно проводились так называемые живые газеты, материалом для которых служили свежие статьи из газет, последние известия по радио, а также сплетни, собираемые антисоветски настроенными элементами из числа военнопленных.

Весь этот собранный материал преподносился в извращенно антисоветском духе. По этому вопросу старший 5-го корпуса, как способствовавший и попустительствовавший этому, вплоть до того, что выставлял патрулей для слежки за нашими сотрудниками, чтобы они не накрыли этого сборища, снят со старшего корпуса и арестован на 20 суток. Среди военнопленных нашей территории, а также среди военнопленных майоров немецкой территории идут упорные разговоры о том, что весной, мол, надо удирать отсюда. В связи с этим разрабатываются планы побега в нейтральные страны, как например в Румынию и другие. Комиссар лагеря старший политрук Алексеев» [33].

Вот «Докладная записка», посвященная состоянию Осташковского лагеря за подписями начальник лагеря Борисовец и комиссара Юрасова. К документу имеется приложение «Сведения о нарушениях разных среди военнопленных Осташковского лагеря НКВД с 1 января по 15 февраля 1940 г.», оформленное в виде таблицы. Первая вертикальная графа озаглавлена «Характер нарушений». Вторая вертикальная графа озаглавлена «Колич[ество] нарушений». В них содержатся сведения обо всех нарушениях за полтора месяца. Итак, хулиганства и драк был 1(один) случай. Мелкие кражи и хранение запрещенных предметов тоже по одному случаю. Далее идут провокационные слухи среди в/пленных — 3, картежная игра — 15, отказ от работы — 13, прочие нарушения — 41; всего — 75 [34]. Имеются также графы, предусматривающие такие нарушения, как «Побеги. Нелегальная переписка. Связь с населен[ием]. Хранение спиртных напитков, пьянство» Но таких нарушений не было зарегистрировано ни одного. Итак. За полтора месяца во всем лагере на примерно 6000 содержащихся в нем заключенных, за-

фиксировано всего 3 (три) случая нарушений в виде распространения «провокацион[ных] слухов среди в/пленных». При всем желании это нельзя назвать «закоренелостью», значительной «к[онтр]р[еволюционной] работой» и массовой «антисоветской агитацией». Заметим, что имеется графа «Прочие нарушения», их довольно много, 41 случай и они не детализированы. Но, судя по тому, что все они были наказаны водворением на гауптвахту или в штрафной барак, все эти «прочие нарушения» не были уж столь серьезными [35]. И вряд ли руководство лагеря «к[онтр]р[еволюционную] работу» и «антисоветскую агитацию» не выделило бы особо, а скрыло среди безликих «прочих нарушений». Отметим также, что все отмеченные выше три случая «провокацион[ных] слухов среди в/пленных» были наказаны водворением на гауптвахту, а не отдачей под суд военного трибунала. Причем все эти три случая в основном тексте «докладной записки» даже не упоминаются.

Таким образом, если суммировать указанные выше «антисоветские проявления» во всех трех лагерях, Старобельском, Осташковском и Козельском за ноябрь 1939 г. – февраль 1940 г., то получается около 100 случаев. Причем, если даже учитывать и весьма сомнительные случаи проявлений «антисоветизма», вроде использования «бочкотары» на топливо для обогрева. И это почти за три месяца, в трех лагерях, на общее количество почти 15 тысяч содержащихся в них! Цифра заключенных примерная, потому что по месяцам их количество изменялось. Получается не «поголовная» антисоветчина среди военнопленных, а совершенно обратная картина. Судя по документам, «пораженность антисоветизмом» поляков, содержащихся

в трех указанных выше лагерях для военнопленных, не достигала и одного, всего-навсего одного, процента, еле-еле переваливая за половину этого процента!

Итак, если суммировать все приведенные выше сведения, то мы увидим, что никаких «поголовных антисоветских настроений» среди поляков, содержащихся в трех лагерях для военнопленных, не было и в помине. Среди них отмечались лишь отдельные «антисоветские» проявления. Следовательно, у Л. П. Берия не было никаких оснований вставлять в якобы написанную им в начале марта 1940 г. «Записку» те аргументы, которые мы уже отметили выше в начале статьи. А просто выдумать сведения о тотальной «заклятости», «закоренелости» и «неисправимости» польских военнопленных по отношению к советской власти Берия попросту не мог. Ведь ранее он явно докладывал Сталину совершенно иные сведения о политическом состоянии пленных поляков. И для того, чтобы всего за одну-две недели все поляки в лагерях для военнопленных так радикализировались, с ними должны были произойти какие-то серьезные события. В отчетах же НКВД СССР за январь – февраль 1940 г. ничего подобного не отмечалось. А чисто безосновательной выдумки, да еще в столь серьезном вопросе, Сталин бы не потерпел. И Берия это отлично знал. Кроме того, у Берия не прослеживаются никаких личных оснований, по которым в конце февраля 1940 г., он мог вдруг взять да и предложить расстрел такого большого количества людей, вдобавок, с поголовным признанием их вины еще до рассмотрения дел на них. И особенно это становится невероятным, если учесть общий вектор деятельности Л. П. Берия в 1939-1940 годах [36].

Примечания

1. Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. Под редакцией Р. Г. Пихои, А. Гейштора. Составители: Н. С. Лебедева, Н. А. Петросова, Б. Воцинский, В. Матерский. – М., 1999, с. 384.
2. Там же, с. 389.
3. См.: Там же, с. 70-73.
4. Там же, с. 135.
5. Там же, с. 136.
6. Там же.
7. Там же, с. 137.
8. Там же, с. 103.
9. Там же, с. 114.
10. См.: Катынь. Март 1940 г. – октябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Отв. составитель Н. С. Лебедева. – М.: Издательство «Весь Мир», 2001, с. 101-102.
11. Катынь. Пленники необъявленной войны. ..., с. 204.
12. Там же, с. 205.
13. См.: Там же, с. 253-260.
14. Там же, с. 253.
15. Там же, с. 234.
16. Там же, с. 234-235.
17. Там же, с. 287.
18. См.: Там же.
19. Там же.
20. Там же, с. 288.
21. Там же.
22. См.: Там же.
23. Там же.
24. См.: Там же, с. 271-272.
25. Там же, с. 283.
26. См.: Там же, с. 283-284.
27. См.: Там же, с. 334.
28. См.: Там же.
29. Там же, с. 335.
30. См.: Там же, с.с. 315, 448, 450.
31. Там же, с. 314.
32. Там же, с. 325.
33. Там же, с. 328.
34. См.: Там же, с. 355.
35. См.: Там же.
36. См., например: *Кремлев С. Берия. Лучший менеджер XX века.* – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Яуза, Эксмо, 2008, с. 219-267.

Андрей Каратыгин

ТАЙНЫ ГЕНИЕВ И ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ АСИ СЕМЁНОВНЫ

... И до полуночи неробкими шагами
Всё буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.

1884

Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900)

Михаил Казиник — наш соотечественник, покинувший страну в разгар перестройки и живущий сейчас в Швеции. Он — выдающийся пропагандист искусства, и прежде всего музыкального. Сам являясь музыкантом, он продвигает прекрасное не только и не столько исполнением, но словом, комментарием, создавая в своих беседах перекрёстные связи между видами искусства, и делает он это с редкостным профессионализмом и вдохновением, ставящим его на абсолютно незанятое сегодня место в нашей, да и, судя по всему, в мировой культуре. Серию его программ (24 — цифра не случайная!) показывал канал ТВЦ, они были посвящены в основном Великой музыке и Великим музыкантам, программы содержат уникальный материал при замечательной подаче и подкупают своим нетрадиционным подходом, удивительно интересным «копанием» в деталях, аллюзиями, сопоставлениями и смелыми выводами, заставляющими зрителя самого активизировать свой творческий аппарат. В 2010 году им была издана книга «Тайны гениев», расширившая круг проблем, постав-

ленных им в телевизионных работах. Переоценить вклад М. Казиника в дело просвещения, и не просто утилитарного, а душеспасительного по сути — невозможно. Говоря словами Юрия Деточкина из кинофильма «Берегись автомобиля» — «...Ведь воруют и много воруют!» И воруют у нас, в том числе и культуру, и много воруют, а М. Казиник, как и Деточкин, пытается вернуть украденное, показать, что «не всё то золото...», что есть спасение, что многое можно исправить, и для этого всё уже есть, но нужен труд, нужно прозрение, как прозрение Иоланты, хотя она, на первый взгляд, и не особо страдала от своей ограниченности и не стремилась избавиться от неё — «...рыцарь, мне не нужен свет!» И работа Казиника и есть исцеление Иоланты!

В книге приведены примеры подобного исцеления, и в этом нет никакого сомнения, что то Великое, что создано во славу Божию, исцеляет, но сейчас нужен поводёрь или дневальный на тумбочке, не дающий проспаться подъём или, хуже того, Боевую тревогу! Книга ценная, познавательная и крайне нужная.

Но по прочтении этой книги и по просмотру телевизионных работ М. Казиника, возникли мысли, заслуживающие, на мой взгляд, обсуждения, приглашаю заинтересованных коллег присоединиться к этому. Начну с логических перехлёстов, так свойственных нашим либералам. В начале книги автор заявляет известное кредо — я готов спорить за идею, но ничего против человека, породившего её, не имею. Известная позиция, приписываемая и Черчиллю и многим ещё и до и после. Допустим, но если это экстремистская идея? Но автор заявил, что против личности — ни-ни. Хорошо. Далее в книге разворачивается собственно то, ради чего она и должна была быть написана — погружение в искусство, поиск его места в нынешней жизни, соответственно, описание нынешней жизни, её особенностей, проблем. И тут, как чёртик из табакерки:

«Мне в детстве не повезло: я очень рано познал нелюбовь. Маму любил, папу любил, друзей любил. А невлюбил лишь советскую власть... Но я своей нелюбви не перерос. Слава Богу, дожил до того, что она, эта власть проклятая, сама себя изжила.

...Прочитав роман («Преступление и наказание». — А. К.) два раза подряд, я пришел к убеждению, что вместе с еще 250 миллионами живу в одном из двух возможных государств Родиона Романовича Раскольникова.

Это он ведь обосновал ту двуединую идеологию, которую можно (нужно!) называть фашистско-коммунистической.

Итак, идеология фашизма (в его крайней форме — гитлеризме) и коммунизма (в его крайней форме — ленинизме) произрастает из единого идеологического зерна, оба пути ведут к убийству, в обоих принципах мышления нарушена “только” одна-единственная заповедь: НЕ УБИЙ! Все остальное — софистика. Когда я это понял, трудно мне стало жить,

признаваясь в любви (или хотя бы не признаваясь в ненависти) к системе, базирующейся на убийстве. Вспоминаю детство и краснею за некоторые эпизоды, когда вся моя нелюбовь к советской власти раскрывалась в общении с мамой и папой, ибо на кого еще можно было тогда обрушивать подобные идеологические выпады, не рискуя жизнью или хотя бы свободой. Каждый день, когда все собирались дома, я начинал свои антикоммунистические высказывания, смело приглашая моих любимых родителей к дискуссии. Моя бедная мама — убежденная коммунистка — сражалась со мной изо всех сил. Папа явно был на моей стороне, но он не хотел расстраивать маму, и цель у него была — успокоить обоих. И вот однажды пришла к нам в гости Ася Семеновна, очень близкий друг семьи. Настолько близкий, что мама не выдержала и пожаловалась ей на меня: “Не знаю, что с ним делать — несет сплошную антисоветчину — у меня уже сердце от этих разговоров болит!” Ася Семеновна увела меня в другую комнату и спросила, чем я недоволен. А недоволен я, как вы понимаете, был советской властью. Я обрадовался и, четко аргументируя, изложил по пунктам причины моей нелюбви. Я был логичен, последователен, мудр и слегка язвительен. Никогда не забуду, что ответила на все мои доводы Ася Семеновна. Она произнесла буквально следующее: “Ах, Мишенька, дорогой, советская власть-шмоветская власть — это все ерунда, мелочь, пустяк. Лишь бы мамочка была здорова”. Это прозвучало так неожиданно, так естественно и так верно, что я опешил и впервые не нашелся, что ответить. Права была Ася Семеновна! Мамино здоровье важнее советской власти. Да и антисоветизм её высказывания был куда сильнее моего: он был спонтанный и мудрый. Советская власть-шмоветская власть, любая власть должна отступить перед

здоровьем моей мамы. И это уже не абстрактный гуманизм, а конкретный. Так вот и мучился я, болтаясь между двумя формами гуманизма».

Это была цитата из книги М. Казиника.

Вот тебе бабушка и Юрьев день! Либеральный штамп — чистой воды! А если мамочки нет, кто или что тогда будет важнее? Попугай в клетке? Фикус в горшке? И кого должны были спасти советские солдаты во время Войны? Свою собственную мать, или ВСЕХ матерей и отцов без деления на своих и чужих, и как может любовь к своей матери быть признаком гуманизма? Да эгоизм это банальнейший! Проверить этот тезис не составит труда, я даже не буду и пытаться это сделать! Приведу лишь слова из Писания, От Луки, глава 8, стих 21: «Мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его». Любить свою мать не есть поступок — это естественно для всего живого, а ты полюби ближнего или его мать. Потом, советская власть — это совокупность людей, а не идея, но авторское кредо гласит, что против людей мы ни-ни, а по сути — лютая и довольно циничная ненависть. Я не собираюсь защищать советскую власть, это тема отдельной дискуссии, но это наша история, это наши люди и ставить себя вне общества, да ещё говоря, что мамино здоровье — главное в жизни гражданина, никуда не годится! Понятно, что ничего против мамино здоровья я не имею, и для сына оно, конечно, может быть главным, но противопоставлять личное благополучие государству, да ещё строить на этом идеологию — стандартная либеральная ловушка, и очень жалко, что в неё угодила столь образованный человек. Хотя эту стандартную конструкцию: коммунизм=фашизм, Гитлер=Ленин, Сталин, СССР=Германия сейчас многие, вслед за западными изобретателями, повторяют и у нас. Фашизм

и коммунизм — диаметрально противоположные идеологии, допускающие применение насилия, но в случае фашизма для уничтожения «низших» рас и порабощения других — то есть в сугубо эгоистических целях, а коммунизм применял насилие в целях всеобщего благополучия, да, дико, да, грешно, но цель была совершенно другой и сейчас гораздо проще поставить знак равенства между этими идеологиями и прикрыться тезисом «не убий», чтобы снять с либерализма всякую ответственность за происходящее на Земле, но эгоизм, присущий либерализму, как раз и открывает дорогу фашизму как высшей форме эгоизма! Приведу цитату из книги И. Острецова «Введение в философию ненасильственного развития»: «...демократы пытаются в систему недетерминированных отношений включить экономические проблемы. Веря, с одной стороны, в равенство людей, они в силу основной своей концепции о стохастичности человеческого общества вынуждены мириться с основным фактором неравенства в материальном мире — фактором экономическим. И поэтому, в принципе отвергая насилие, они неявно признают его законным. Когда же индивидуальное насилие перерастает, в силу объективных закономерностей, в групповое, они с ужасом отвергают логический результат своих же действий». Но не будем останавливаться на этих вопросах, пойдём дальше.

В своей книге М. Казиник рассказывает о силе воздействия своих выступлений. Тут и факты преобразования людей, и факты изменения их судеб — низкий поклон ему за это! Но он находится в некоем недоумении, почему на его выступлениях в него влюбляются женщины? Он пытается найти объяснение этому в весьма интересной теории о месте женщины в мироздании, но здесь он не точен и не точен не в объяснении причин возникновения

этой любви, а не точен в своём поведении, в использовании своего дара, своей фантастической энергии.

Проще говоря, он должен был бы влюбить слушательницу в творчество, а через него и в Творца, а промазал, и сильно промазал — и любовь угодила в него самого, и ничего хорошего здесь нет! Да любовь великое чувство и вызвать любовь не каждому дано, но ведь автор по оглашению не ставит задачу влюбить в себя слушательниц, и это даже тяготит его, да и мучит того человека, в коем он породил это чувство — то есть явно выступления имеют некий порок в своей сути. Происходит чарование незаурядной личностью артиста, а Творец остаётся в стороне.

Приведу для иллюстрации лично пережитый случай. Дело было в глухой русской провинции февральской ночью, совершая паломническую поездку в монастырь, я волею судеб оказался вместе с монахом в поезде и ни он, ни я не знали, как добраться до монастыря и где заночевать. Чудесным образом, найдя машину, мы добрались до маленькой провинциальной гостиницы. Войдя в сени, мы увидели справа стойку администратора, а слева диван с подвыпившей женщиной и двумя мужчинами, уговаривавшими её «уже подняться на этаж». Она явно сомневалась в том, надо ли ей туда идти, но пришла то она туда, понимая зачем, а сейчас она то ли оттягивала момент подъёма на этаж, то ли ждала помощи! Увидев монаха, она переменялась в лице — точь в точь, как пишет Казиник в своей книге про лица людей, прикоснувшихся к великому, она заплакала и бросилась к монаху, бессвязно говоря простые и понятные слова.

Монах только попросил её подождать, пока мы дойдём до номера. Оставив свои вещи, не мешкая, он вернулся к женщине и вышел с ней на улицу для исповеди. Через полчаса

или более монах вернулся в номер — мы сняли одну комнату на двоих.

Всё, что я мог спросить его, это было: «она ушла?», «она ушла» — устало ответил он. Это ведь именно то, что должен был бы делать М. Казиник на своих концертах, монах протянул руку помощи оступившемуся и нуждающемуся в помощи человеку, но он-то протянул руку помощи Богу и не снискивал личной симпатии — он просто... исчез! Наутро я нашел трогательную записку и походную иконку в дар от Иеромонаха Дионисия, дай Бог ему здоровья!

Но М. Казиник очевидно одних исцеляет, но других калечит и не может понять почему, а может, виной тому «кривой» гуманизм, игра на человеческих эмоциях?

Сам же автор приводит в пример «юрродство» Баха, когда тот говорил, что-де ничего такого в его мастерстве и нет, надо просто маленько поработать и каждый-де сможет так. И он с возмущением говорит, что Бах был вынужден прозябать в провинциальном Лейпциге кантором Томас кирхе. А к чему стремился Бах, М. Казинику известно? А может, он был действительно скромным человеком, да и истово верующим, что немаловажно? Но тогда всё остальное не имеет значения, даже «здоровье мамочки» — сто лет ей не хворать!

Мне очень понравились телепрограммы М. Казиника, посвященные Моцарту и Баху, но по поводу программы о Бетховене и по поводу главы из книги, посвященной ему же, у меня есть свои соображения. М. Казиник говорит: «Что было бы, если бы Бетховен не оглох? Могу смело предоставить вам список имен композиторов, в числе которых находилось бы имя не глухого Бетховена (исходя из уровня музыки, написанной им до появления первых признаков глухоты): Керубини, Клементи, Кунау, Сальери, Мегюль, Госсек, Диттерсдорф и т. д.». То

есть не талант Бетховена, а физическое увечье стало решающим стимулом в трансформации его музыки, по мысли М. Казиника. На мой взгляд, музыка Бетховена гениальна от начала до конца! Уже первая фортепианная соната недюжинная, а по уровню музыки — в аккурат Моцарт или Гайдн, но не Клементи! Я осмелюсь заявить, что Adagio из сонаты №3 — редкостная по красоте и глубине музыка, а соната №5? Шедевр, но отнюдь не посредственность! Пожалуйста, прошу, послушайте вторую часть Largo e mesto сонаты №7 — это восхитительная патетика, предвосхищающая Шопена, но ещё сохранившая незамутнённую Гайдна. Касаясь знаменитого Hammerklavier, осмелюсь утверждать, что «заход» на потрясающую тему молитвы во второй части этой великой сонаты, написанной уже глухим Бетховеном, я слышу, как это не странно, в самой быстрой части сонаты Appassionata — Presto. Перед кодой там замедляется темп, и невольно ожидаешь услышать Adagio sostenuto. Appassionato e con molto sentimento из Hammerklavier, но это ведь Appassionata!

Но Appassionata написана слышащим Бетховеном и она по сути, как и многие другие произведения того периода, является прологом к позднему Бетховену. Ранними произведениями он делал набросок, план поздних. Послушайте его раннее произведение Фантазию для фортепиано, хора и оркестра, сами всё поймёте, даже не буду подсказывать (кстати, это произведение написано за несколько дней перед концертом 22 декабря 1808 года)! Утверждать, что глухота не повлияла на творчество Бетховена, я не могу, но убеждён, что будь Бетховен глухим, не будь Бетховен глухим — он Гений, и вне зависимости от этого он написал бы то, что написал. Рекомендую послушать Пасторальную сонату, особенно вторую часть, кто ещё писал такую музыку?

Одна из передач М. Казиника была посвящена Эдварду Григу — замечательному норвежскому композитору. Так вот его дальним родственником был великий канадский пианист и музыкальный философ Гленн Гулд (1932-1982), наш современник, рано ушедший из мира сего. Этот человек требует особого разговора — он оставил, пожалуй, самый большой след в фортепианной интерпретации, он сыграл практически всего клавирного Баха, все сонаты Моцарта, все концерты Бетховена и большинство его фортепианных сонат. Но его наследие этим не ограничилось — переведён на русский двухтомник его статей о музыке, издана книга Кевина Баззана «Очарованный странник», посвященная Гленну Гулду, отдельной книгой вышли расшифровки интервью и бесед Бруно Монсенжона с Гулдом под названием «Нет, я не эксцентрик!». Так вот, я прошу послушать сонаты Бетховена в исполнении этого мастера. На мой взгляд, Гулд произвёл удивительное преобразование музыки Бетховена — она стала единым произведением от первой до последней сонаты. Гулд сумел выделить величие ранних сонат и прояснить поздние сонаты Бетховена. И там не найти шва или стыка между поздним и ранним Бетховеном. Особенно рекомендую прослушать запись его исполнения Appassionata, не торопитесь возмущаться, почему так медленно, дослушайте до конца — это стоит того! Гулд просто и отчётливо сыграл все ноты Бетховенской сонаты и сделал те акценты, которые посчитал соответствующими музыке — и получилось редкостное исполнение, меняющее представление об этой сонате! Гулд ввел тишину, как действующее лицо музыки Бетховена — она работает, она нужна. Он убрал романтический флёр из его сонат, и они выиграли от этого. Послушайте его интерпретацию Лунной сонаты, поначалу возникает воз-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

мушение — а где романтика, где мистика лунного света? А кто сказал, что так должно быть? Сам Казиник делится с нами замечательной догадкой о басне Крылова про ларчик, разбив стереотип, он ставит всё на свои места! Должен пояснить, что в традиционной интерпретации басни мы привыкли слышать, что ларчик просто открывался — в смысле оценки степени сложности, но не сказано, как! М. Казиник понял, что из-за неправильно поставленного акцента, в басне появляется двусмысленность. Но если сменить акцент, то всё встаёт на свои места и Крылов не двоил — ларчик надо было открыть обычным способом — то есть просто взять и открыть. Так и Гулд, он ничего не прибавляет и не убавляет, он играет, как написано, но звучит это сильно отлично от других интерпретаторов. Можно строить догадки, что огромный опыт баховских интерпретаций сделал Гулда так тонко слышащим и понимающим Бетховена, но скорее всего это просто потенция Гения. Я не случайно говорю про тишину, введённую Гулдом в сонаты Бетховена. Передо мной лежат четыре портрета Бетховена из разных периодов его жизни. Мне показалось, что на всех портретах он то ли напряженно всматривается, то ли вслушивается во что-то (в музыку, в тишину?). То есть на портретах я ощущаю его взаимодействие с тишиной, то есть они были партнёрами, а не врагами! Особенность исполнения Гулдом фортепианной музыки и в том, что он приближал звук своего мощного “Стейнвея” к скромному и лёгкому звуку старинных клавиров, безусловно, не обладавших могучими лёгкими “Стейнвея”. Сейчас есть возможность послушать Бетховенские скрипичные сонаты, исполненные на его личной (недавно найденной) скрипке и на точно таком же фортепиано, которое было у него и для которого и написаны его произведения, чтобы понять, что я

имею в виду. А, в общем, слушайте сами Бетховена, мы и не подозреваем, насколько мы богаты, слушайте Баха, и жизнь ваша изменится, потому что изменитесь вы и даже не поймёте как! Всё, что говорит М. Казиник про музыку и её влияние на душу — чистая правда и низкий поклон ему за это!

Проникнуть в музыку Баха не просто, я однажды столкнулся с прямым вопросом, заданным гастарбайтером, которого я подвозил на машине на работу. У меня в машине звучало одно из произведений Баха, и оно так шокировало человека из другой культуры, что он любезно стал расспрашивать об этом чуде. После небольшой беседы об этой музыке, он спросил: «Что я должен купить из Баха?» Я был поставлен в затруднительное положение — я должен был либо дать начало ниточки, с которого можно распутать это явление, либо назвать главное, исчерпывающее произведение Баха — вопрос! Я ответил — «Искусство фуги». Потом я ругал себя за это, думая — ведь надорвётся человек, нельзя с такого сложного произведения входить в музыку Баха. А с какого можно? Думая и думая, я пришел к выводу, что я был тогда прав, и «Искусство фуги» — великое произведение, и можно начинать с него изучение Баха, только нужно либо самому потрудиться, либо прибегнуть к помощи такого человека, как М. Казиник, чтобы погрузиться, а не перегрузиться от этой музыки, и если век назад этому учили, то сейчас эту работу выполнить некому, и помощь таких просветителей — спасительна.

Подводя итоги, скажу, что тема страдания имеет важное значение в искусстве, и М. Казиник совершенно правильно остановился на ней, но... опять — но!

Страдание, или скорее сострадание — созидующий состав искусства, в этом нет сомнения. Но мне кажется, существует либеральное заблуждение, что именно личное страдание

суть действенная сила, формирующая художника — это очевидно, так как либерализм — это прежде всего личная персона, а затем всё остальное. Но мне кажется, что сострадание имеет, как минимум, равное значение, если не большее. Собственное страдание от личной болезни, горя — неизбежно, а сострадание — избегаемо — это сознательный выбор Homo moralis. И это обратно либерализму, говорящему, что если «здоровье мамочки» в порядке, то есть в собственном хозяйстве порядок, то и в общем хозяйстве всё будет хорошо, но страдающий человек переносит доминанту вонне и для него гораздо важнее ситуация вокруг него. Поэтому для концепции М. Казиника необходимо, чтобы Бетховен был уязвлен лично, и в этом он видит промысел Божий, таким образом «вразумляющий» своё дитя. Но Бах не был тяжело больным, скорее наоборот — 20 детей — не фунт изюма! Да, жил в нужде пока учился — рассказывают, что возвращаясь пешком из еженедельного путешествия в другой город, где он слушал музыку, падая от усталости и голода, Бах проходил мимо трактира и, не имея денег, пошел на трактирную помойку подкрепиться. Пока он разбирал отбросы, над ним на мгновение открылось окно, и к его ногам упало пять селёдочных голов. Бах был рад этому дару, но ещё больше он обрадовался, обнаружив, что в каждой голове было по гульдену. Он столкнулся с человеческим состраданием, которым и переполнено его собственное творчество и без тяжелых болезней и жизненных трагедий (смерть детей тогда, к сожалению, была обыденна), и совершенно справедливо М. Казиник считает творчество Баха выдающимся и неизмеримым. Ценна мысль М. Казиника и о «забвении» наследия Баха на сто лет, он видит в этом объективную составляющую, без которой не состоялся бы ни классицизм, ни романтизм. А если представить, что

не было бы столетней паузы в исполнении произведений Баха? Как бы мы жили сейчас, не будь этой паузы? Творчество Баха было лишь частично доступно в нотах, поэтому оно всё же оказало влияние и на Моцарта и на Бетховена — его грандиозная Missa Solemnis — омаж Баху и Гайдну, но, безусловно, абсолютно самостоятельное и великое произведение. Но публика-то была лишена непосредственного контакта с творчеством Баха на СТО лет! И заслуга Феликса Мендельсона в «реинкарнации» Баха неоценима. Кстати, Мендельсон — пример довольно благополучного творца, но это великий композитор и просветитель — и тут схема «сначала поцеловал, затем низверг» опять не работает!

Теперь остановимся на вопросах свободы — несвободы в искусстве. Для иллюстрации влияния либерального подхода к искусству или воспитанию вообще, попробуем проанализировать значение слова — беспутный. Словари связывают его прежде всего с отсутствием пути, поэтому синонимами этого слова являются — бестолковый, непутевый, непристойный, непутный, распутный, распушенный, разгульный, развратный, легкомысленный. Но есть и расширенное толкование этого слова — саврас без узды, а это уже поинтереснее! То есть — без пут, без сдерживающих факторов. Поэтому, если нет узды, пут, в конце концов, и приходит разврат, непристойность и т.д. То есть наличие узды и есть одно из условий путности, или целесообразности, но это отнюдь не либерально, господа! И путы не должны быть в форме физического увечья, как в случае Бетховена, а в форме высокой морали и сострадания, как в случае Баха и того же Бетховена. Сдерживать творчество физическими ограничениями сложно — пример Бетховена тому залог. Но интересно и свидетельство Солломона Волкова о процессе творчества

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Д. Шостаковича и И. Бродского (Соломон Волков был биографом обоих и знал их лично). Он рассказывает, что оба являлись проводниками, поэтому не могли управлять процессом «своего» творчества и чрезвычайно страдали, когда связь с Источником прерывалась. И Шостакович не лукавил, говоря, что не знает, сможет ли что-то сочинить ещё — он действительно не знал этого! Но когда контакт, к счастью, возобновлялся — то надо было подставлять бумагу и не мешать, условно говоря. То есть творчество настолько мощно само по себе, что физические ограничения, выделенные М. Казиником, не являются сколь-нибудь решающим фактором. Творчество пробьётся! Удивительный гимн Творчеству мы слышим в гениальной музыке Антона Брукнера, во второй части его Седьмой симфонии — части, по сути, являющейся Реквиемом Рихарду Вагнеру (кто ещё удостоен такого персонального Реквиема? А персонально Вагнеру посвящена ещё и Третья симфония Брукнера!) мы погружаемся в скорбь, но скорбь неотвратимо просветляется — начинается восхождение, идущее прямо из великой баховской Пассакалии! Восхождение приводит к ослепительному сиянию, изгоняющему скорбь. Мы можем услышать отзвуки брукнеровской концовки этой части и в финале Третьей симфонии его великого ученика Густава Малера, имеющем подзаголовок «Что мне говорит любовь». И у Брукнера это любовь к Творчеству, а через него и к Творцу! Брукнера надо слушать — у него нет аналогов или замены — он абсолютно уникален, как для своего времени, так и для мировой музыки — это настолько храбрый и свободно дышащий художник, что его исследователь Петер Гюльке писал, что он мог «двигать воображаемыми глыбами звука, командовать воображаемыми армиями музыки, вести воображаемые схват-

ки». Йорг Петер Урбах в своём эссе про симфонию Брукнера сравнивает процесс творения этих шедевров с химическим исследованием «до полного истощения вещества», и тут мы вспомним нашего замечательного композитора А. П. Бородин, которого упоминает и М. Казиник в своей передаче о Швеции, когда простой шведский фермер мечтал всю жизнь услышать живую Вторую квартет Бородина, и на закате своей жизни он смог получить этот дар! Мы знаем, что у Бородина было два всепоглощающих увлечения — химия и музыка, так что Урбах не преувеличивает сходство музыки и аналитики науки. Попробуйте послушать Седьмую симфонию Брукнера в записи Лорина Маазеля с Берлинским филармоническим оркестром — это и замечательное исполнение и наиболее развёрнутая редакция симфонии (редакция Новака). Оно не отвергает другие исполнения, но эта редакция не менее интересная и, главное, существенно длиннее других. Более того, выбранный Маазелем темп второй части не вызывает сомнения, что это реквием, когда в других исполнениях там можно услышать нечто пасторальное, делающее эту великую симфонию природно-гимнической, а это не так. О понимании же сути искусства Брукнера хорошо сказал В. Каратыгин: «Сложное, массивное, в основе своей имеющее титанические художественные концепции и отлитое всегда в крупные формы, творчество Брукнера требует от слушателя, желающего проникнуть во внутренний смысл его вдохновений, значительной напряженности апперцепционной работы, мощного активно-волевого импульса, идущего навстречу высоко вздымающимся валам актуально-волевой энергии брукнеровского искусства». Вячеслав Гаврилович Каратыгин (5 (17) IX 1875, Павловск — 23 X 1925, Ленинград) — российско-советский музыкальный критик и композитор — мой

дальний родственник, его псевдоним Черногорский – буквальный перевод нашей фамилии. Добавлю ещё одну цитату из Интернета (статья Г. Пантилеева) характеризующую масштаб личности Антона Брукнера: «Брукнер вырос в семье крестьянского учителя. В 10 лет начал сочинять музыку. После смерти отца мальчик был отправлен в капеллу певчих монастыря Св. Флориана (1837-40). Здесь он продолжил учиться игре на органе, фортепиано и скрипке. После кратковременного обучения в Линце Брукнер стал работать помощником учителя в деревенской школе, он также подрабатывал на сельских работах, играл на танцевальных вечеринках. Одновременно продолжал учиться композиции и игре на органе. Уже с 1845 г. он – учитель и органист в монастыре Св. Флориана (1851-55). С 1856 г. Брукнер живет в Линце, служит органистом в соборе. В это время он завершает свое композиторское образование у С. Зехтера и О. Кишлера, ездит в Вену, Мюнхен, знакомится с Р. Вагнером, Ф. Листом, Г. Берлиозом. В 1863 г. появляются первые симфонии, за ними следуют мессы – Брукнер стал композитором в 40 лет! Столь велика была его скромность, строгость к себе, что до той поры он не разрешал себе и помышлять о крупных формах. Растет известность Брукнера как органиста и непревзойденного мастера органной импровизации. В 1868 г. он получает звание придворного органиста, становится профессором Венской консерватории по классу генерал-баса, контрапункта и органа и переезжает в Вену. С 1875 г. он также читает лекции по гармонии и контрапункту в Венском университете (среди его учеников был Г. Малер). Признание к Брукнеру-композитору пришло только в конце 1884 г., когда в Лейпциге А. Никиш с огромным успехом впервые исполнил его Седьмую симфонию. В 1886 г. Брукнер играл на органе во время траурной церемонии

похорон Листа. В конце жизни Брукнер много и тяжело болел. Последние годы он провел в работе над Девятой симфонией; уйдя на пенсию, жил в предоставленной ему императором Францем Иосифом квартире во дворце Бельведер. Прах композитора похоронен в церкви монастыря Св. Флориана, под органом. Трогательная наивность Брукнера-человека вошла в легенду. Изданы сборники с рассказами о нем анекдотического характера. Трудная борьба за признание наложила известный отпечаток на его психику (боязнь критических стрел Э. Ганслика – (апологета Брамса. – А. К.) и т. п.). Основным содержанием его дневников были пометки о прочитанных молитвах. Отвечая на вопрос об исходных побуждениях к написанию «Те Деум'а» (ключевого произведения для понимания его музыки), композитор ответил: «В благодарность Богу, так как моим преследователям до сих пор не удалось меня погубить... Я хочу, когда будет судный день, подать Господу партитуру „Те Деум'а“ и сказать: „Посмотри, это я сделал только для Тебя одного!“ Уж после этого я, наверное, проскочу». Наивная деловитость католика в расчетах с Богом проявилась и в процессе работы над Девятой симфонией – заранее посвятив ее Богу (уникальный случай!), Брукнер молился: «Милостивый Боже, дай мне скорее выздороветь! Посмотри, мне ведь нужно быть здоровым, чтобы закончить Девятую!». Интересно, что творчество Брукнера близко русским! Огромный вклад в увековечивание его творчества внес Геннадий Рождественский с симфоническим оркестром Министерства культуры СССР (запись всех редакций всех симфоний – всего свыше 20 различных партитур)!

Теперь вспомним наших современников – Эраст Павлович Гарин играл на сцене с одним глазом, и тем больным, Сергей Яковлевич Леме-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

шев после войны пел одним лёгким — певец, и без лёгкого! Фортепианные концерты Равеля и Прокофьева, написанные для левой руки — дар пианисту, лишившемуся на Первой мировой главной для музыки правой руки. Ослепший Бах диктовал Альтниколою свою музыку, умирающий Моцарт — Зюссмайру свой Реквием, наш современник Фредди Меркьюри умирая, до последних сил передавал свою музыку своим товарищам, Род Стюарт после операции по поводу опухоли щитовидной железы спел и записал пять томов классических американских песен — какая там смерть, когда есть Творчество! Последняя юбилеяция приводит нас обратно к житейской мудрости Аси Семёновны. Передо мной книга «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне». Там замечательные стихи настоящих Поэтов, в смысле принадлежности к творчеству и в смысле принадлежности к Родине, и подход этих людей абсолютно противоречит снадобью Аси Семёновны — они не просто призывали кого-то к подвигу — они просто пошли добровольцами на фронт и отдали свои молодые жизни за то, чтобы Родина жила — вот это тебе и аттестация! Я приведу выдержки из этой книги:

«Самуил Израилевич Росин — родился в 1892 году, в июле 1941 года вместе с другими московскими писателями добровольно вступил в ряды Советской Армии. Самуил Росин погиб в тяжелых боях под Вязьмой осенью 1941 года».

Вот его ответ на рецепт Аси Семёновны:

Я себе вопрос серьёзный
Задаю не в первый раз:
Если час настанет грозный,
Как ты встретишь этот час?

Не колеблясь, не тоскуя,
Можешь ты отдать в бою

За страну свою родную
Жизнь и молодость свою?

Я спрошу и вновь отвечу
Стуком сердца своего,
Что врагу пойду навстречу,
Не жалея ничего,

Что любимую покину,
Не позволю провожать,
Что меня родному сыну
Не удастся удержать.

Не смутят ни мрак холодный,
Ни внезапный блеск штыка.
Облегчит мой шаг походный
Мужественная строка.

1941

А вот его же стихотворение, весьма актуальное и сегодня:

ЧЕЛОВЕК

Вижу:
Из пепла возник
Чудовищный зверь,
Грозный властитель
Всех сил, беспощадных и злобных,
Шаг его равен длине океана,
Дышит он ядом
И пламенем брызжет холодным,
Темный воитель.

Как сухостой,
Вырывает он с корнем хребты,
Рушит обжитые стены,
Милые сердцу пороги.
Заплутался в руинах
Чудовищный зверь

И не знает,
Куда теперь
Приведёт его
Злая дорога.

Словно сорвавшийся с привязи
Яростный смерч,
Захлебнулось чудовище
В черном позоре
И несет горе,

И несёт смерть
И мне,
и ему,
и тебе –
и каждому.

Рушит и жжет,
Убивает и жжет,
И не может
Залить кровоточащей жажды.
Его вечный враг –
Человек созидающий,
Обуздавший
И землю и небо.
Он пепел сдувает,
Раздувает пожарища,
Чтобы не было книг,
Чтобы не было хлеба!

ЗВЁЗДЫ

Овцами сбились в кучу,
Будто за ними
Он тоже гонится.
Всё ближе и ближе.
Вон за той тучей
Хочет украсть
Человечье солнце.

Но навстречу ему
Молодая страна
В миллионном упоре,
Как один богатырь,
Поднялась,
Чтобы с горем и смертью поспорить.
Трудный час...
Черный час.
Но и сердцем
И разумом верю:
Человек победит зверя.

1941

Можно согласиться, что в те времена было много сделано ошибок, но одно не скрыть – страна жила целеустремлённо и созидательно, да и радостно при всей материальной скудности – живы ещё люди, есть фильмы, есть песни тех лет – они лучшее доказательство. Как ни наивно, но велась пропаганда добра, был по-

ложительный герой и в жизни и в творчестве. И оказывается, что это необходимо – добру надо учить! И учить в деталях. Про нынешнее состояние нашей российской массовой культуры говорить нечего – все мы живём в этом смысле в одних условиях и что-то новое здесь сказать трудно.

Хочу лишь пересказать содержание телесюжета, увиденного мною недавно в Китае, это был неигровой сюжет, а снятый вживую в военном госпитале. Я смотрел репортаж не с начала, да и по-китайски не понимаю, поэтому сперва я подумал, по российской привычке, что задержали очередную взяточницу, так как на экране стоял грозный полковник, в обеих руках он держал пачки банкнот по сто юаней (100 юаней это около 500 рублей), причём, пачки толщиной от среднего пальца, до большого, то есть сантиметров 10-12, и тряс ими перед скорбно сидящей перед ним женщиной. Далее по развитию сюжета вижу, что это простая крестьянка и на взяточницу она не похожа, да и полковник, перестав пафосно говорить, отдал эту кучу денег женщине. Та ничего не понимает, отказывается. Потом по сюжету стало понятно, что её сын – солдат и получил травму во время прохождения службы и полковник – это командир его части – самый главный командир! И этот командир отдаёт матери деньги за травму сына. Тронутый сын это всё видит – плачет в три ручья! Полковник, как ни в чём не бывало и как родному ребёнку обеими руками утирает слёзы солдату! Мать падает в обморок, ей оказывают помощь, в палату входят другие офицеры части и дарят солдату ноутбук в камуфляжных цветах и с гербом Китая. Успокоившийся солдат открывает компьютер, а там записано видеообращение его товарищей к нему. Опять слёзы, опять командир утешает бойца. Скажите, это не полезно? Почему мы ничего доброго не

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

видим у нас на ТВ, в кино, в литературе? Пусть и наивно, но доброго! Возвращаясь назад, в самолете разговорился с милой попутчицей — китайкой, кстати, искренно любившей наш город. Один из вопросов, заданных ею мне, был — тебе нравятся китайцы? Я ответил — да, она не дожидаясь продолжения моей мысли, говорит — что, добрые? Я согласился. И могу подтвердить, что это так. И они пропагандируют добро во всех его проявлениях и делают это, как и всё, с большим размахом. Теперь о размахе.

Встречая просто, вне профессиональной надобности, англоговорящих китайцев, был удивлен их неосведомленности о нашей стране. И я несколько раз пытался использовать штамп — Россия — самая большая страна в мире. «И что это значит?» — спрашивал меня очередной китаец. «Ну это значит са-

мая большая территория, ну земли, места больше всего», — отвечал я. Китаец, наконец, понимал, что я имею в виду, но на него это не производило впечатления. И я догадался, что территория создана Богом, это природа, а большое в понимании китайца — это то, что создал человек, нация, то есть труд, творчество — вот то, что для них имеет смысл. И сейчас получается, что нам есть чему поучиться, в том числе и у китайцев — они ведь не стесняются учиться и стараются выбирать самое лучшее. Впереди же у нас трудная работа по созданию или воссозданию высокоморального человека и от этого выиграют все, так как в нашем геноипе уже заложена программа беспокойства обо всём мире и, причем в первую очередь. А смотрим мы новости не из праздного любопытства, а потому, что нам не всё равно!